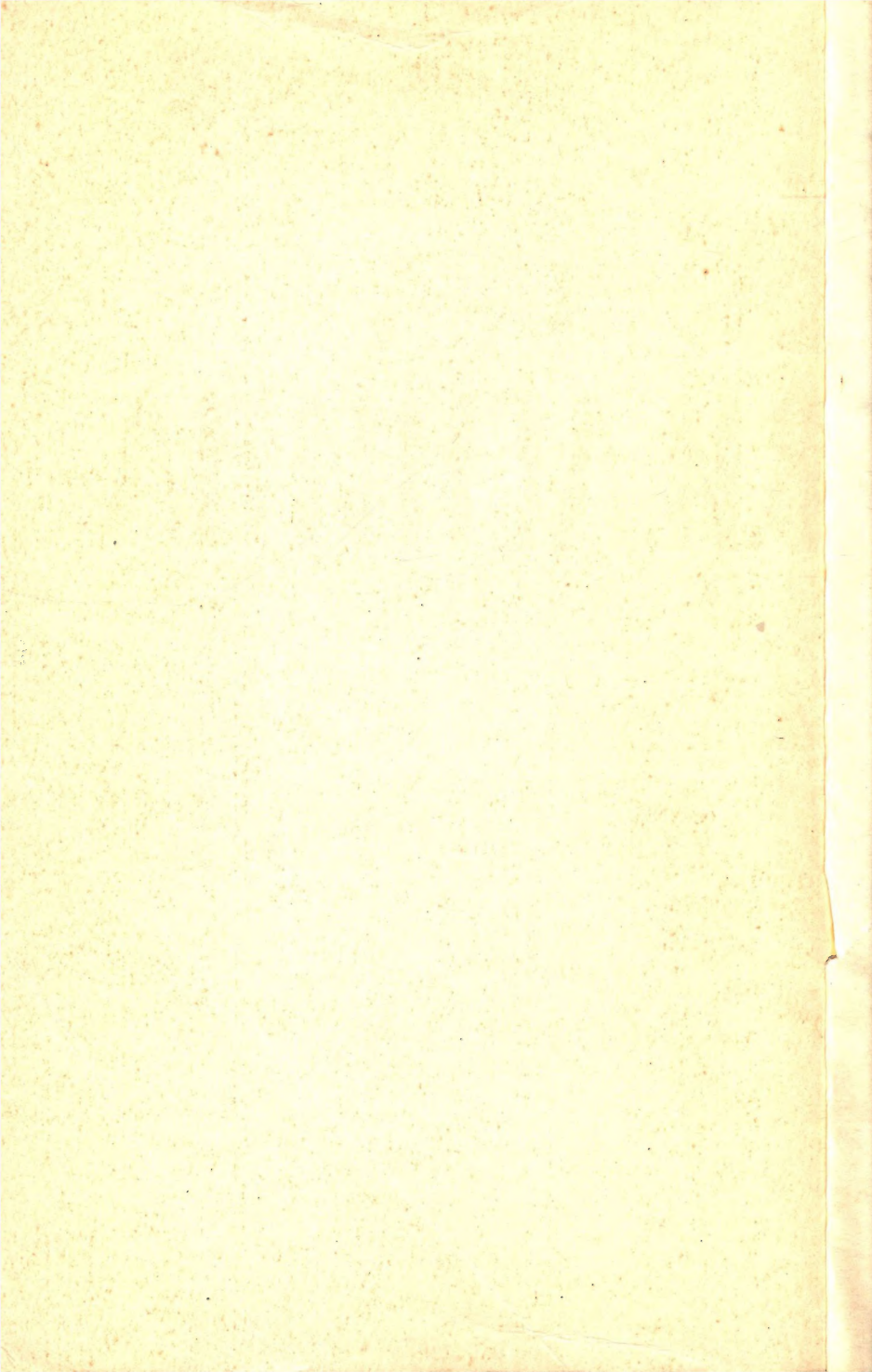


А. КАНТЕМИРОВ

БОРЬБА
В.И.ЛЕНИНА
ПРОТИВ
ИДЕАЛИЗМА
И МЕТАФИЗИКИ
В ТЕОРИИ
ПОЗНАНИЯ



Д. КАНТЕМИРОВ

БОРЬБА
В. И. ЛЕНИНА
ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА
И МЕТАФИЗИКИ
В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Алма-Ата — 1963

В книге «Борьба В. И. Ленина против идеализма и метафизики в теории познания» Д. С. Кантемиров, доцент кафедры диалектического материализма Алма-Атинской Высшей партийной школы рассматривает борьбу В. И. Ленина с различными антимарксистскими направлениями в теории познания. На основе анализа философских произведений В. И. Ленина он показывает, как В. И. Ленин отстоял и развил дальше теорию познания диалектического материализма, что он внес нового в гносеологию марксизма.

Автор обращает внимание на то, как В. И. Ленин умело применял положения марксистской теории познания в борьбе за создание партии нового типа ко всей практической деятельности Коммунистической партии. В книге показывается значение ленинской теории отражения в борьбе против современной буржуазной философии, ревизионизма и реформизма. Она рассчитана на пропагандистов и агитаторов, преподавателей вузов и студентов, слушателей сети партийного просвещения.

ВВЕДЕНИЕ

Величайшая сила марксизма в том, что он никогда не стоит на месте, а постоянно развивается в соответствии с изменением исторической обстановки.

«Мы вовсе не смотрим,— писал В. И. Ленин,— на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»¹.

Маркс и Энгельс выступали на философском поприще тогда, когда капитализм еще развивался по восходящей линии, когда в умах передовой интеллигенции, в рабочих кругах царил материализм. Но материализму не доставало диалектики. Естествознание стихийно стояло тогда на позициях материализма, который был в своей основе механическим, метафизическим, а иногда даже и прямо вульгарным. В силу этого Маркс и Энгельс вынуждены были обратить особое внимание на диалектику.

В эпоху Маркса и Энгельса идеализм не получил еще широкого распространения в естествознании, и они обратили главное внимание не на материалистическую гносеологию, а на достраивание материализма доверху, на исторический материализм.

В эпоху Ленина положение серьезно изменилось. Борьбу против материализма буржуазные философы начали вести главным образом в области гносеологии.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 4, стр. 191. Во всех последующих сносках ссылка на 4 издание.

Здесь особенно сильно сказалось влияние идеализма. Оно выразилось в том, что из новых открытий науки философы-идеалисты сделали реакционные выводы об исчезновении материи, о крахе материализма. Они стали реставрировать субъективный идеализм, агностицизм. Идеалисты воспользовались тем, что новые открытия в области строения и свойств материи опровергли метафизический материализм и попытались увести физиков от метафизического материализма к идеализму. В борьбе против материализма и его основного понятия — материи — они применяли различные новые словечки, термины, схоластические выверты. Эти шатания были использованы буржуазной философией и ревизионизмом.

«Все более тонкая фальсификация марксизма, — писал Ленин, — все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии»¹.

Идеологи II Интернационала не только не вели с идеализмом борьбы, но сами перешли на его позиции. В связи с этим защита и дальнейшее развитие материалистической теории познания стали одной из наиболее важных задач философии марксизма. Это тем более было необходимо потому, что естествознание, особенно физика, переживала в конце XIX и начале XX века настоящую революцию и попала в состояние кризиса. Естествоиспытатели не сумели встать на позиции диалектического материализма вообще, диалектико-материалистической теории познания в частности. Ход развития науки в этот период породил острейшую необходимость материалистического обобщения ее новых открытий. Нужно было дать отпор буржуазной идеалистической философии, стремившейся поживиться за счет кризиса естествознания и навязать науке свои реакционные идеи.

Не только причины, связанные с борьбой против буржуазной философии, и необходимость материалистического обобщения новых достижений науки поставили в порядок дня вопросы теории познания. Необходимость дальнейшего развития диалектического материализма,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 316.

в частности материалистической теории познания, диктовалась прежде всего и главным образом новыми задачами пролетариата и его партии, возникшими в связи с коренным изменением исторических условий в период империализма и пролетарских революций. Известно, что в этот период пролетариат вступил в полосу революционных битв, которые должны были привести к победе диктатуры рабочего класса. В этой обстановке необходимо было создать подлинно революционные партии марксистского типа. Но этому мешали оппортунистические партии II Интернационала, вожди которых были метафизиками и приспособляли политику пролетариата к интересам буржуазии. Они «не заметили» коренных сдвигов, происшедших в новую эпоху, прилагали все усилия к тому, чтобы опровергнуть революционное учение марксизма, пытались внушить трудящимся веру в вечность и незыблемость основ капитализма.

Начиная с 90-х годов, усилились попытки превратить марксизм в заурядный либерализм. Ревизионисты, отвергая марксистскую философию, не создавали новую, а пользовались старой буржуазной философией. Новыми у них были только методы борьбы: они извращали марксизм, пытались «примирить» с ним различные идеалистические учения. Например, Бернштейн звал назад к Канту, К. Шмидт — к соединению марксизма с неокантианством и т. д. «Все мещанские течения в социал-демократии,— писал Ленин,— воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии»¹.

Глубокую характеристику философского ревизионизма конца XIX и начала XX века дал В. И. Ленин в своей работе «Марксизм и ревизионизм».

«В области философии,— писал он,— ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту»,— и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма,— и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно «опровергнут»; профессора третируют Гегеля; как «мертвую собаку», и, проповедуя

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 336.

сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики,— и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отработывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т. е. к теологии),— и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса¹.

В. И. Ленин говорил о вождях II Интернационала, что они оказались на практике не диалектиками, не сумели и не хотели разглядеть ту логику, которая в силу общественных условий стала неизбежной. В статье «Крах II Интернационала» В. И. Ленин писал по этому поводу: «Вот вам живая диалектика оппортунизма: простой рост легальных союзов, простая привычка туповатых, но добросовестных филистеров ограничиваться ведением конторских книг, привели к тому, что в момент кризиса эти добросовестные мещане оказались предателями, изменниками, *душителями* революционной энергии масс. И это не случайность. Перейти к революционной организации необходимо, этого требует изменившаяся историческая ситуация, этого требует эпоха революционных действий пролетариата,— но переход этот возможен только *через головы* старых вождей, душителей революционной энергии, *через голову* старой партии, путем *разрушения* ее»².

Против ревизии марксизма и других вредных марксизму действий со стороны оппортунизма и ревизионизма официальная «ортодоксия» никаких решительных мер не принимала. Она просто молчала. Более того, она сама проявляла прямое пренебрежение к вопросам философии, в ее среде обнаружили ревизионистские тенденции, некоторые из ее представителей (Каутский и др.) испытывали влияние Спенсера, Дюринга, Маха и др. Они пытались «соединить» марксизм с махистской тео-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 19.

² В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 225.

рией познания, а материалистическое понимание истории превращали в систему застывших догм, оторванных от революционной борьбы пролетариата.

Левые социал-демократы в этой борьбе ревизионизма против марксистской философии также заняли неправильную позицию; они допускали серьезные ошибки как в политических, так и в философских вопросах. Многие из них (Меринг, Гортер, Паннекук и др.) марксизм сводили преимущественно к материалистическому пониманию истории, экономическому учению, не понимая того, что марксистская философия есть качественно новая философия, что возникновение марксистской философии есть революционный переворот во всей философии. Большинство из них старый механический материализм считало близким и приемлемым для марксизма. Меринг писал, что «Маркс и Энгельс всегда разделяли философские взгляды Фейербаха, поскольку они не распространяли и не углубляли их, перенося материализм в область истории; короче и проще говоря, в области естественных наук они были такими же механическими материалистами, как в области общественных наук историческими материалистами»¹.

Оппортунизм и ревизионизм нашли широкое распространение в 90-х годах и в России. Многие временные «попутчики» марксизма использовали неокантианство как орудие философской ревизии марксизма, оно было наиболее утонченной формой фальсификации марксизма в интересах русской буржуазии.

После временного поражения первой русской революции в борьбу против марксизма в России включились не только открытые враги марксизма, но и некоторые представители партийной интеллигенции, как Богданов, Базаров, Луначарский, Юшкевич и многие другие. Они хотя и считали себя марксистами, но никогда не стояли прочно на марксистских позициях. Их критика марксизма особенно вредной была потому, что они выступали лицемерно, под прикрытием признания марксизма. На самом же деле они проповедовали пошлый субъективный идеализм Беркли, Юма, Канта, эмпириокритицизм Маха и Авенариуса под видом новой философии. Махисты

¹ Цит. по кн.: Б. А. Чагин. Из истории борьбы В. И. Ленина в развитии марксистской философии, М., 1960, стр. 16.

утверждали, что материализм и идеализм якобы односторонние учения, что новые достижения науки не укладываются в их рамки, что поэтому они создали новую и нейтральную философию, которая не является ни материализмом, ни идеализмом, а стоит над ними.

Махисты пытались всячески доказать, что их философия опирается на новейшие данные науки и имеет основание называться «новейшей философией», последним словом философской мысли. Они называли себя «позитивистами», «реалистами» и т. д.

«Может быть, мы заблуждаемся, но мы ищем», — говорил Луначарский. В ответ на это В. И. Ленин заметил: «Не *вы* ищете, а *вас* ищут, вот в чем беда!»¹.

В. И. Ленин подверг уничтожающей критике эту ту-поумную претензию «подняться» над материализмом и идеализмом и этим попытаться «примирить» махизм с марксизмом. «Реалисты» и т. п., а в том числе и «позитивисты», махисты и т. д., все это — жалкая каша, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление. Попытки выскочить из этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства»². Махизм прикрывал «...новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки *идеализма и агностицизма*»³.

В «Предисловии к I изданию» «Материализма и эмпириокритицизма» Ленин писал, что «...все эти лица, объединенные — несмотря на резкие различия политических взглядов — враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты! Энгельсовская диалектика есть «мистика», — говорит Берман. Взгляды Энгельса «устарели», — мимоходом, как нечто само собою разумеющееся, бросает Базаров, — материализм оказывается опровергнутым нашими смелыми воинами, которые гордо ссылаются на «современную теорию познания», на «новейшую философию» (или «новейший позитивизм»), на «философию современного естествознания» или даже «филосо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 328.

² Там же, стр. 325—326.

³ Там же, стр. 342.

фию естествознания XX века». Опираясь на все эти якобы новейшие учения, наши истребители диалектического материализма безбоязненно договариваются до прямого фидеизма*...»¹

Левые социал-демократы в силу ограниченности своей точки зрения не могли, вернее, не в состоянии были глубоко и обстоятельно раскритиковать идеалистические взгляды буржуазных философов и ревизионистов. Они забывали партийный характер философии, недооценивали роли и значения философии для пролетариата. Только В. И. Ленин отстоял от атак ревизионизма и развил дальше философию марксизма, показал на деле ее исключительное значение для борьбы пролетариата против империализма и для победы социализма.

Великий диалектик и революционер В. И. Ленин дальнейшее развитие марксистской философии связал с историей большевистской партии и успехами научного познания, особенно в естествознании. Тем самым он поднял марксистскую философию, как и весь марксизм в целом, на новую, более высокую ступень развития.

В. И. Ленин решительно отстаивал принцип партийности философии. Он указывал, что этот принцип вытекает из необходимости борьбы против буржуазной идеологии, из непримиримости классовой борьбы пролетариата и его передового отряда — партии против империализма и его лакеев — оппортунистов.

Ф. Энгельс указывал, что материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием и, вообще, надо сказать, с каждой новой исторической эпохой. Эту задачу выполнил В. И. Ленин в своей революционно-практической и теоретической деятельности. В статье «Некритическая критика» он писал: «...меня особенно занимает в настоящее время вопрос о современном эклектическом направлении в философии и в политической экономии и что я не теряю еще надежды представить со временем систематический разбор этого направления...»²

В. И. Ленин разгромил неокантианство в ряде сво-

* Фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере. (Примеч. В. И. Ленина).

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 7—8.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 559.

их работ, особенно в таких, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Еще к вопросу о теории реализации», «Капитализм в сельском хозяйстве», «Аграрный вопрос и «критики Маркса», «Некритическая критика», «Марксизм и ревизионизм», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Карл Маркс», «Три источника и три составных части марксизма», «О значении воинствующего материализма» и др. В них В. И. Ленин отстоял и творчески развил дальше диалектический и исторический материализм в борьбе против народников, против «экономистов» и меньшевиков, против перерожденцев и двурушников.

Известный идеолог народников Михайловский, например, утверждал, что марксизм искусственно занесен в Россию, что он не имеет своей теории познания, философия не обоснован, что марксизм представляет собой метафизику и догматизм. Он отождествлял диалектику Маркса с идеалистической диалектикой Гегеля.

Народники в своих философских построениях исходили из позитивистской концепции о непознаваемости мира. Тот же Михайловский заявлял, что наука не расположена видеть в истинах верную копию с действительности, что для науки безразлично — истинно или призрачно наше познание само по себе, и поэтому предлагал заменить понятие объективной истины субъективным понятием «удовлетворения познавательной потребности человеческой природы».

В работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «От какого наследства мы отказываемся», «Развитие капитализма в России» и др. В. И. Ленин, критикуя позитивистские воззрения народников, доказал, что с точки зрения марксизма задача науки состоит в том, чтобы наиболее полно, всесторонне и правдиво отобразить действительность.

В. И. Ленин отразил бешеные атаки на материализм и привел материализм в соответствие с новыми открытиями науки, показал, что в изменчивости и относительности наших знаний о строении и свойствах материи содержится объективная истина. Ленин уделил особое внимание вопросам теории познания, разработке

материалистической диалектики как философской науки марксизма и обобщению новейших открытий в естествознании.

В. И. Ленин по-разному критиковал философских противников марксизма из лагеря идеализма и материализма. Известно, что каждый из этих лагерей весьма неоднороден и распадается на ряд школ. На крайнем правом крыле идеалистического лагеря стоят фидеисты, теологи, имманенты, спиритуалисты и прочие прямые защитники и проповедники открытого философского идеализма. За откровенными идеалистами следуют такие школы, которые пытаются скрыть и замаскировать свой идеализм, например, махизм и др.

Лагерь материализма представлен наиболее последовательной его формой — диалектическим материализмом, философами, примыкающими к различным школам механического и вообще метафизического, то есть ограниченного материализма; сюда же относятся и сторонники упрощенного вульгарного материализма. Затем идут стихийные, по выражению Ленина, естественно-исторические материалисты, которые стоят на позициях материализма бессознательно и не могут последовательно проводить материалистические воззрения.

Между этими двумя основными лагерями философии Ленин ставил, так же как Маркс и Энгельс, агностиков различных оттенков. Одни из них стоят ближе к материализму, другие — ближе к идеализму и даже часто переходят на его позиции. Поэтому Ленин, так же как и Энгельс, по-разному их критиковал. Против идеалистов Ленин борется, материалистов же, допускающих ошибки в духе агностицизма, он поправляет, толкает их в сторону более последовательного, сознательного и открытого материализма.

Ленинский этап в развитии марксистской философии продолжается в наши дни. В решениях и документах КПСС, других коммунистических и рабочих партий, в трудах учеников и соратников Ленина творчески развивается марксистско-ленинская философия. Классическим образом в этом отношении являются материалы XX, XXI, XXII съездов нашей партии, материалы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, доклады и выступления Н. С. Хрущева, который коротко и ясно выразил сущность творческого подхода к марк-

сизму. Он говорил: «Марксистско-ленинские идеи имеют для международного рабочего движения, для победы коммунизма такую же животворную силу, как солнечные лучи, как свет и тепло для растений, для жизни на земле. Как сама жизнь беспредельна в своем прогрессивном движении, в своих многообразных проявлениях, так безгранична в своем развитии и обогащении новым опытом и новыми положениями марксистско-ленинская теория»¹.

¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. М., 1959, стр. 129—130.

ГЛАВА I

КРИТИКА В. И. ЛЕНИНЫМ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

1. РАЗОБЛАЧЕНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ МАТЕРИИ И ЕЕ ОСНОВНЫХ СВОЙСТВ

Диалектический материализм, правильно решая первую (онтологическую), положительно решает и вторую (гносеологическую) сторону основного философского вопроса. Он опирается на передовые достижения естествознания и общественной практики и доказывает, что мир по своей природе материален, что все окружающее нас есть самые разнообразные виды, формы вечно развивающейся, вечно движущейся вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существующей материи, что материя первична, а мышление вторично; оно есть отражение в сознании человека предметов, явлений материального мира, их свойств, качеств, связей и отношений.

В. И. Ленин указывал, что в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове. С признанием существования объективного мира независимо от сознания человека В. И. Ленин связал все другие вопросы теории познания.

Диалектический материализм утверждает, а сама жизнь показывает, что мир, окружающий нас, бесконечно разнообразен, но, несмотря на это, предметы его имеют одно общее свойство, присущее всем им без исключения. Это свойство — существовать объективно, то есть вне нас и независимо от нас.

Материалистическое решение основного вопроса философии составляет фундамент теории познания диалектического материализма.

«Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений,— говорил Ленин,— человек приходит к объективной истине»¹. Объективный мир, материя, природа есть единственный источник наших ощущений, сознания, мышления, всех наших знаний. Познание невозможно без воздействия внешних предметов на наши органы чувств. Только в результате такого воздействия на сознание человека могут возникнуть в его голове образы, копии, снимки материальных предметов и явлений в виде ощущений, представлений, понятий, суждений и умозаключений. Предметы и явления материального мира существуют до того, как в нашей голове родилось представление о них.

Поэтому не случайно критику идеализма В. И. Ленин начал с разбора краеугольного понятия философии — понятия материи. Дело в том, что гносеология в широком смысле слова включает в себя признания: 1) первичности материи или сознания и 2) познаваемости или непознаваемости мира. Понятие материи и связано как раз с решением обеих сторон основного философского вопроса.

Идея материальности мира возникла у людей в процессе их трудовой деятельности. Люди, вначале стихийно, а затем уже и сознательно убеждались в том, что предметы, с которыми они имеют дело, по своей природе материальны и существуют независимо от их сознания. Ленин указывал, что в основе диалектико-материалистического понимания материи лежит общественно-историческая практика масс, которая создает непреклонное убеждение в том, что вещи, мир, среда существуют независимо от нас. Следовательно, объективно существуют и все качества и свойства материи. Несмотря на это, идеалисты всегда старались и стараются опровергнуть понятие материи как объективной реальности, сводят ее к фикции, символу, ошибке человеческого языка и т. д. Так, субъективный идеалист Беркли вполне определенно говорил, что материя есть «несуществующая сущность», «ничто».

¹ В. И. Ленин, Философские тетради. М., 1947, стр. 174.

Слово «материя» Беркли понимал как «ничто» и откровенно говорил, что признать материальную субстанцию — это значит посеять скептицизм, уныние и запутать вопросы познания. Он ставил задачей своей философии изгнать материю из природы.

«Материя,— писал Беркли,— раз она будет изгнана из природы, уносит с собой столько скептических и безбожных построений, такое невероятное количество споров и запутанных вопросов...»¹

Беркли умышленно выступал против признания материи как объективной реальности потому, что такое признание ведет к отрицанию существования бога. Поэтому, чтобы спасти идею бога, религию, он и предлагал отбросить понятие материи.

Основной тезис Беркли гласит: «...существовать — значит быть в восприятии». Он защищает мысль о решающем значении чувств в жизни природы и в ее познании, о том, что якобы природа зависит от чувств человека, а не наоборот. Беркли считал, что все воспринимаемые человеком объекты — не что иное, как идеи. Определенное состояние, соединение этих идей называл какой-либо вещью. Согласно учению Беркли, предметы реальны потому, что их можно рассматривать как определенный комплекс человеческих ощущений. Этим он ставил весь мир в зависимость от чувств человека.

«Я вижу,— разъясняет Беркли,— эту вишню, я осязаю ее, я пробую ее; и я убежден, что «ничто» нельзя ни видеть, ни чувствовать, ни пробовать; следовательно, она реальна. Устрани ощущение мягкости, красноты, терпкости — и ты уничтожишь вишню. Так как она не есть бытие, отличное от ощущений, то вишня, я утверждаю, есть не что иное, как соединение чувственных впечатлений или представлений, воспринимаемых разными чувствами; эти представления объединяются в одну вещь (или имеют одно данное им имя) умом, ибо каждое из них наблюдается в сопровождении другого. Так, когда небо испытывает данный особый вкус, зрение воспринимает красный цвет, осязание — округлость, мягкость и т. д. Отсюда следует, что когда я вижу, осязаю, испытываю вкус различного рода способами, я убежден, что вишня существует или является реальной; ее

¹ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 16.

реальность, по моему мнению, не есть нечто отвлеченное от этих ощущений»¹.

До этого в той же работе Беркли пишет: «Дерево, камень, огонь, вода, тело, железо и подобные вещи, которые я называю и о которых я говорю, суть вещи, которые я знаю. И я не мог их познать иначе, как только через восприятие своими чувствами, воспринимаемыми непосредственно; вещи, непосредственно воспринимаемые, суть представления; а представления не могут существовать вне ума; их существование поэтому состоит в том, что они воспринимаются»².

Стремясь согласовать свои идеалистические положения со здравым смыслом, Беркли говорит, что он не сомневается в том, что мир с его звездами, солнцем, горами и реками существует. Он даже готов допустить выражение «материальная субстанция». Но под всем этим он предлагает разуметь совокупность ощущений. Беркли не может примириться с философским учением о субстанции, как таком начале, которое существует независимо от сознания и рядом с ним. По его мнению, субстанция как материальное начало была всегда другом атеистов.

Беркли утверждал, что общих понятий не существует. Общее представление замещает каждое из сходных представлений в отдельности. Термин «материя» не включает «ровно никакого представления, никакого смысла, за исключением неведомого смысла, который есть то же, что ничего»³.

В. И. Ленин показал, что такой антинаучный, субъективно-идеалистический взгляд на мир мог возникнуть только благодаря полному отождествлению идей и вещей. Если положение Беркли «существовать — значит быть в восприятии» признать правильным и верным, то человек, создающий себе представление об окружающем мире, должен обращаться не к изучению этого мира, а к своим собственным переживаниям, чувствам, идеям. Выходит, что человеческие чувства создают материаль-

¹ Дж. Беркли. Три разговора между Гиласом и Филонусом. М., 1937, стр. 108—109.

² Там же, стр. 84.

³ Дж. Беркли. Трактат о началах человеческого знания. Спб., 1905, стр. 78.

ный мир, субъект превращается в творца мира, тела существуют только в его ощущении.

В. И. Ленин, критикуя такую «философию», писал, что мозг тоже есть тело. «Значит, мозг есть тоже не более как комплекс ощущений. Выходит, что при помощи комплекса ощущений я (а я тоже не что иное, как комплекс ощущений) ощущаю комплексы ощущений. Прелесть что за философия!»¹

Все берклианцы первоосновой считают не материю, а ощущения: весь мир, по их учению,— это комплекс ощущений, материя же, говорят они, производна от ощущений.

«Все, что не мысль,— уверяет идеалист А. Пуанкаре,— есть чистое ничто... Сказать, что существует нечто иное, чем мысль, означало бы вести утверждение, которое не может иметь смысла»².

Идею материальной субстанции мира отрицает и Юм. Вещь, по его мнению, есть не что иное, как сумма свойств, для которых мы, имея в виду, что они всегда встречаются вместе, изобретаем особое имя. Так, сахар есть совокупность свойств белого цвета, сладости, твердости и т. д. Никакого субстрата, который лежал бы в основе этих свойств, по Юму, не существует. Просто мы привыкли одновременное существование определенных свойств относить к неизвестному нам носителю этих свойств.

Махисты также боролись против понятия материи как объективной реальности. Они подменяли его «элементами мира», «комплексами ощущений». Так, Авенариус говорил, что «внутри очищенного» «полного опыта» нет «физического», «материи», ибо «материя»... есть лишь абстракция... полная бессмыслица.

Авенариус отрицает бытие физического, независимо от психики, отвергает понятие материи. То же самое утверждает и Мах, правда, несколько иначе, без философских выкрутас. В работе «Анализ ощущений» он пишет: «То, что мы называем материей, есть только известная закономерная связь *элементов* («ощущений»)»³.

Желая замаскировать свой идеализм и поддаться под науку, Мах стремился запутать основной вопрос

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 32.

² А. Пуанкаре. Ценность науки. М., 1906, стр. 193—194.

³ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 132.

философии, утверждая, что «элементы» в одной связи являются ощущением, а в другой — физическим объектом, что они не идеальны и не материальны, а нейтральны. Все зависит от того, говорил он, в какой функциональной зависимости они находятся. Например, цвет есть физический элемент, если мы обращаем внимание на его зависимость от источника света, но цвет есть психическое, говорил Мах, если мы обращаем внимание на его зависимость от сетчатки нашего глаза.

В. И. Ленин детально, шаг за шагом раскрыл идеалистическую суть махистской теории. Он глубоко проанализировал эту теорию и показал, что Мах, как и Беркли, отрицает объективность природы, материи, весь мир сводит к комплексу «элементов», а «элементы» эти суть те же ощущения. Махисты объявили эту теорию лишенной односторонности, она-де ни материалистическая, ни идеалистическая.

В. И. Ленин замечает, что односторонности тут действительно нет, но есть самое бессвязное спутывание противоположных философских точек зрения. Раз вы исходите только из ощущений, говорил В. И. Ленин, то словечком «элемент» не исправляете «односторонности» своего идеализма, а только запутываете дело, прячетесь трусливо от своей собственной теории.

Русские последователи Маха — Богданов, Базаров, Валентинов, Луначарский и др. — как раз и попали на удочку этой «новейшей» философии. Болтовня Маха о «нейтральности элементов» подкупила их. Богданов заявлял, что он у Маха взял «только» представление о нейтральности элементов опыта по отношению к «физическому» и «психическому», но идеалистом считать себя не может. Раскрывая эту путаницу Богданова, В. И. Ленин писал: «Это все равно, как если бы религиозный человек сказал: не могу себя признать сторонником религии, ибо я взял у этих сторонников «только одно»: веру в бога. «Только одно», взятое Богдановым у Маха, и есть *основная ошибка* махизма, основная не-правильность всей этой философии»¹.

В. И. Ленин поставил перед махистами ясный и прямой вопрос: существовала ли природа до человека? Махисты невероятно запутывали ответ на этот вопрос. Же-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 46.

лая как-то примирить свой субъективный идеализм с данными естествознания, которое утверждает, что земля существовала задолго до появления человека с его ощущениями, махисты сочинили теорию «принципиальной координации». Ее сущность сводится к тому, что мы якобы можем «примыслить» сознание человека даже в тот период существования земли, когда самого человека еще не было, что объект и субъект всегда существовали и существуют вместе. Последовательно разоблачая и эту теорию, Ленин указывает: «Мыслить и «примыслить» люди могут себе всяческий ад, всяческих леших, Луначарский даже «примыслил» себе... ну, скажем мягко, религиозные понятия; но задача теории познания в том и состоит, чтобы показать нереальность, фантастичность, реакционность подобных примыслов»¹.

Петцольд отрицание материи как субстанции аргументировал следующим образом. Вещь — это непостоянный комплекс свойств. Свойства одних вещей существуют только в связи со свойствами других вещей. Поэтому они не нуждаются в своем носителе. Они взаимно являются носителями друг друга, независимо от того, свойствами каких предметов они являются: одного и того же или различных предметов. Свойства взаимно обусловлены, как переменные величины в уравнении.

Махисты кричали об устарелости понятия материи. Они утверждали, что новейшие достижения физики доказывают превращение материи в энергию, исчезновение материи, что понятие «материи» или «субстанции» — остаток старых, некритических воззрений. Наиболее ярким примером в этом отношении является «энергетизм» Оствальда, который отрицал материальность энергии, реальность материи и ее конкретных частиц — атомов и молекул. Оствальд понятие материи и духа подводил под понятие энергии, тем самым пытался устранить противоположность идеализма материализму.

Махисты в борьбе против философского материализма и против его основных понятий, категорий, в частности против понятия материи, использовали и то положение, что физики до второй половины 90-х годов XIX столетия отождествляли понятие материи с понятием массы. Масса (одно из физических свойств материи)

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 67.

рассматривалась физиками того периода как абсолютно неизменное, субстанциональное свойство материи, ее определяли как количество вещества, как синоним материи.

А. Богданов утверждал, что понятие материи выражает «неизменную сущность вещей», а так как новые открытия опровергают эту неизменную сущность, то, следовательно, опровергается и понятие материи.

Разоблачая субъективно-идеалистическое отрицание объективности материи, фальшь и демагогию махистов, В. И. Ленин писал, что сколько-нибудь последовательная философия может выводить единство мира из той объективной реальности, которая существует вне нас и давным-давно называется в гносеологии материей и изучается естествознанием. Ленин также писал, что когда человек видит красное, слышит громкое, осязает твердое, ему дана объективная реальность, а для этой объективной реальности нужно философское понятие, и это понятие давно, очень давно выработано. Это понятие и есть материя.

В. И. Ленин впервые в истории философской мысли дал классическое определение философского понятия материи, показал связь и различие философского понятия материи и естественнонаучных теорий о строении и свойствах ее. «Материя,— писал Ленин,— есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»¹. Такое понятие материи не может «устареть».

Разоблачая лицемерную игру махистов в «нейтральность» между материализмом и идеализмом, Ленин противопоставляет им четкие определения материи: «...материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении...»²

Вопрос о признании материи как объективной реальности есть вопрос о доверии к показаниям наших органов чувств. Ленин указывает, что вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии че-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 117.

² Там же, стр. 133.

ловека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии, вопрос, который может быть переряжен на тысячи ладов клоунами-профессорами, но который не может устареть, как не может устареть вопрос о том, являются ли источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние.

Люди черпают знания не из самих себя, а из внешнего мира. Окружающие предметы, события являются источником нашего знания, они даны нам в ощущениях. Под материей и имеется в виду внешний объективный источник знаний.

Таким образом, под материей понимаются не те или иные физико-химические свойства и состояния тел, а их существование вне и независимо от сознания как источник ощущений и мыслей. Понятие же материи — это сокращенное обозначение объективной реальности.

В ленинском определении понятия материи подчеркивается признание объективного существования внешнего мира, его первичность по отношению к сознанию. Вместе с тем Ленин указывает, что «...противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»¹. Относительность противопоставления подтверждается тем, что сознание есть идеальное свойство высокоорганизованной материи — мозга. Мозг обладает способностью отображать и познавать внешний мир.

Ленинское определение понятия материи в корне опровергает измышления современных ревизионистов о том, что якобы марксисты не знают, что такое материя, что будто бы материя есть нечто неизвестное, немислимое. Французский ревизионист Лефевр повторил этот довод, заявляя, что материя — это X, нечто неизвестное.

Утверждение ревизионистов о том, что такое понятие «устарело», есть повторение довода модной реакционной

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 134—135.

философии, есть переход на позиции философского идеализма.

Махисты предлагали дать такое же короткое определение материи, какое мы даем обычно отдельным предметам. В. И. Ленин показал, что этим они пытались прикрыть свой идеализм, и указывал, что самое небольшое размышление могло бы показать махистам, что по сути дела нельзя дать иного определения материи и сознания в гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное и которое за вторичное.

«Что значит дать «определение»? — спрашивал Ленин. И сам же отвечал: «Это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие «осел» под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это — предельно-широкие, самые широкие понятия... Только шарлатанство или крайнее скудоумие может требовать такого «определения» этих двух «рядов» предельно-широких понятий, которое бы не состояло в «простом повторении»: то или другое берется за первичное»¹.

Мыслить себе материю без качеств и свойств есть пустая абстракция, не соответствующая действительности. Энгельс писал: «Материя как таковая, это — чистое создание мысли и абстракции. Подводя вещи, рассматриваемые нами как телесно существующие, под понятие материи, мы отвлекаемся от всех качественных различий в них. Поэтому материя как таковая в отличие от определенных существующих материй не является чем-то чувственно существующим»².

В действительности существует конкретная материя, которая является чувственной вещью и воспринимается органами чувств; нет мысленной, умопостигаемой материи в отличие от чувственно воспринимаемой. В объективной действительности существуют, например, яблоки, груши, апельсины, но не существует плода как такового, его еще никто не воспринимал и практически не употреб-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 133.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1952, стр. 203.

лял. Качества материи также нельзя представлять абстрактно; в природе нет качеств вообще, качеств как таковых, а существуют вполне определенные, конкретные качества, скажем, цвет, звук, запах, теплота и т. д.

Махисты клеветали на материалистов, обвиняли их в том, что они (материалисты) будто признают мир мертвым, лишенным звуков и красок, а для них (махистов) якобы, наоборот, мир полон красок, звуков и т. д. Ленин разоблачил эту клевету на материализм. Он показал, что именно для материалистов мир более богат и разнообразен, чем он кажется человеку, ибо развитие науки открывает с каждым годом все новые и новые стороны мира.

Таким образом, философское понятие материи предельно широкое, оно выражает то, что свойственно всем предметам и явлениям, то есть их существование вне и независимо от нашего сознания.

Ленинское учение о материи правильно решает вопрос о соотношении таких атрибутивных свойств материи, как движение, пространство, время и развитие. Надо сказать, что этот вопрос был и остается одним из актуальных в философии, он тесно связан с решением основного вопроса философии, а следовательно, и с гносеологией марксизма.

Вопрос о соотношении материи, движения, пространства и времени философы решали и решают по-разному. Все они в принципе признавали и признают движение. Но этого, разумеется, далеко не достаточно для характеристики мировоззрения философа. Важно установить то, как понимать движение, что движется и почему движется, каково соотношение материи, движения, пространства и времени.

Идеалисты сводят движение к духовным процессам, понимают движение, как движение божественных идей или своих мыслей, представлений, ощущений. Например, английский махист Карл Пирсон утверждал, что вещи движутся, но только в понятии. Критикуя идеалистическое понимание движения, Ленин писал, что идеалист и не думает отрицать того, что мир есть движение, именно: движение моих мыслей, представлений, ощущений. Но вопрос о том, что движется, говорил Ленин, идеалист отвергнет и сочтет даже нелепым: «...происходит смена моих ощущений, исчезают и появляются представ-

ления, и только. Вне меня ничего нет. «Двигается» — и баста»¹.

Принципиально противоположную позицию занимают материалисты. Они всегда признавали движение материальным. Правда, метафизические материалисты сводили все движение к механическому движению, упрощенно представляли себе связь материи и движения, а некоторые материалисты XVII—XVIII веков даже отрывали движение от материи. Причиной движения считали внешний толчок. А это приводило к уступкам или даже прямо к идеализму. Энгельс это хорошо показал на примере Дюринга, который утверждал, что мир первоначально находился в «самом себе равном состоянии», но потом какая-то несчастная причина привела его в состояние движения. А это значит, что начало движения было вызвано божественной силой. Это значит, что мировые часы, как говорил Энгельс, сначала должны быть заведены.

Диалектический материализм учит, что мир — это движущаяся материя, а само движение есть неотъемлемое свойство материи, ее атрибут, способ ее существования, и нет материи без движения так же, как нет и не может быть движения без материи.

Диалектический материализм под движением понимает всякое изменение в материальном мире.

«Движение, — писал Энгельс, — рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как форма бытия материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во Вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением». И дальше: «Движение, в применении к материи, — это *изменение вообще*»².

В. И. Ленин противопоставил идеалистическому пониманию движения положение диалектического материализма о материи и движении, развил его дальше применительно к теории познания диалектического материализма. Философский и «физический» идеализм извращают природу движения, мыслят его без материи на том основании, что якобы материя исчезла и что «экономнее мыслить движение без материи». В. И. Ленин показал, что все попытки оторвать движение от материи равно-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 254.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 197.

сильны тому, что оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира. Это значит перейти на сторону идеализма.

В связи с этим В. И. Ленин показал и несостоятельность «энергетизма» Оствальда, пытавшегося подменить понятие материи понятием энергии.

Известно, что термин «энергетика» употребляется обычно в физическом и философском смысле. В первом случае имеется в виду общее учение физики о движении материи в природе, подчиняющееся закону сохранения и превращения энергии. Во второй половине XIX века это учение вылилось в особый раздел физики — термодинамику, которая давала возможность описывать физические и физико-химические процессы, составляла как бы суммарную картину микропроцессов, в которых участвовала теплота. Энергетика могла служить хорошим методом изучения непонятных явлений, и многие физики пользовались таким методом. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» очень интересными считал взгляды немецкого физика, стихийного материалиста Г. Герца. Он писал, что «Герцу даже и не приходит в голову возможность нематериалистического взгляда на энергию... Естествоиспытатель смотрит на энергетику, как на удобный способ излагать законы материального движения в такое время, когда физики, если можно так выразиться, от атома отошли, а до электрона не дошли»¹.

Энергетика как физическое учение понимает энергию как материальное движение. Ленин писал, что превращение энергии рассматривается естествознанием как объективный процесс, и единственно научная энергетика состоит в том, что она есть снимок с объективной реальности.

Совсем другой смысл имеет энергетическая философия, которую создал Оствальд. Он извратил подлинное содержание закона сохранения и превращения энергии, расценил его как единственный закон мира и пришел к неправильному выводу, что в природе, кроме энергии, вообще ничего нет. В результате эволюции своих взглядов на материю и движение Оствальд пришел к утверждению того, что энергия как единственная субстанция есть продукт нашего сознания. Такой иде-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 271.

алистический взгляд на материю и движение Ленин хорошо иллюстрирует на ряде высказываний Оствальда¹.

В 1887 году Оствальд говорил: «...мы можем принять энергию за совершенный аналог весомой материи и имеем право также назвать ее субстанцией, как это издавна делается относительно первой». В 1890 году Оствальд признавал две субстанции — материю и энергию, причем он их считал реальными, независимыми от воли человека. Но он уже и тогда предпринял ряд попыток оторвать энергию от материи. В 1895 году в речи на съезде германских естествоиспытателей и врачей Оствальд заявил, что «материя именно и есть продукт мышления, который мы себе построили и притом довольно несовершенно». Он утверждал: то, что на нас действует, есть только энергия.

Из этого видно, что Оствальд первичным считал энергию, движение. В последних своих работах он вообще стал отрицать материю как субстанцию, заявив, что «атомы будут встречаться только в пыли библиотек». Интересно отметить, что Оствальд, отрицая материю как субстанцию, вынужден был признать массу как одно из свойств материи. Но он объявил ее, на манер «физических» идеалистов, отношением между величинами в математических формулах. Никакого материального носителя энергии он не признавал, в понятие энергии включал и проблему субстанции, и проблему причинности, и даже общественные процессы.

Еще до Ленина резкую критику «энергетизма» в России дали Д. И. Менделеев и А. Г. Столетов, а в Германии — известный немецкий физик-материалист Л. Больцман, который опровергал определение массы как энергии.

«Против оствальдовской энергетики, — писал В. И. Ленин, — Л. Больцман полемизировал неоднократно с точки зрения физика, доказывая, что формулы кинетической энергии (половина массы, помноженная на квадрат скорости) Оствальд ни опровергнуть, ни устранить не может и что он вертится в порочном кругу, выводя сначала энергию из массы (принимает формулу кинетической энергии), а потом массу, определяя как энергию»². «Энергетизм» критиковали и другие ученые, но никто из них

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 258.

² Там же, стр. 274—275.

не смог разгромить его до конца потому, что эта критика велась с позиций непоследовательного, стихийного материализма. Только с позиций диалектического материализма, а это сделал только В. И. Ленин, энергетизму был нанесен смертельный удар. «Для философов,— писал он,— энергетика послужила поводом к бегству от материализма к идеализму»¹. В. И. Ленин считал, что «энергетизм» есть путаный агностицизм, идеалистическая тенденция мыслить движение без материи и, со своей стороны, показал, что энергия есть материальное движение, свойство материи. По поводу заявления Оствальда о том, что «все внешние явления могут быть изображены, как процессы между энергиями, что это обстоятельство проще всего объяснить тем, что именно процессы нашего сознания сами являются энергетическими и таковое свое свойство передают всем внешним опытам», Ленин писал, что это — чистый идеализм, что не наша мысль отражает превращение энергии во внешнем мире, а внешний мир отражает «свойство» нашего сознания.

«Энергетизм», как философское течение, делает гносеологические выводы в пользу идеализма, фальсифицирует действительное содержание физического учения об энергии. Он путает гносеологические понятия с физическими и таким путем пытается «подняться» выше материализма и идеализма, «преодолеть» противоположность между ними. Оствальд с восторгом заявлял, что он устранил затруднения в соединении понятий материи и духа тем, что подвел их под «энергию», что этим достигнут громадный выигрыш для всей науки. «Это не выигрыш, а проигрыш,— возражал ему В. И. Ленин,— ибо вопрос о том, вести ли гносеологическое исследование (Оствальд не ясно сознает, что он ставит именно гносеологический, а не химический вопрос!) в материалистическом или идеологическом направлении, не решается, а запутывается произвольным употреблением слова «энергия»².

Попытку Оствальда запутать основной гносеологический вопрос посредством неопределенного употребления слова «энергия» была разоблачена Лениным. Он писал: «Энергетика Оствальда — хороший пример того, как бы-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 271.

² Там же, стр. 258.

стро становится модной «новая» терминология и как быстро оказывается, что несколько измененный способ выражения ничуть не устраняет... основных философских направлений. В терминах «энергетики» так же можно выразить материализм и идеализм (более или менее последовательно, конечно), как и в терминах «опыта» и т. п.»¹.

Идеалисты, в том числе и махисты, искажали также природу пространства и времени. Они отрицали объективный характер этих свойств материи, пытались «доказать», что пространство и время есть продукт сознания.

Д. Юм считал, что задача ума состоит в том, чтобы установить связь между восприятиями, из которых состоит весь мир, а что скрывается за пределами этих восприятий, мы не знаем и знать не можем. С помощью ума можно постигнуть лишь то, что восприятия находятся одно возле другого либо следуют одно за другим. В зависимости от расположения этих восприятий, говорит Юм, мы и получаем ассоциации о пространстве и времени.

Таким образом, по Юму, пространство и время объективно не существуют, а создаются в нашем уме. Мах утверждал, что одновременное распределение разнообразных «событий», «элементов» мы называем пространством, а факт последовательности этих «элементов» — временем. По Маху, «пространство и время суть упорядоченные системы рядов ощущений». Для того, чтобы замаскировать свой идеализм, Мах привлек большой материал из истории науки о пространстве и времени и на примере изменчивости, относительности человеческих знаний о пространстве и времени он пытался доказать, что объективно эти свойства материи не существуют. Мах прибегал и к другому хитрому приему. Будучи вынужден признать различие между восприятием времени и самим временем, вне восприятий, он пытался свести второе к первому. В физиологическом отношении, говорил Мах, время и пространство суть системы, ориентирующие ощущения, а в физическом отношении они суть особая зависимость физических элементов друг от друга.

В. И. Ленин показал истинный смысл этих хитрых уверток Маха. Он приводит слова Энгельса по адресу Дюринга, который, подобно Маху, рассуждал как софист.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 260.

«Нам дела нет до того,— пишет Энгельс,— какие понятия изменяются в голове г-на Дюринга. Речь идет не о понятии времени, а о действительном времени, от которого г. Дюрингу так дешево ни в коем случае не отделаться»¹.

Богданов пошел еще дальше Маха. Он прямо отождествил «объективность» пространства и времени с их «общезначимостью», определил их как «формы социального согласования опыта различных людей».

Кант также отрицает объективный характер пространства и времени. Он считает их чистыми априорными формами чувственного созерцания. Вот что пишет Кант по этому вопросу: «Если я в представлении тела выделяю то, что мыслит в нем разум, как субстанцию, силу, делимость и т. д., а также то, что в нем принадлежит ощущению, как непроницаемость, твердость и т. д., то из этого эмпирического созерцания у меня кое-что останется, а именно, протяжение и форма. Это относится уже к чистому созерцанию, которое, а priori без наличности действительного предмета внешних чувств, находится в душе как простая форма чувственности»².

Таким образом, по Юму и Канту, пространство и время существуют только в человеческой голове, только у Юма понятия пространства и времени приобретаются в ходе опыта, а у Канта предшествуют опыту.

В. И. Ленин особо подчеркнул, что философия, отрицающая объективное существование пространства и времени, «...нелепа, внутренне-гнила и фальшива...», что «время вне временных вещей = бог».

Общеизвестно, что Энгельс пространство и время рассматривал как формы существования материи. Основные формы всякого бытия, писал он, суть пространство и время, и бытие вне времени такая же бессмыслица, как бытие вне пространства. Критикуя агностика Негели, который утверждал, что мы знаем, что такое час и метр, но не знаем, что такое время и пространство, Энгельс говорил, что время якобы есть что-то иное, нежели совокупность часов, а пространство что-то иное, нежели совокупность кубических метров. Обе эти формы существования материи без материи есть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове.

¹ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 163.

² И. Кант. Критика чистого разума. Спб., 1902, стр. 50.

В. И. Ленин, ссылаясь на эти положения Энгельса, указывал, что пространство и время не простые формы явлений, а объективно реальные формы бытия, что мир есть вечно движущаяся и развивающаяся материя, движение материи происходит во времени и пространстве, и что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, а движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени.

Ленинская критика субъективно-идеалистического отрицания объективности пространства и времени, отрыва их от движущейся материи основана на безусловном признании существования объективной реальности пространства и времени, их органической связи и единства с материей и движением. «Признавая существование объективной реальности, т. е. движущейся материи, независимо от нашего сознания, материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства, в отличие, прежде всего, от кантианства, которое в этом вопросе стоит на стороне идеализма, считает время и пространство не объективной реальностью, а формами человеческого созерцания»¹. «У Богданова,— писал Ленин,— выходит, что к опыту людей и к их познавательной способности приспособляются разные формы пространства и времени. На самом деле как раз наоборот: наш «опыт» и наше познание все более приспособляются к *объективному* пространству и времени, все правильнее и глубже их *отражая*»².

Субъективно-идеалистический взгляд на пространство и время опровергается логикой вещей. В самом деле, пространство и время суть формы, а движущаяся материя выступает как их содержание. Значит, пространство и время выступают как подчиненные своему содержанию, движущейся материи, свойства.

В. И. Ленин раскрыл гносеологические корни идеализма в вопросе о пространстве и времени, показал, что махисты смешивают вопрос об изменяемости естественнонаучных понятий о пространстве и времени с вопросом о неизменности того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве. В силу этого они пришли к отрицанию объективной реальности про-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 162.

² Там же, стр. 174.

странства и времени, а следовательно, и к отрицанию объективной реальности материи с ее разнообразными качествами и свойствами.

2. КРИТИКА В. И. ЛЕНИНЫМ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРИЧИННОСТИ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, НЕОБХОДИМОСТИ И СВОБОДЫ

Энгельсу приходилось бороться больше с метафизическим и идеалистическим пониманием причинности. Ленину же пришлось начать борьбу против индетерминизма. Это объясняется тем, что новая физика поставила ряд новых вопросов, с которым диалектический материализм должен был «сладить».

Понятия причина, необходимость и закономерность вызывают самые ожесточенные споры между материалистами и идеалистами.

«Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления,— пишет В. И. Ленин,— состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле,— а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п. Вот что бесспоротно отделяет материалистов Фейербаха, Маркса и Энгельса от агностиков (юмистов) Авенариуса и Маха»¹.

Диалектический материализм считает, что категория причинности выражает одну из существенных сторон всеобщей закономерной связи и взаимообусловленности явлений мира. В мире нет беспричинных явлений. Всякое явление природы и общества обусловлено объективно существующей определенной причиной, есть следствие той или другой причины или многих причин. Причинная связь носит всеобщий характер, а закон причинности есть всеобщий, универсальный закон материального мира.

Причина и следствия находятся во взаимодействии.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 146—147.

Причина порождает следствия, следствия воздействуют на свою причину; они могут меняться местами.

По вопросу о необходимости диалектический материализм также исходит из того, что в природе и обществе господствует не случайность, а необходимость; все, что существует в объективном мире, вызывается необходимостью, то есть объективными законами развития. Необходимость — это то, что имеет основание в самой сущности явлений и процессов, то, что вытекает из внутренних связей и отношений между вещами. Необходимость существует объективно. Необходимость — это то, что обязательно должно быть, что вызывается глубокими причинами, глубокими связями.

Закон в понимании диалектического материализма также существует объективно, это — внутренняя, существенная связь явлений, обуславливающая необходимое закономерное развитие их. Правильное понимание причинности, необходимости и закономерности имеет огромное значение в практической жизни людей, ибо это важная предпосылка для того, чтобы сознательно управлять естественным процессом, познавать и использовать силы природы и общества на благо человечества.

Идеалисты, отрицая объективно существующую реальность, отрицают и объективную, естественную связь и взаимообусловленность между явлениями, отрицают существование причинных, необходимых, закономерных отношений в мире вещей. Они считают их чисто логическими, субъективными, человеком созданными категориями, которые якобы ничего общего не имеют с действительностью. Так, Беркли писал, что «связь между идеями включает в себе отношение не причины и действия, а только отметки или значки и вещи означаемой»¹. Юм также считает, что человеческое сознание само вырабатывает законы природы, а затем они становятся человеческой привычкой. Причинные отношения он ограничивал простым следованием явлений друг за другом. По его мнению, любое предшествующее явление есть причина следствия.

Юмизм в вопросах причинных отношений перекликается с суеверием.

Чернышевский в статье «Суеверия и правила логики»

¹ Дж. Беркли. Трактат о началах человеческого знания, стр. 109.

указывал, что люди, скользящие по поверхности явлений, связывают причинно-следственной связью то, что на самом деле так не связано. «Например, на чем были основаны ауспиции (т. е. гадания по полету птиц.— Д. К.) древних римлян?— спрашивает Чернышевский.— Однажды перед битвою они слышали ворону, каркающую с правой стороны, и проиграли битву; в другой раз слышали ворону, каркающую с левой стороны, и выиграли битву. Дело ясное: *cum hoc, ergo propter hoc* — совпадает, следовательно, имеет причинную связь. Итак, карканье вороны с правой стороны приносит войску гибель, карканье с левой — дает ему победу.

Все суеверия основаны на этой форме умозаключения»¹.

Религиозно-идеалистическое толкование Юмом причинно-следственных отношений несостоятельно потому, что причинные отношения — это, прежде всего, внутренние, существенные, активные связи между явлениями, а не просто сосуществование их во времени или пространстве. Без этого нет причинности.

Нельзя сказать, что Юм не имел никаких заслуг в науке. Наоборот, он имел несомненную заслугу перед ней. Он подверг критике поверхностный, ненаучный взгляд на причину и следствие. Энгельс в «Диалектике природы» отметил эту заслугу Юма: рассуждать согласно формуле «после этого значит вследствие этого» по меньшей мере абсолютно недоказательно. Но, исследуя причинную связь, Юм пытался решить вопрос о том: объективна или субъективна причинная связь? Из чистых понятий логики такую связь, по Юму, вывести нельзя. Из непосредственного опыта, эмпирического наблюдения причинность также не вытекает. Оставалось ему предположить, что источник представлений о причинности лежит в особом складе человеческой психики. Благодаря этой психике человек закрепляет в памяти очередность событий и выдает эту привычку за причинную связь.

Кант также полагал, что все наши знания о мире не что иное, как субъективная конструкция ума.

«До сих пор господствовало предположение,— писал Кант,— что все наши познания должны сообразоваться

¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, т. II. М., 1950, стр. 672.

с предметами; однако при этом предположении все попытки достичь а' priori через понятия до чего-либо, что расширяло бы наши знания о предметах, рушились. Поэтому следует хоть раз испытать, не разрешим ли мы задачи метафизики более удачно, если предположим, что предметы должны сообразоваться с нашим знанием»¹.

«Порядок и законосообразность,— писал он,— вносятся нами самими в явления, называемые нами природой, и не могли бы быть найдены в явлениях, если бы не были вложены в них первоначально нами самими или природой нашей души»².

Объективный характер рассматриваемых категорий отрицали и русские народники. В. И. Ленин вел беспощадную борьбу с ними. В ходе этой борьбы он разработал вопрос об объективном характере общественных законов. Он доказал, что развитие общества представляет собой закономерный процесс смены исторических эпох, что законы действуют с естественной необходимостью. Выражением этого является повторяемость исторических событий в существенном и главном. Ленин указывал, что народники оказались неспособными понять это потому, что они субъективно-идеалистически подходили к истории. Если, с точки зрения общего философского понимания существующего, говорил Михайловский, наши действия подчинены детерминизму, то в практической деятельности люди действуют свободно, независимо от влияния исторических условий. Это и есть метафизическое противопоставление субъективного объективному. Ленин доказал, что «идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? В чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных?»³

Историческая необходимость составляет основу для сознательной деятельности людей. Люди не могут изменить общественные отношения по своему произволу. Воля

¹ И. Кант. Критика чистого разума. Пг. 1915, стр. 12.

² Там же, стр. 99.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 142.

и действия людей зависимы от определенной объективной связи явлений общества. Воля человека существует в неразрывной связи с исторической необходимостью, которая складывается в обществе в процессе деятельности людей. Материализм отрицает существование абсолютной свободы воли человека.

«Все непонятые законы общественного развития,— писал Плеханов,— действуют с неотразимою силой и слепою жестокостью законов природы. Но узнать тот или иной закон природы или общественного развития — значит уже, во-первых, уметь избегать столкновения с ним, а следовательно, и напрасной траты сил, а во-вторых,— быть в состоянии регулировать его приложение так, чтобы извлекать из него пользу»¹.

Народники стремились опровергнуть марксистское учение о закономерности в обществе ссылаясь на то, что в нем якобы события не повторяются, что они носят индивидуальный характер. В. И. Ленин опроверг этот метафизический довод народников и показал, что повторяемость событий есть одна из важнейших сторон закономерного развития истории. Так, говорил Ленин, Россия повторяет в основном и главном развитие западноевропейских стран, следовательно, объективные законы развития капитализма действуют и в России.

Народническая теория «героев и толпы» также вытекала из их отрицания объективных законов общественной жизни. Характерен в этом отношении Лавров, который утверждал, что чудотворцем в истории всегда была и будет сила мысли и энергия воли личностей.

Разоблачая эту теорию народников, В. И. Ленин доказал, что вопрос о роли личности в обществе и роли народных масс как решающей силы истории логически связан с учением их объективности законов исторического развития. Ленин особо подчеркнул, что знание объективных законов развития является необходимым условием разумной и успешной деятельности людей. «Детерминизм,— писал он,— не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия»².

Марксистское учение об объективности причины, за-

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, стр. 289.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 400.

кона, необходимости и свободы Ленин развил дальше, особенно в борьбе с махистами.

В. И. Ленин писал: «...выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу *частью* разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы. Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм (к разновидностям которого относятся теории причинности и Юма и Канта), т. е. более или менее ослабленный, разжиженный фидеизм. Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»¹.

Махисты большое значение придавали тому, как сформулировать понятие причинности, и это было не случайно. Этим они пытались скрыть свой идеализм.

В. И. Ленин показал, что главное не в формулировках причинности, а в том, признаем ли мы ее объективно существующей связью материального мира. И если мы подойдем к проблеме причинности только с этих научных позиций, то совершенно ясно, что все определения понятия причинности у Юма, Канта, Авенариуса, у всех махистов, несмотря на различные их термины, имеют идеалистическую сущность. Все они отрицают объективный характер причинности, закономерности и необходимости.

Русские махисты, указывает Ленин, слепо поверили «новейшим» реакционным профессорам, повторили ошибки кантовского и юмовского агностицизма и даже не заметили, как они скатились по наклонной плоскости к идеализму. Так, например, Юшкевич, рабски следуя за Пуанкаре, весь мир, законы природы, время, пространство, энергию считал символами.

В. И. Ленин гневно клеймит попытки махистов, в частности Юшкевича, выдать субъективный идеализм и агностицизм за последнее слово науки. «В костюме арлекина из кусочков пестрой, крикливой, «новейшей» терминологии перед нами,— пишет Ленин,— субъективный идеалист, для которого (Юшкевича.— Д. К.) внешний

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 142.

мир, природа, ее законы,— все это символы нашего познания»¹.

Богданов стоял на кантианских позициях в понимании законов мира. Он говорил, что законы отнюдь не принадлежат к сфере опыта, что они не даны в нем, а создаются мышлением, как средство организовать опыт, гармонически согласовать его в стройное единство.

Русские махисты считали Маха и Авенариуса непрекаемыми авторитетами, чьи взгляды должны якобы «дополнить» и «исправить» марксистскую философию. А надо сказать, что Мах в вопросе о причинности был непоследовательным. В одном случае он открыто заявлял о своем согласии со взглядами Юма, в другом — допускал объективную связь явлений внешнего мира. Это объясняется тем, что Мах, желая привлечь на свою сторону естествоиспытателей, стоящих на стихийно-материалистических позициях, делал уступку материализму, пытаясь этим скрыть свой идеализм. Авенариус повторял точку зрения Маха.

Что касается взглядов Петцольдта, то В. И. Ленин характеризует их как «прекрасный образчик реакционной схоластики махизма». «Еще и поныне,— писал Петцольдт,— 150 лет спустя после Юма, субстанциальность и причинность парализуют мужество мышления»². Петцольдт заявил, что открыл великий закон однозначности, который будто бы устранил из науки и жизни все неясности и недоразумения. Он в несколько измененном виде развивает кантовское учение об априорности философских категорий. «И это,— замечает Ленин,— не случайность, ибо в самой основе своей учение Маха и Авенариуса о причинности есть идеалистическая ложь, какими бы громкими фразами о «позитивизме» ее не прикрывали. Различие между юмовской и кантовской теорией причинности есть второстепенное различие между агностиками, которые сходятся в основном: в отрицании объективной закономерности природы, осуждая этим себя неизбежно на те или иные идеалистические выводы»³.

В своей «Грамматике науки» английский махист Карл Пирсон писал, что законы науки — гораздо большие

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 154.

² Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 149.

³ Там же, стр. 151.

продукты человеческого ума, чем факты внешнего мира, что человек есть творец законов природы, что необходимость принадлежит к миру понятий, а не к миру восприятий.

Объективно существующий мир махисты объявили царством хаоса, в который сознание вносит порядок. Человек получает, говорят они, представление о причинности, необходимости, закономерности не из внешней природы, а, наоборот, его ум создает эти понятия и вносит их в природу либо в силу привычки наблюдать одни явления вслед за другими (для «удобства», «экономии мышления», для внесения порядка в «хаос явлений природы»), либо в силу особой конструкции сознания.

В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин критикует ложные, идеалистические утверждения многих махистов по вопросам причинности, необходимости, закономерности и указывает, что эта ложь прельстила русских махистов, особенно Юшкевича и Богданова, которые крикливой «новейшей» терминологией проповедовали субъективный идеализм, внешний мир, природу и ее законы считали символами.

В борьбе с идеалистами В. И. Ленин отстоял и развил дальше и вопрос о свободе и о необходимости. Народники свободу воли противопоставляли необходимости и смешивали детерминизм с фатализмом, усаживались между двумя стульями, давали эклектическое решение проблемы соотношения свободы и необходимости. Они приходили к субъективному выводу о том, что этика покоится на признании свободы воли. Опровергая эклектические рассуждения народников, Ленин писал: «...не желая отрицать законосообразности, он (Михайловский.— Д. К.) утверждал, что свобода воли — факт нашего сознания (собственно, идея Миртова, перенятая г. Михайловским) и потому может служить основой этики»¹.

Проблема соотношения свободы и необходимости особенно обстоятельно рассматривается Лениным в период борьбы с махизмом. Ленин, как и Энгельс, подходил к рассмотрению этого вопроса с точки зрения марксистской теории познания. Он указывает, что вопрос о соотношении свободы и необходимости Маху совершенно не ясен. А русские махисты «черпали свою философию

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 400.

из эклектической нищенской похлебки и они продолжают угощать читателя таковой же. Они берут кусочек агностицизма и чуточку идеализма у Маха, соединяя это с кусочком диалектического материализма Маркса, и лепечут, что эта крошка есть *развитие* марксизма».

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» цитирует известные положения Энгельса о свободе и необходимости из «Анти-Дюринга» и показывает, на каких гносеологических посылках основаны эти рассуждения Энгельса. Он перечислил четыре основных положения марксистской теории познания, на которые опирается решение вопроса о свободе и необходимости.

«Во-первых, Энгельс признает с самого начала своих рассуждений законы природы, законы внешней природы, необходимость природы...

Во-вторых, Энгельс берет познание и волю человека — с одной стороны, необходимость природы — с другой, и вместо всякого определения, всякой дефиниции, просто говорит, что необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой...

В-третьих, Энгельс не сомневается в существовании «слепой необходимости». Он признает существование необходимости, *не познанной* человеком...

В-четвертых, ...Энгельс явно применяет «сальтовитальный» метод в философии, то есть делает *прыжок* от теории к практике»¹.

«Что же мы получаем в итоге? — спрашивает Ленин, разобрав эти положения и сравнив их с рассуждениями махистов. — Каждый шаг в рассуждении Энгельса, почти буквально каждая фраза, каждое положение построены всецело и исключительно на гносеологии диалектического материализма, на посылках, бьющих в лицо всему махистскому вздору о телах, как комплексах ощущений, об «элементах», о «совпадении чувственного представления с вне нас существующей действительностью» и пр., и т. п. и пр.»².

В. И. Ленин подчеркивает мысль Энгельса и о том, что подлинное освобождение человека от «слепой необ-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 175, 176, 177, 178.

² Там же, стр. 178.

ходимости» может совершиться лишь в результате социалистической революции, в социалистическом обществе, планомерно и сознательно овладевающим силами природы.

Махисты сомневались в существовании «слепой необходимости», утверждали, что человек не может знать того, чего он не знает, называли энгельсовское положение о «слепой необходимости» «мистикой», «метафизикой», «признанием фетишей и идолов», «кантианской непознаваемой «вещью в себе» и т. д.

В. И. Ленин еще раз блестяще объяснил, что свобода и необходимость вскрывают взаимоотношения между объективными законами природы и общества и деятельностью людей. Свобода и необходимость взаимосвязаны между собой и обуславливают друг друга. Свобода связана с необходимостью в том смысле, что она зависит от степени познания объективных необходимых сил, законов и возможности использовать их в практической деятельности. В этом смысле вслед за Энгельсом и называл он свободу как познанную необходимость.

3. КРИТИКА ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ОПЫТА И ОЩУЩЕНИЯ

Одним из существенных вопросов теории познания является вопрос об ощущениях. От того, как понимать ощущения, во многом зависит и решение основного вопроса философии.

Ленин уделил много внимания этому вопросу, обогатил марксистскую философию новыми положениями в понимании роли чувственного познания.

«Материализм в полном согласии с естествознанием,— писал Ленин,— берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя)...»¹

В истории философии термин «эмпиризм» часто употребляется как синоним материализма. Известно, что Ф. Бэкон, Ф. Локк, французские материалисты XVIII века, Л. Фейербах, русские материалисты страстно обосновывали значение эмпиризма для развития наук. Успехи

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 34.

естествознания убеждали их в том, что все знания человек получает из опыта и посредством опыта, что в опыте они находят свою проверку. Известно также, что эмпиризм сыграл прогрессивную роль в истории борьбы со схоластикой и различного рода спекуляциями идеализма. Но эмпиризм многие философы истолковывали идеалистически (внешний мир есть совокупность моих ощущений, производное от них).

В начале нашего века широкое распространение получил эмпириокритицизм как философия, опирающаяся якобы на науку и опыт. Например, Авенариус пытался создать «теорию чистого опыта». Главной задачей философии он считал очищение опыта через критику его. Словом, эмпиризм, опыт стали излюбленными понятиями многих идеалистических школ (прагматистов, имманентистов, неокантианцев и др.). Прагматизм превозносил опыт и только опыт, на опыт ссылались все имманенты. Это было своего рода модой в философии того периода. И русский «марксист» Богданов не хотел отстать от этой моды. В своей «оригинальной» философии он пытался преодолеть «недостатки», «односторонность» философии марксизма и выдвинуть новый этап в философии — материалистическую философию опыта — «эмпириомонизм».

Диалектический материализм учит, что мозг есть орган мышления, его материальный носитель, а сознание, мышление — есть продукт деятельности мозга, его психическая функция. Сознание — это особое свойство материи, это способность мозга отражать, копировать внешний мир (материю), создавать образы этого мира. Следовательно, сознание вторично, производно, оно есть свойство особым образом организованной материи (мозга), оно не представляет собой какую-то «духовную» субстанцию, оторванную от своей сущности — материи, как это утверждают идеалисты.

Учение диалектического материализма о сознании блестяще подтверждается материалистическим учением великих русских ученых И. М. Сеченова и И. П. Павлова, создавших впервые в истории естествознания науку о высшей нервной деятельности.

«...Физиология,— говорил И. М. Сеченов,— представляет целый ряд данных, которыми устанавливается родство психических явлений с так называемыми нервными процессами в теле, актами чисто соматическими... Психи-

ческая деятельность требует для своего происхождения анатомо-физиологической целостности головного мозга...»¹

Замечательным подтверждением того, что сознание есть свойство высокоорганизованной материи, является павловское учение о двух сигнальных системах. Известно, что И. П. Павлов установил общие физические основы нервной деятельности животных и человека и вместе с тем доказал качественное отличие психических процессов у человека и животных. У человека, кроме первой, есть и вторая сигнальная система. И. П. Павлов писал: «Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинестезические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, *специально человеческое, высшее мышление*, создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а наконец и науку — орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в себе самом»².

Естествознание накопило богатейший материал и научно подтвердило учение диалектического материализма о материальной основе психических явлений, в том числе и сознания. Однако даже после этого нашлись философы, которые выступили против материалистического учения о сущности и происхождении мышления, пытались оторвать мышление от его носителя, источника — материи и противопоставить их друг другу. Так именно и поступили махисты. Они старались замаскировать свой идеализм, подделаться под науку и запутать основной вопрос философии. Мах считал, что тела есть лишь комплекс ощущений, что мир состоит только из ощущений.

«Ощущения,— писал Мах,— не «символы вещей». Скорее «вещь» есть мысленный символ для комплекса ощущений, обладающего относительной устойчивостью. Не вещи (тела), а цвета, звуки, давления, пространства, времена (то, что мы называем обыкновенно ощущения-

¹ И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, стр. 228.

² И. П. Павлов. Избранные произведения. М., 1951, стр. 255.

ми) суть настоящие *элементы* мира¹. «Элементами мира» Мах называет «холодное», «теплое», «красное», «зеленое», «высокое», «низкое» и т. д., словом, всякие отдельные ощущения, из совокупности которых и образуются тела. Эти элементы — ощущения — объявляются им «нейтральными», то есть ни физическими, ни психическими, а выступающими в качестве того или другого, смотря по тому, какие связи мы будем между ними устанавливать.

Высмеивая махистскую теорию «элементов мира», Ленин писал: «Итак, открытие элементов мира состоит в том, что 1) все существующее объявляется ощущением; 2) ощущения называются элементами; 3) элементы делятся на физическое и психическое; последнее — то, что зависит от нервов человека и вообще от человеческого организма; первое — не зависит; 4) связь физических и связь психических элементов объявляется не существующей отдельно одна от другой; они существуют лишь вместе; 5) лишь временно можно отвлекаться от той или другой связи; 6) «новая» теория объявляется лишенной «односторонности». «Односторонности,— продолжает В. И. Ленин,— тут действительно нет, но есть самое бесвязное спутыванье противоположных философских точек зрения. Раз вы исходите *только* из ощущений, вы словечком «элемент» не исправляете «односторонности» своего идеализма, а только запутываете дело, прячетесь трусливо от своей собственной теории»².

Дальше Ленин указывал: «Ребячеством было бы, в самом деле, думать, что выдумкой нового словечка можно отделаться от основных философских направлений. Либо «элемент» есть *ощущение*, как говорят все эмпириокритики, и Мах, и Авенариус, и Петцольдт, и т. д.,— тогда ваша философия, господа, есть *идеализм*, тщетно пытающийся прикрыть наготу своего солипсизма нарядом более «объективной» терминологии. Либо «элемент» не есть ощущение,— и тогда с вашим «новым» словечком не связано *ровно никакой мысли*, тогда это просто важничанье пустышкой»³.

Ричард Авенариус, формулируя свое идеалистическое решение основного вопроса философии, выдвинул «тео-

¹ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 28.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 43.

³ Там же, стр. 44.

рию» о неразрывной связи субъекта и объекта, о так называемой «принципиальной координации» «центрального члена» (сознание — субъект) и «противочлена» (внешний мир, объект). Авенариус утверждал, что нет объекта без субъекта, что все в мире существующее обязательно существует вместе с сознанием. Он отождествлял субъект и объект, материю и сознание, заявляя, что мысль существует независимо от мозга и вообще от материи.

В. И. Ленин делает вывод: Авенариус повторил старенькую фразу Беркли: «Существовать значит быть воспринимаемым», повторил на свой манер точку зрения немецкого субъективного идеалиста Фихте, считавшего, что никакая вещь не выступает перед сознанием иначе, как «вместе с сознанием этой вещи или через сознание ее». Фихте проповедовал, что будто бы «не-Я» (природа) есть результат творческой деятельности «Я» (сознания), результат «продуктивной силы воображения». Ничего, решительно ничего нового (кроме слов) не оказалось в «принципиальной координации» Авенариуса по сравнению с откровенно идеалистическими взглядами Беркли и Фихте.

Из утверждений, что тела суть «комплексы ощущений» (Мах) или «комбинация ощущений» (Беркли), неизбежно следует вывод, что мир есть только мое представление. Эти утверждения являются чистейшим солипсизмом.

В. И. Ленин решительно разоблачил попытки махистов выдать свою теорию за точку зрения здравого смысла, за наивный реализм. «Наивный реализм» всякого здорового человека, — писал Ленин, — не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего *Я* и от человека вообще. Тот самый *опыт* (не в махистском, а в человеческом смысле слова), который создал в нас непреклонное убеждение, что существуют *независимо* от нас другие люди, а не простые комплексы моих ощущений высокого, низкого, желтого, твердого и т. д., — этот самый *опыт* создает наше убеждение в том, что вещи, мир, среда существуют *независимо* от нас. Наши ощущения, наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира, и понятно само собою, что отобра-

жение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего. «Наивное» убеждение человечества *сознательно* кладется материализмом в основу его теории познания»¹.

Ставя вопрос об источниках наших ощущений, махисты утверждали, что за нашими ощущениями ничего нет, что «субстанция» отпадает, что «сущее следует мыслить как ощущение, в основе которого нет больше ничего, чуждого ощущению». Один из литературных героев Арцыбашева, Санин, говорил: «Моя жизнь — это мои ощущения приятного и неприятного, а что за их пределами, то черт с ними».

Разоблачая идеалистические выверты махистов, Ленин дал всестороннее, подлинно научное решение вопросов об объективной основе ощущений. «Для всякого естествоиспытателя,— пишет Ленин,— не сбитого с толку профессорской философией, как и для всякого материалиста, ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Это превращение каждый человек миллионы раз наблюдал и наблюдает действительно на каждом шагу. Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не на связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира,— не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за «единственно сущее»².

Определив ощущение как связь сознания с внешним миром, Ленин, опираясь на данные естествознания, показал, как возникает ощущение. Он указывает, что различные ощущения того или иного цвета естествознание «объясняет различной длиной световых волн, существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него. Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 57—58.

² Там же, стр. 39—40.

продукт особым образом организованной материи. Таковы взгляды материализма вообще и Маркса—Энгельса в частности»¹.

Из махистской теории «элементов» логически вышло, что ученым незачем и пытаться устанавливать законы объективной природы; она по сути ориентировала на самопознание, на анализ собственных ощущений как единственно возможный объект науки. Мах, например, писал, что «задача физики состоит в том, чтобы открывать законы связи между ощущениями».

В строгом соответствии с решением основного вопроса философии Ленин рассматривал и понятие «опыт». Термин «опыт» широко использовался в философии представителями различных направлений. На опыт ссылались такие выдающиеся материалисты, как Бэкон, Локк, Дидро. Они учили об опытном происхождении знаний в противоположность бесплодному умозрению и схоластике. Под опытом они имели в виду тела, явления, события внешнего мира, отображаемые в ощущениях, то есть опыт толковали материалистически. Все знания, говорили они, из ощущений, а источником ощущений считали объективно существующие предметы.

На опыт ссылались и идеалисты. Но, во-первых, у них индивидуалистический подход к пониманию опыта, во-вторых, опыт индивида сводится к различным проявлениям сознания. Например, махист Шлик утверждал, что опыт принадлежит к личной сфере каждого человека и недоступен для другого, что опыт всегда есть мой опыт. Беркли рассматривает опыт как особое внутреннее состояние человеческого сознания, которое формирует, создает объекты. Он называет опыт «комплексом ощущений». Авенариус рассматривает опыт как «специальный случай психического». Содержанием опыта, по Авенариусу, является только содержание чистых восприятий. В работе «Человеческое понятие о «мире», он утверждает, что опыт — это то, что найдено данным,— обнимает меня самого, окружающую меня среду с ее составными частями (к которым причисляются также его ближние) и далее известные отношения зависимости между частями опыта. Фихте понимал под опытом процесс взаимодействия своего «Я» и «не-Я» в сфере сознания. Богданов

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 43—44.

писал, что «сознание и непосредственный психический опыт — тождественные понятия».

Все объективные идеалисты опыт понимают как какое-либо состояние сознания отдельного человека. Поэтому простое признание необходимости «опыта» еще не выводит человека за пределы идеализма и солипсизма. «Опыт», говорил Ленин, прикрывает и материалистическую и идеалистическую линию философии.

Например, для Юма познание должно быть построено на известном опыте. Но содержание понятия «опыта» он заимствовал от Беркли и утверждал, что человеческий ум никогда не имеет перед собой никаких вещей, кроме восприятий, и он никоим образом не в состоянии произвести какой бы то ни было опыт относительно соотношения между восприятиями и объектами. Поэтому он устраняет вопрос о том, есть ли что-либо за пределами ощущений. Вопрос о том, откуда происходят наши восприятия, где источник ощущений человека, Юм категорически отказался исследовать, считал, что этот вопрос не подлежит рассмотрению в философии.

Разъясняя содержание своего «опыта», Юм говорил, что опыт есть взаимодействие различных групп восприятий. Такой опыт приучает человека рассматривать явления именно в таком порядке. Человек, упорядочивая свои ощущения, представления, привыкает рассматривать природу в определенном порядке. Это ему выгодно, иначе он не мог бы практически ориентироваться в окружающей среде.

Махисты всячески склоняли слово «опыт», стараясь таким путем скрыть антинаучное содержание своей философии и изобразить ее «близкой» к науке. Этот же прием широко применяет и современная буржуазная философия. «Опытом» буквально клянутся многочисленные идеалистические школки — прагматисты, инструменталисты, логические эмпиристы, неореалисты, семантики, экзистенциалисты и пр. и пр.

В. И. Ленин разъяснил, что для материалиста опыт имеет своим предметом объективный материальный мир, в опыте есть объективное содержание, независящее от человека. Это объективное содержание опыта, независящее от человека, как раз и отвергают идеалисты. Весь махизм основан на фальсификации и извращении понятия опыт, на прикрытии того факта, что «опыт» мо-

жет выражать как материалистическую линию, так и идеалистическую линию в теории познания.

Следует несколько подробнее остановиться на ленинском определении опыта потому, что в нашей пропагандистской литературе можно встретить различные, весьма расплывчатые, иногда даже и противоречивые определения опыта. Это вызывает некоторые затруднения в критике идеалистического понимания опыта. Некоторые товарищи «опыт» определяют как совокупность всей практики, другие — как результат практики, третьи — как совокупность умений и навыков, иные — как отражение в сознании людей их деятельности. Встречаются и другие определения опыта, например, как наблюдения и эксперимент и т. д.

Опыт по Ленину есть «то, что существует вне человека и независимо от его сознания... нечто объективное, извне данное человеку...»¹

Ленинское понимание опыта не ограничивается признанием его объективного содержания; оно включает в себя и преобразующую деятельность людей, практику.

А что же такое практика? Марксизм учит, что практика — это весьма сложный, многосторонний процесс воздействия людей на окружающую действительность. Практика служит главным средством преобразования природы и общественных отношений людей, основой, критерием и целью познания. Вместе с тем она также и опыт. Практика может иметь различные свойства и возможности. В. И. Ленин в своей работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина» показал диалектическую связь различных свойств, качеств, сторон, взаимоотношений предметов. Если предмет предназначается для одной определенной цели, то мы и обращаем внимание на одну конкретную сторону его и отвлекаемся от других его свойств, качеств, сторон. Например, если практика берется в отношении к достижению преследуемой цели, то она рассматривается как цель познания и мы в этом случае не обращаем внимания на другие ее возможности, свойства, например, как основы, критерии познания, быть опытом².

Всякая практическая деятельность есть всегда изме-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 137.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 71—72.

нение, а опыт является одним из существенных проявлений бесконечных свойств практики. В практической деятельности людей преобразуются предметы, объекты, естественные и особенно экономические и общественно-политические условия, совершенствуются средства и методы, при помощи которых люди воздействуют на окружающий мир. В процессе практической деятельности людей обновляются также задачи, развиваются сами люди, их знания и навыки.

В практике всегда происходит процесс непрерывного движения и изменения, что предполагает и включает в себя поиски наиболее целесообразных приемов и методов использования всех ее условий. В этом смысле практика и является опытом.

Когда человек в процессе своей деятельности ищет наиболее рациональные методы, пути ее осуществления, тогда практика превращается в опыт. Поэтому опыт как важнейшая функция практики, «скрытая» до этого, выступает на первый план при появлении совершенно новых условий и средств деятельности человека. В этом случае новая практика оценивается, прежде всего, как опыт.

Когда колхозники некоторых районов страны впервые приступили к выращиванию кукурузы, гороха и бобовых культур, то их деятельность (практика) в то же время была и опытом. Когда положительный опыт новой практики внедряется и распространяется, то этим поднимается и сама практика на новую ступень.

Любое общественное действие с применением новых средств, новых методов есть опыт. Опыт осуществляется и в порядке эксперимента. Академик И. И. Курчатов говорил, что наши атомные электростанции «строятся еще в порядке большого эксперимента, проводимого государством с целью найти более технически надежные и экономичные пути создания атомных электростанций»¹.

Если опыт первоначально выражается в виде эксперимента, то это не значит, что опыт ему тождественен. Дело в том, что в общественной жизни условия применения искусственно осуществляемых экспериментов очень ограничены, а опыт, особенно передовой, имеет распространенный характер. В. И. Ленин в своей речи на I съезде ВСНХ, характеризуя опыт строительства обще-

¹ «Правда», 1956, 22 февраля.

ственных учреждений, говорил, что в этой области нельзя следовать правилу «семь раз примерь, один раз отрежь». «Нам, действительно, нельзя произвести предварительные многочисленные примерки, а потом отрезать и закрепить то, что окончательно примерено, приложено. Нам нужно в самом ходе работы, испытывая те или иные учреждения, наблюдая их на опыте, проверяя их коллективным общим опытом трудящихся и, главное, опытом результатов работы, нам нужно тут же, в самом ходе работы...— строить наше экономическое здание»¹.

Великое всемирно-историческое значение имеет коллективный опыт работы широких народных масс. В. И. Ленин обращал внимание на это. Он говорил: «Этот опыт не забудется. ...этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание»².

Как понятие «практика», означающее, прежде всего, преобразование окружающего мира, не перестает быть гносеологическим, так и понятие «опыт» не теряет своей гносеологической роли из-за того, что опыт — лишь определенная функция практики.

Практика выступает в качестве опыта в связи с изменением условий, при которых она протекает. Эта особенность всякой деятельности обнаруживается то вполне определенно, то самым незаметным образом. Можно сформулировать здесь определенную зависимость: чем больше происходит изменений в условиях практической деятельности (в предметах, на которые воздействует человек, в средствах, которые он помещает между собой и предметом, и т. д.), тем в большей мере практика выступает в функции опыта.

И наоборот, чем меньше изменений и новшеств в условиях практики, тем в меньшей мере разворачивается и указанная способность ее быть опытом.

Как видим, «границы», различия практики и опыта весьма подвижны, но они вполне поддаются формулировке:

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 373.

² Там же, стр. 377.

объективные условия определяют, в какой мере практика выступает в функции опыта. Отсюда ясны взаимоотношения понятий «практика» и «опыт». Они то совпадают, то расходятся в своем содержании, как различные понятия.

Иногда спрашивают: можно ли сказать, что практика шире, чем опыт? Необходимо уяснить, что не только эти, но и другие философские понятия невозможно различать только по их «широте», объему. Было бы неправильно утверждать: «опыт — только часть практики». Самое главное при рассмотрении соотношения практики и опыта — понять объективные условия их внутренней связи, взаимного их превращения. Внутреннее их единство получило свое выражение в понятиях «практический опыт» или «опыт практики». В. И. Ленин широко употреблял оба эти понятия, особенно подчеркивая практическое происхождение опыта.

Под опытом понимают не только материальную практику, но и ее отражение.

Если присмотреться внимательно к этим противоположным толкованиям опыта, то можно заметить, что между ними все же имеется «связь». Но связь эта не может быть охарактеризована иначе, как отношение отражающего к отражаемому.

Люди — творцы опыта. В опыте устанавливается взаимоотношение объекта и субъекта. Воздействуя определенным образом на объект, сам человек не остается без изменения. В субъекте, в его сознании, а также в его умениях, навыках запечатлевается первоначально конкретно-чувственный образ деятельного опыта. Переживания, ощущения, восприятия, память служат закреплению опыта в сознании людей. Более того, сознание не только фиксирует опыт, но и помогает передать другим людям, повторить, сохранить его для последующих поколений.

Вот эту черту и раздувают, абсолютизируют идеалисты, превращают ее в основу, содержание, сущность опыта.

В. И. Ленин показал, что ни определение опыта как предмета познания, ни определение его как средства познания не решают одну из двух основных линий философии. Он говорил, что когда опыт рассматривается как «объект познания, независимый от познания, а не как

предмет исследования, тогда это есть «действительно материализм». Этого и не понял Плеханов, за что критиковал его В. И. Ленин.

4. ЛЕНИНСКАЯ КРИТИКА АГНОСТИЦИЗМА И СКЕПТИЦИЗМА

В начале главы уже говорилось, что материалисты и идеалисты по-разному решают основной вопрос философии как в онтологическом, так и в гносеологическом порядке. Диалектический материализм исходит из безусловного признания возможности познания мира и его закономерностей и решительно отвергает всякую теорию, отрицающую возможность познания мира или сомневающуюся в этом, убедительно доказывает, что наши знания есть знания самой материальной действительности, знания природы и общества. Любое сложное явление природы и общества можно познать с помощью науки, передовой общественной практики. На практике человек доказывает истинность и силу своего мышления.

Не так решают этот вопрос идеалисты. Все они исходят из того, что в основе развития мира лежит развитие сознания («духа»), что сознание творит мир. В полном соответствии с этими положениями они разрабатывают и свою теорию познания. Объективной реальности нет, существуют только мысли, идеи, желания и т. п. Поэтому в процессе познания мы имеем дело не с объективным миром, а с нашими идеями, мыслями и т. п. Отсюда процесс познания есть «чистый» мыслительный процесс, совершенно независимый от материального мира. Мир познается, объективная истина достигается не путем ощущений, абстрактного мышления и не на основе практики, а путем чистого созерцания. Для объективного идеалиста Платона, например, познание мира — это познание идей. Для того, чтобы познать начало вещи, нужно пользоваться, говорил он, самими идеями. Как известно, Платон делил мир на два мира: на мир материальный и мир идей. Первый у него — это мир теней, а второй — это настоящий, подлинный, истинный, и он недоступен непосредственному человеческому восприятию. Человек может воспринимать только бледное отражение тех идеальных предметов, которые находятся в мире идей. Земной мир, в котором мы живем, непрерывно изменяется, а мир

идей вечен и неизменен. Платон полагал, что при помощи чувств нельзя познать мир. Познать мир — это значит, по Платону, создать для бессмертной души такие условия, чтобы она выполнила все то, что когда-то созерцала в мире идей. Для этого человек должен совершенно изолироваться от всего окружающего материального мира, погрузиться в познание самого себя, своей души, которая в скрытом виде содержит все знания о мире.

Извращенно понимал материальный мир и процесс его познания и Гегель. По Гегелю, окружающий нас мир является порождением «абсолютной идеи» («духа»). Гегель рассматривал мышление, сознание не как отражение внешнего мира, а как его первооснову». «Только абсолютная идея есть бытие,— говорил Гегель,— но переходящая жизнь, знающая себя истина и представляет собой всю истину. Она есть единственный предмет и содержание философии»¹.

Гегель отождествлял мышление и бытие в том смысле, что в основу всего сущего положил идеи, понятия. Он утверждал, что понятие есть истинно первичное, а вещи являются тем, что они есть лишь благодаря внутренне присущему им понятию. Понятие, по Гегелю, выше бытия и сущности. «Оно подчинило себе бытие и сущность».

Нельзя сказать, что Гегель в принципе отрицал возможность познания мира. Он применил диалектику к теории познания и пришел к твердому убеждению о познаваемости мира. Общеизвестна его критика субъективизма и агностицизма в этом отношении. В своих «Лекциях по истории философии» Гегель, критикуя скептиков, писал: «В самом деле, человека, который желает непременно быть скептиком, нельзя переубедить или заставить принять положительную философию, точно так же, как нельзя заставить стоять парализованного с головы до ног человека». В. И. Ленин, конспектируя книгу Гегеля, в «Философских тетрадах» по поводу этого заметил: «Хорошо сказано».

Гегель критиковал кантовский агностицизм, его «вещь в себе» и эту критику высоко ценили классики марксизма-ленинизма. В работе «Развитие социализма

¹ Гегель. Соч., т. 6, М.—Л., 1930, стр. 296.

от утопии к науке» Энгельс писал, что уже Гегель дал необходимые возражения на кантовское отрицание возможности познания «вещи в себе». Энгельс ссылаясь при этом на гегелевскую мысль о том, что раз мы знаем, как нам вещь является, то мы знаем уже, в силу этого, и пресловутую «вещь в себе». В. И. Ленин также указывал, что «Гегель вполне прав по существу против Канта», что он (Гегель) стоит за познаваемость «вещей в себе».

Гегель признавал «способность разума познать окружающее». «Секрет сущности Вселенной,— говорил он,— не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания. Он должен перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубину своей природы и дать ему наслаждаться ими»¹.

Гегель критиковал элементы субъективизма в философии Канта и называл философию Беркли и Юма самой плохой формой этого идеализма за то, что она не идет дальше утверждения, что все предметы суть наши представления.

Гегель хоть и не отрицал возможности познания мира, но он говорил, что познание не есть отражение внешнего мира, а результат саморазвития и самосознания абсолютного духа, что знание есть понятие, которое имеет своим предметом самого себя и постигает самого себя. Дух познает, говорил Гегель, не что-то внешнее ему, а самого себя, свои собственные законы. А это значит, что Гегель, по существу, отрицал возможность познания объективного материального мира и в области теории познания замыкался в сферу идеального.

Отрицают познаваемость мира и субъективные идеалисты. Предметом познания они считают не материальные вещи и их конкретные свойства и качества, а наши ощущения, восприятия. Систематическое упорядочение наших восприятий, ощущений — такова цель познания, говорят субъективные идеалисты.

Так, например, Беркли решительно отрицал значение общего, абстрактного в познании. Все знания, говорил он, возникают из опыта, который он понимал идеалистически. В опыте мы имеем дело, говорил он, только с сиди-

¹ Гегель. Соч., т. 1, стр. 16.

ничными предметами, которые являются комбинацией ощущений. Весь процесс познания сводится не к познанию фактов действительности, а к сопоставлению представлений, к их взаимосравнению. Факты сознания людей надо сопоставлять не с фактами действительности, а с фактами сознания других людей, говорил Беркли. Этот прием привлечения «общего мнения» для подтверждения истинности вывода отстаивают и современные буржуазные философы-идеалисты.

Идеалистическое отрицание возможности познания мира наиболее ярко выступало в различных формах скептицизма и агностицизма, крупнейшими представителями которых были Юм и Кант.

Энгельс ставил их между двумя лагерями философии и называл агностиками. Юм и Кант принципиально отрицают явления от того, что является, ощущение от ощущаемого, «вещь для нас» от «вещи в себе». Причем Юм ничего знать не хочет о «вещи в себе», самую мысль о ней считает философски недопустимой, «метафизикой». Кант же допускает существование «вещи в себе», но объявляет ее «непознаваемой», принципиально отличной от явления, принадлежащей к иной области, к области «потустороннего», недоступной знанию, но открываемой вере.

Юм — типичный представитель агностицизма. Он утверждал, что люди не только не могут знать, какова сущность вещей, но даже и то, существуют ли сами вещи. Люди от природы склонны доверять показаниям своих органов чувств, но эти показания неверны. Нашему уму доступны только образы или восприятия, а что за их пределами — мы не знаем. В своем «Исследовании относительно человеческого познания» Юм писал: «Можно считать очевидным, что люди склонны в силу естественного инстинкта или предрасположения доверять своим чувствам и что, без всякого рассуждения или даже перед тем, как прибегать к рассуждению, мы всегда предполагаем внешний мир (external universe), который не зависит от нашего восприятия, который существовал бы и в том случае, если бы мы и все другие способные ощущать создания исчезли или были бы уничтожены. Даже животные руководятся подобным мнением и сохраняют эту веру во внешние объекты во всех своих помыслах, планах и действиях... Но это всеобщее и первоначальное

мнение всех людей скоро разрушается самой легкой (slightest) философией, которая учит нас, что нашему уму никогда не может быть доступно что-либо, кроме образа или восприятия, и что чувства являются лишь каналами (inlets), через которые эти образы пересылаются, не будучи в состоянии устанавливать какое-либо непосредственное отношение (intercourse) между умом и объектом. Стол, который мы видим, кажется меньшим, если мы отойдем дальше от него, но реальный стол, существующий независимо от нас, не изменяется; следовательно, нашему уму являлось не что иное, как только образ стола (image). Таковы очевидные указания разума; и ни один человек, который рассуждает, никогда не сомневался в том, что предметы (existences), о которых мы говорим: «этот стол», «это дерево», суть не что иное, как восприятия нашего ума...»¹

По мнению Юма, нельзя доказать, чем вызываются восприятия в нашем уме: объективно существующими предметами или собственной энергией нашего ума, или же по какой-либо другой, неизвестной нам причине. Вопрос должен быть решен на основе опыта, но опыт не может решить эту проблему потому, что ум имеет перед собой только восприятия и не может произвести какой бы то ни было опыт для того, чтобы установить связь между восприятием и предметом внешнего мира. Наши восприятия суть единственные объекты познания. Задача состоит в том, чтобы правильно сочетать наши восприятия и представления; при этом человек привыкает, говорит он, к определенному порядку. Этот порядок и составляет все научные знания. Все законы, которыми оперирует человек, — результат привычки. Привычкой руководится человек и в познании, согласуя и связывая друг с другом свои представления. Только наши привычки дают нам возможность ориентироваться в окружающей среде, они ведут нас к познанию законов. Все эти и другие положения Юма говорят о том, что у него в теории познания нет принципиальных отличий от Беркли. У того и у другого познание сводится к самопознанию, к раскрытию связи между представлениями. Поэтому и Ленин, критикуя их, не делает принципиального различия между ними.

¹ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 21—22.

Д. Дидро был прав, когда говорил, что юмизм — экстравагантная система. И эту систему, к стыду человеческого ума, всего труднее опровергнуть, хотя она всех абсурднее. Ленин вполне соглашался с этой оценкой юмизма. Поэтому в разоблачении юмистов, махистов и прагматистов он широко использовал доводы Дидро в спорах с Даламбером.

Таким образом, Юм сходиллся с Беркли в отрицании идеи материальной субстанции, хотя идет к этому несколько иным путем. Серьезное расхождение между Беркли и Юмом начинается там, где ставится вопрос о духовной субстанции, существование которой Беркли не отрицал. Юм же отрицает существование и духовной субстанции. Создание тождества нашей личности, говорит Юм, вовсе не ведет к предположению, что существует наше «Я», как отличное от наших перцепций, то есть явлений сознания. Наше сознание — это постоянная смена отдельных душевных состояний. То, что мы называем нашим «Я», говорит Юм, есть не что иное, как «пучок или коллекция» различных перцепций, которые следуют одна за другой с невероятной быстротой и находятся в постоянном потоке и движении. Душу Юм сравнивает с театром, где последовательно появляются, проходят, снова появляются, смешиваются друг с другом многочисленные перцепции. Вот за этими непрерывно сменяющимися психическими процессами и предполагают, по мнению Юма, нечто устойчивое и неизменное, которое и называют «Я». Следовательно, по Юму, нет ни материальной, ни духовной субстанции, а есть только появляющиеся и исчезающие перцепции, подобно солнечным бликам на зыбкой поверхности. Одним словом, нет ни объекта, ни субъекта — все растворяется в потоке сознания. Наши чувства доставляют образы вещей, но не устанавливают непосредственной связи между душой и объектом. С точки зрения Юма, дать верный ответ на вопрос, порождаются ли восприятия чувств сходными с ними внешними объектами, невозможно: опыт не отвечает на этот вопрос, в нем, как и в душе, налицо одни только представления, душа никогда не может узнать по опыту связь их с объектами. «Поэтому предположение такой связи не имеет никаких разумных оснований».

Юм считает мир непознаваемым. Более того, по его

мнению, само существование мира недоказуемо, ибо мы в нашем опыте, кроме своих впечатлений и воспоминаний о них, ничего не имеем.

Если нам неизвестно существование мира, то единственным объектом нашего знания являются, по Юму, наши собственные впечатления, за пределы которых мы никогда не выходим и не можем выйти. Следовательно, Юм формулирует принципы самого крайнего субъективного идеализма и солипсизма.

Если скептики ставят под сомнение источник научного познания качеств вещей, то агностики совершенно отрицают возможность познания качеств вещей и даже говорят, что не следует ставить перед собой такой задачи. Вот почему Ленин говорил: «Мы, материалисты, вслед за Энгельсом, называем кантианцев и юмистов *агностиками* за то, что они отрицают объективную реальность как источник наших ощущений. Агностик — слово греческое: *а* — значит по-гречески *не*; *gnosis* — *знание*. Агностик говорит: *не знаю*, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями... Отсюда — отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах»¹.

Агностики утверждают, что человеческий разум принципиально ограничен, что подлинная природа вещей недоступна человеческому познанию, непознаваема. Они создали теорию, будто люди не способны объяснить сущность вещей, будто во всем нашем познавательном процессе мы имеем дело с миром явлений (видимостей), а не с миром вещей, как они есть на самом деле.

Агностик говорит, что видимый нами мир, с которым мы имеем дело, не есть объективная реальность, а только лишь продукт деятельности нашей чувственности и разума.

Агностик и субъективный идеалист Кант в своей философской системе разграничил мир на две части: на мир «вещей в себе» и мир явлений. Он возвел непреодолимую преграду между «вещью в себе» (материей) и сознанием.

Кант признавал внешний мир, но считал его непозна-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 115.

ваемым, «вещью в себе». Он отрицал возможность превращения «вещей в себе» в «вещи для нас», то есть возможность их познания. Мы можем познавать объекты только такими, какими они нам (нашим чувствам) являются, а не такими, какими они могут быть сами по себе, писал Кант в своей книге «Пролегомены». «Явление», по Канту, — это не физическое явление реального мира, а «феномен», то есть то, как нам вещь кажется. Сущность же «вещи в себе» он называет «ноуменом».

По Канту, ощущения, вызываемые воздействием вещей на наши чувства, несколько не сходны с вещами. Между вещами и вызываемыми ими ощущениями меньше сходства, чем между огнем и вызываемым им дымом, между болью и вызываемым ею криком. Ощущения предполагают существование вещей, их вызывающих, но не отражают их, ничего не говорят о том, каковы они, эти вещи. Вещи сами по себе непознаваемы. Мы познаем, говорил Кант, не самые вещи, пробуждающие чувства к деятельности, а только способы воздействия их на нас. Заявив о том, что мир непознаваем, что человеческому разуму поставлена граница, которую он не может перейти, Кант потом утверждал, что переход от явлений к вещам возможен, но не для разума, а для веры. Кант заявлял, что он ограничил своей философией область науки для того, чтобы дать место вере.

Предметом познания у Канта является не материальный мир, а лишь только априорные формы сознания, с помощью которых будто бы рассудок человека связывается с внешним миром и диктует ему свои законы.

Научные, достоверные знания человек получает, говорил Кант, не при помощи опыта, а выводит их априорно. Они вытекают непосредственно из разума. Он полагал, что в сознании человека заложены определенные знания и оттуда выводятся все остальные научные данные.

Научная и философская деятельность Канта имеет два основных периода. Первый — естественнонаучный, или так называемый «докритический» период (до 1770 г.), второй — «критический» период (с 1770 г.).

В первый период Кант занимался в основном естественными науками. Научные идеи, разработанные им в этот период, представляют ценный вклад в историю развития научной мысли. Заслуга его в том, что он про-

бил первую брешь в метафизике. Энгельс положительно отзывался о работах Канта этого периода. Энгельс отмечал, что произведения Канта составили эпоху, они устранили вопрос о первом толчке. Земля и вся солнечная система предстали как нечто ставшее во времени. Кант выдвинул прогрессивную для того времени мысль о возникновении Вселенной, идею развития, возникновения нового и уничтожения старого, он признавал вечность существования природы и ее развития. Движущей силой развития Вселенной он считал не «божественный толчок», а взаимодействие противоположных первоначальных сил — притяжения и отталкивания, свойственных самой материи. Однако Кант не сумел до конца обойтись без бога, который, по его мнению, и «вложил в силы природы тайное искусство самостоятельно развиваться из хаоса в совершенное мироздание».

В первый период своей деятельности Кант высказал и ряд других гениальных догадок, которые впоследствии подтвердились наукой. В «критический» период мировоззрение Канта было непоследовательным, противоречивым, имело двойственный характер. Разработав учение о развитии природы, Кант ограничился только неживой природой, считал, что естественнонаучные исследования, вполне достаточные для объяснения происхождения неживой природы, совершенно недостаточны для объяснения возникновения даже простейших организмов. Здесь, в этой области, он оставался на позициях метафизики и идеализма. «Можно ли хвастаться, — говорил он, — имея перед собой крошечное растение или насекомое? В состоянии ли мы сказать: дайте мне материю и я покажу вам, как можно было бы произвести гусеницу! Не останавливаемся ли мы здесь на первом же шагу ввиду неизвестности истинных внутренних свойств предмета и ввиду сложности, заключающихся в нем разнообразий?»

Кант утверждал, что область нашего познания ограничена пределами неживой материи, где действует не принцип причинности, а принцип целесообразной организации, предполагающей волю бога — творца и его вмешательство в процесс развития. Взгляд же Канта на живую природу, познание сущности которой он отрицает, нельзя объяснить только ограниченностью науки XVIII века.

Причины агностицизма и априоризма Канта, очевидно, коренятся в принципах его философии — в стремлении примирить знание с верой, науку с религией, материализм с идеализмом. Ленин хорошо показал противоречивость и непоследовательность философии Канта. Ленин писал: «За эту половинчатость Канта с ним беспощадно вели борьбу и последовательные материалисты и последовательные идеалисты (а также «чистые» агностики, юмисты). Материалисты ставили Канту в вину его идеализм, опровергали идеалистические черты его системы, доказывали познаваемость, посюсторонность вещи в себе, отсутствие принципиальной разницы между ней и явлением, необходимость выводить причинность и т. п. не из априорных законов мысли, а из объективной действительности. Агностики и идеалисты ставили Канту в вину его допущение вещи в себе, как уступку материализму, «реализму» или «наивному реализму», причем агностики отбрасывали, кроме вещи в себе, и априоризм, а идеалисты требовали последовательного выведения из чистой мысли не только априорных форм созерцания, а всего мира вообще (растягивая мышление человека до абстрактного Я или до «абсолютной идеи» или до универсальной воли и т. д. и т. п.)»¹.

Таким образом, Ленин указывал, что Канта критиковали и справа и слева: справа его критиковали более последовательные агностики и идеалисты за признание существования «вещи в себе», а слева — материалисты за отрицание познаваемости «вещи в себе».

«Махисты,— говорил Ленин,— критикуют Канта за то, что он чересчур материалист, а мы его критикуем за то, что он — недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы — слева»².

Основной задачей философии Кант считал не познание «вещи в себе», а критический анализ познавательной способности человека, установление границ познания. Прежде чем приступить к познанию, нужно исследовать человеческие способности познания до познания и независимо от него, исследовать вне опыта, заранее априорно. Гегель по поводу этого остроумно заметил, что Кант хочет научиться плавать, не прыгнув в воду.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 185.

² Там же, стр. 186.

Идеалисты в своей критике Канта не смогли преодолеть его агностицизм. Только с позиций материализма возможна последовательная критика скептицизма и агностицизма. Ленин это показывает на примере критики Канта Фейербахом. Он пишет: «Вот особенно важное рассуждение Фейербаха о Канте. «Кант говорит: «Если мы рассматриваем предметы наших чувств, как простые явления,— как и следует их рассматривать,— то мы тем самым признаем, что в основе явлений лежит вещь в себе, хотя мы и не знаем, как она устроена сама по себе, а знаем только ее явления, т. е. тот способ, каким на наши чувства влияет (affiriertt) это неизвестное нечто. Следовательно, наш разум тем самым, что он принимает бытие явлений, признает также бытие вещей в себе; и постольку мы можем сказать, что представлять себе такие сущности, которые лежат в основе явлений, т. е. которые суть лишь мысленные сущности, не только позволительно, но и необходимо...» Выбрав такое место из Канта, где вещь в себе рассматривается просто как мысленная вещь, мысленная сущность, а не реальность, Фейербах на это и направляет всю свою критику. «Следовательно,— говорит он,— предметы чувств, предметы опыта суть для разума только явления, а не истина...» «Мысленные сущности, видите ли, не представляют из себя действительных объектов для разума! Кантовская философия есть противоречие между субъектом и объектом, сущностью и существованием, мышлением и бытием. Сущность достается здесь разуму, существование — чувствам. Существование без сущности (т. е. существование явлений без объективной реальности) есть простое явление — это чувственные вещи; сущность без существования — это мысленные сущности, ноумены; их можно и должно мыслить, но им не достает существования — по крайней мере для нас — не достает объективности; они суть вещи в себе, истинные вещи, но они не суть действительные вещи... Какое противоречие: отделять истину от действительности, действительность от истины!...». Фейербах упрекает Канта не за то, что он допускает вещи в себе, а за то, что он не допускает их действительности, то есть объективной реальности, за то, что он считает их простой мыслью, «мысленными сущностями», а не «сущностями, обладающими существованием»,

то есть реальными, действительно существующими. Фейербах упрекает Канта за отступление от материализма.

«Кантовская философия есть противоречие,— писал Фейербах 26 марта 1858 года к Болину,— она ведет с неизбежной необходимостью к фихтевскому идеализму или к сенсуализму»; первый вывод «принадлежит прошлому», второй — «настоящему и будущему»¹.

В. И. Ленин приводит характерное высказывание последователя и ученика Фейербаха немецкого философа Альбрехта Рау (1843—1920), который писал, что «философия Канта есть амфиболия (двусмысленность), она — и материализм, и идеализм, и в этой ее двойственной натуре заключается ключ к ее сущности»².

Как материалист, Кант не может уклониться от того, чтобы признать объективное существование «вещи в себе», как идеалист, «...он не мог избавиться от предрассудка, что душа есть нечто совершенно отличное от чувственных вещей. Существуют действительные вещи и человеческий дух, который постигает эти вещи. Каким же образом этот дух приближается к совершенно отличным от него вещам? Увертка у Канта следующая: дух имеет известные познания а'priori, благодаря которым вещи должны являться ему так, как они ему являются. Следовательно, то обстоятельство, что мы понимаем вещи так, как мы их понимаем, есть наше творение. Ибо дух, живущий в нас, есть не что иное, как дух божий, и подобно тому, как бог создал мир из ничего, так и дух человека создает из вещей нечто такое, чем эти вещи сами по себе не стоят. Таким образом, действительным вещам Кант гарантирует их бытие, как «вещам в себе». Душа необходима Канту, ибо бессмертие есть для него нравственный постулат. «Вещь в себе», господа,— говорит Рау по адресу неокантианцев вообще и путаника А. Ланге, фальсифицировавшего «Историю материализма», в особенности,— есть то, что отделяет идеализм Канта от идеализма Беркли: она образует мост от идеализма к материализму.— Такова моя критика кантовской философии, и пусть опровергнет эту критику, кто может... Для материалиста различение познаний а'priori от «вещи в себе» совершенно излишне: он нигде не прерывает по-

¹ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 188.

² Там же.

стоянных связей в природе, не считает материю и дух в корне различными между собой вещами, а только сторонами одной и той же вещи, и поэтому не нуждается ни в каких особых кунштуках, чтобы приблизить дух к вещам»¹.

Замечательные образцы критики скептицизма и агностицизма дал Н. Г. Чернышевский. В статье «Характер человеческого знания» он остроумно высмеял агностиков, убедительно показав всю абсурдность их утверждений, доходящих до того, что мы якобы не можем даже знать, сколько у нас рук. «Человеку, которому кажется, что обе руки у него целы, кажется, что у него две руки; и если б ему было известно, что у него есть руки, то у него было бы две руки; но есть у него руки или нет, это неизвестно ему и не может быть известно ни ему, никому из людей. Мы знаем только наши представления о предметах, а самих предметов мы не знаем и не можем знать. Не зная предметов, мы не можем сличать с ними наши представления о них; потому не можем знать, походят ли наши представления о предметах на предметы. Быть может, походят, но быть может, и не походят... Мы имеем представления о руке. Следовательно, существует нечто, возбуждающее в нас представление о руке. Но мы не знаем и не можем знать, сходно ли наше представление о руке с этим «нечто», возбуждающим его. Быть может, сходно: в таком случае то, что мы представляем себе как руку, действительно рука, и у нас действительно есть руки. Но, быть может, наше представление о руке и не сходно с действительно существующим нечто, к которому мы относим его, в таком случае то, что мы представляем себе как руку, не существует, и у нас нет рук; вместо рук у нас есть какие-то группы чего-то, какие-то, непохожие на руки, группы чего-то неведомого нам, но рук у нас нет... Итак, есть у нас руки, или нет — вопрос неразрешимый...»²

Чернышевский называл кантианство «новой формой средневековой схоластики» и «метафизическим вздором», иллюзионизмом. «Говорить, что мы имеем лишь знание наших представлений о предметах, а прямого

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 189.

² Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения. М., 1938, стр. 146—147.

знания самих предметов у нас нет, значит отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существование нашего организма. Так и делает иллюзионизм!»¹

Выступления Н. Г. Чернышевского против агностицизма были чрезвычайно высоко оценены В. И. Лениным. «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»².

Однако Чернышевский, как и все другие критики Канта домарковского периода, не дал последовательной критики агностицизма. Он, конечно, ссылался на практику как «великую разоблачительницу обманов», и это было его главным аргументом против агностицизма. Но он не смог использовать ее более широко потому, что практику понимал ограниченно, узко, как биологическую деятельность человеческого организма.

Возможность познания мира отрицали имманенты. Некоторые из них (Леклер) называли себя критическими идеалистами. Канта они критиковали справа, призывали назад к Фихте и к Беркли. Их гносеология — идеалистическая. Ленин называл их самыми отъявленными реакционерами и прямыми проповедниками идеализма. «Нет ни одного из них, — писал Ленин, — который бы не подводил открыто своих наиболее теоретических работ по гносеологии к защите религии»³.

Среди некоторых философов существует мнение, что весь идеализм будто бы отрицает познаваемость мира. Это ошибочное утверждение.

Выше мы уже говорили, что последовательный объективный идеализм положительно отвечает на вопрос о познаваемости мира. Последовательный субъективный идеализм также не отрицает познаваемости мира. Но все дело в том, о познании какого мира идет речь. Для материалиста познание есть познание подлинного, объективного реального мира, а для идеалиста — это познание какого-либо сознания. Агностицизм же в принципе отрицает познание «вещи в себе», а скептик сомневается

¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, т. III. М., 1951, стр. 541.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 346.

³ Там же, стр. 199.

в возможности познания мира и даже в объективной реальности его.

В. И. Ленин глубоко вскрыл несостоятельность скептицизма и агностицизма. Он писал, что материалисты отвергают в системе Канта самонаименованные элементы агностицизма (скептицизма) и идеализма.

В. И. Ленин обвинял Плеханова в упрощенной критике Канта, за то, что он критиковал кантианство (и агностицизм вообще) с вульгарно-материалистической, а не с диалектико-материалистической точки зрения. Тем самым он дал повод русским махистам использовать его ошибки в борьбе против марксизма.

В. И. Ленин противопоставил всем разновидностям агностицизма ясные положения Маркса и Энгельса о познаваемости мира. Он раскритиковал и неокантианство, на позициях которого стояли «легальные марксисты». В 1899 году в статье «Еще к вопросу о теории реализации» в одной из сносок Ленин писал: «Те ученики Маркса, которые зывают: «назад к Канту», не дали до сих пор ровно ничего, доказывающего необходимость такого поворота и наглядно представляющего выигрыш теории Маркса от оплодотворения ее неокантианством. Они даже не исполнили падающей на них прежде всего обязанности — подробно разобрать и опровергнуть ту отрицательную оценку неокантианства, которую дал Энгельс. Наоборот, те ученики, которые пошли назад, не к Канту, а к философскому материализму до Маркса, с одной стороны, и к диалектическому идеализму, с другой стороны, дали замечательно стройное и цельное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки»¹.

В том же 1908 году, в июне, когда Богданов и К^о организовали в Женеве философский диспут, Ленин из-за занятости работой над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» не мог принять участия в этом диспуте и направил туда одного из членов редакции газеты «Пролетарий» И. Ф. Дубровинского (Иннокентия), вооружив его тезисами «Десять вопросов референту» против Богданова — докладчика (референта) на диспуте.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 66.

В этих тезисах Ленин писал: «...2. Признает ли референт основное деление философских систем у Энгельса на *материализм* и *идеализм*, причем средними между тем и другим, колеблющимися между ними считает Энгельс *линию Юма* в новой философии, называя эту линию «агностицизмом» и объявляя кантианство разновидностью агностицизма?..

4. Признает ли референт правильным рассуждение Энгельса о превращении «вещей по себе» в «вещи для нас»?¹...

В «Материализме и эмпириокритицизме», особенно во второй главе, Ленин это положение раскрыл всесторонне. Он показал, что Маркс и Энгельс, начиная с тезисов Маркса о Фейербахе (1845 г.) и кончая последними философскими работами Энгельса (90-е годы), громили идеализм, в том числе кантианство и юнизм, доказывая познаваемость мира и его закономерностей. Маркс и Энгельс указывали на роль революционной практики, эксперимент, индустрию, как на решающее доказательство достоверности нашего познания. История науки, развитие промышленности, техники, опыт революционной классовой борьбы убедительно доказывают, что никакого предела для человеческого познания не существует.

В. И. Ленин ссылается на Энгельса, приводит известное его положение по этому вопросу из «Людвига Фейербаха...»: «Самое решительное опровержение этих, как и всех прочих философских вывертов (или выдумок, ...) заключается в практике, именно в эксперименте и в индустрии. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой... «вещи-в-себе» приходит конец. Химические вещества, производимые в телах животных и растений, оставались такими «вещами-в-себе», пока органическая химия не стала готовить их одно за другим; тем самым «вещь-в-себе» превращалась в «вещь для нас», как, например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы получаем теперь не из корней марены, выращи-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 3.

ваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменно-угольного дегтя»¹.

Эти положения Энгельса самым бессовестным образом исказил, переврал Чернов. В. И. Ленин решительно выступает против Чернова, отстаивая точку зрения Энгельса. Он пишет, что Энгельс прямо и ясно опровергает кантовскую неуловимую (или непознаваемую) «вещь в себе», что Энгельс прямо и ясно говорит, что возражает и Юму и Канту вместе.

Обстоятельно изложив сущность критики Энгельсом агностицизма Юма и Канта, Ленин заключает, что из этой критики вытекает три важных гносеологических вывода:

«1) Существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас, ибо несомненно, что ализарин существовал вчера в каменно-угольном дегте, и так же несомненно, что мы вчера ничего не знали об этом существовании, никаких ощущений от этого ализарина не получали.

2) Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), — все это пустой вздор... выверт, выдумка.

3) В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»².

Не только Чернов, как ярый враг марксизма, но и другие русские махисты, считавшие на словах себя марксистами, не шли дальше ощущения, заявляли, что не могут знать ничего достоверного об их источнике или об их оригинале. Как и все другие субъективные идеалисты, махисты не доверяют показаниям органов чувств, считают

¹ В. И. Ленин Соч., т. 14, стр. 89.

² Там же, стр. 90—91.

ощущение за непроходимую перегородку между бытием и сознанием. Их исходные позиции по вопросу познания мира те же, что у Канта и Юма, то есть агностические. Но махисты хотели сочинить «непротиворечивую», «новую» философию и своими рассуждениями вокруг ощущений, в пределах чисто формальных описаний соотношений между ощущениями, думали, что смогут обойти основной вопрос философии. Но так как этого вопроса обойти нельзя, то они путались между точками зрения Беркли и Юма.

«Когда Мах говорит: тела *суть* комплексы ощущений, тогда Мах — берклеанец. Когда Мах «поправляется»: «элементы» (ощущения) могут быть в одной связи физическими, в другой — психическими, тогда Мах — агностик, юмист. Из этих двух *линий* Мах не выходит в своей философии, и только крайняя наивность может поверить этому путанику на слово, что он действительно «превзошел» и материализм и идеализм»¹.

Противопоставив марксистскую теорию познания агностицизму, Ленин писал, что вне нас существуют вещи, а наши восприятия и представления — образы их. Сравнивая две линии философских направлений, Ленин указывал: «Одна линия — что чувства дают нам верные изображения вещей, что мы знаем *самые эти вещи*, что внешний мир воздействует на наши органы чувств. Это — материализм, с которым не согласен агностик. В чем же *суть* его линии? В том, что он не *идет дальше* ощущений, в том что *он останавливается по сию сторону явлений*, отказываясь видеть что бы то ни было «достоверное» за пределами ощущений. О *самых этих вещах* (т. е. о вещах в себе, об «объектах самих по себе», как говорили материалисты, с которыми спорил Беркли) мы ничего достоверного знать не можем, — таково совершенно определенное заявление агностика. Значит, материалист в том споре, о котором говорит Энгельс, утверждает существование и познаваемость вещей в себе. Агностик *не допускает самой мысли* о вещах в себе, заявляя, что ничего достоверного о них мы знать не можем»².

Субъективно-идеалистическую линию в гносеологии махисты отстаивали своим «принципом экономии мыш-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 96.

² Там же, стр. 95.

ления», «наименьшей тратой сил». Авенариус в своем сочинении «Философия, как мышление о мире, согласно принципу наименьшей траты сил» (1876 г.) во имя этого принципа объявил существующими только ощущения и весь мир сводил к ним. Махисты положили принцип наименьшей траты сил в основу своей теории познания, доказывали, что из науки в целях экономии мышления надо устранить все то, что усложняет, затрудняет описание ощущений, из различных теоретических рассуждений надо выбирать то, что наиболее экономно, то, что с наименьшей простотой описывает «опыт», который они понимали, как поток ощущений, представлений, являющихся якобы чисто субъективными переживаниями. Следует также отметить, что простота понималась махистами не в том смысле, в каком понимают ее ученые естествоиспытатели, то есть не в смысле непосредственного и глубокого отражения мира в теории, а в очищении его от всего несубъективного.

Махистский принцип «экономии мышления» отрицает за научными теориями способность правильно отражать мир и рекомендует из двух теорий выбирать ту, которая наиболее проста. И надо сказать, что в то время такой принцип «простоты» многим ученым нравился. Только позднее, благодаря работам Бора, ученым удалось установить так называемый принцип соответствия, по которому две противоположные теории, разумеется, научные теории, в граничных условиях должны давать одинаковые результаты.

Не только Авенариус, но и Мах в работе «Анализ ощущений» (1872 г.) проводил чистый субъективизм, сводил мир к ощущениям. Критикуя их, Ленин указывал, что если этот принцип положить в основу теории познания, то он может привести только к субъективному идеализму. Диалектический материализм учит, что «экономна» та теория, которая верно, правильно отображает объективную реальность.

В. И. Ленин опроверг всю аргументацию махизма о том, что познание мира состоит лишь в описании, а не в объяснении и преобразовании его. Он показал, что описание явлений было лишь началом познания и люди шли от описания явлений вглубь к их сущности. Он говорил, что идеалистические выводы из научных открытий вытекают не вследствие того, что открываются новые ви-

ды материи и движения, а потому, что махисты, исходя из нелепого принципа «экономии мышления», пытаются мыслить движение без материи, вследствие чего и «материя исчезает», а мысль как самостоятельная сущность, независимая от материи, остается. Ввиду этого, говорил Ленин, взгляды махистов приводят к бессмыслице.

История развития общественной жизни, человеческой практики является лучшим доказательством правильности марксистско-ленинской теории познания и несостоятельности агностицизма, махизма, всяких субъективно-идеалистических учений, отрицающих возможность познания окружающего нас мира и его закономерностей. Общественная жизнь, человеческая практика дают убедительные и необычно богатые факты, примеры, подтверждающие то, что люди добиваются действительного фактического познания вещей, законов природы и используют их в своих целях. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» приводит десятки таких примеров. Они известны, и в данном случае нет надобности повторять их. В работе «Аграрный вопрос и «критики» Маркса» Ленин писал: «И в индустрии и в земледелии человек может только пользоваться действием сил природы, если он познал их действие, и *облегчать* себе это пользование посредством машин, орудий и т. п.»¹.

Многие поколения людей возделывали растения, разводили и выращивали животных, но до недавнего времени они не знали сущности их наследственности и ее изменчивости. На помощь ученым пришла марксистская материалистическая философия как единственно научная теория познания и преобразования мира.

Великий преобразователь природы И. В. Мичурин и его последователи, руководствуясь материалистическим взглядом на мир, научно раскрыли причины наследственности и на практике доказали возможность сознательного управления наследственностью организма. Мичурин и его последователи установили, что наследственность есть исторически сложившееся единство организма и среды, в которой она находится, и ею можно управлять в соответствии с изменением условий развития организма. Наши мичуринцы, успешно раскрывая закономерности развития организмов, научились выводить

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 95.

новые сорта растений и животных. А то, что мы сами можем сделать, как говорил Энгельс, то уже мы, конечно, не можем назвать непознаваемым, речь в дальнейшем может идти только об уточнении, об углублении добытых наших знаний. «Растение,— писал И. В. Мичурин,— становится могущественным фактором в жизни только тогда, когда находится на воспитании у человека и под его воздействием»¹.

Передовые советские биологи переселяют полезные растения с одного края СССР на другой, заставляют их произрастать и плодоносить там, где они до того не произрастали, изменяют форму возделываемых растений в соответствии с потребностями нашего хозяйства.

Изучая историю селекции, И. В. Мичурин пришел к выводу, что «природа, вырабатывая... все новые формы растений, преследует лишь свои цели и назначения, далеко не согласующиеся с нуждами и желаниями человека, которому приходилось пользоваться лишь случайно подходящими для тех или других его потребностей, имеющимися налицо уже готовыми формами растений, улучшая качества их в нужную ему сторону путем отбора и всеми подходящими к его желаниям средствами культуры»².

Происхождение форм культурных растений и домашних животных Мичурин рассматривал с позиций материализма. Для него было бесспорным, что эти формы «...являются продуктами труда не только прошлого года, но в своих современных формах и продуктами видоизменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда»³.

Для него было также ясно, что контроль человека за формообразованием, воздействие человеческого труда на формообразование при познании конкретных причин возникновения новых форм растений и животных могут быть решительно усилены.

Многие ученые, как писал Мичурин, утверждали, «что существующие на земле растительные организмы не изменяются, что лучше природы ничего не создашь», а я утверждаю, что все многообразие растительных форм

¹ И. В. Мичурин. Соч., т. 1, стр. 478.

² Там же, стр. 543.

³ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 201.

произошло в результате безостановочно совершающихся изменений в природе из очень ограниченного количества растений, и многими фактами доказываю, что человек может и должен делать лучше природы, конечно, с социальным заказом.

В ряде районов страны труженики сельского хозяйства в тесном содружестве с советскими учеными, раскрывая и познавая закономерности организма, снимают два урожая с одного посева.

Возьмем примеры и из области «неживой» природы.

Как известно, одним из величайших научных достижений XX века является открытие законов ядерных явлений. Теперь уже точно определены электрические заряды, масса атомов элементов, изучены их изотопы и изобары. В наше время люди научились не только искусственно превращать одни элементы в другие, но и искусственно создавать химические элементы, идущие в химической таблице после урана (нептуний, плутоний, америций, кюрий и т. д.). Все эти знания об атомах стали достоверными знаниями. Руководствуясь ими, советская наука и техника практически используют колоссальные источники внутриатомной энергии.

До недавних пор определение возраста геологических формаций было очень трудным делом. Теперь советский ученый Э. Гернин предложил один из наиболее эффективных методов определения абсолютного возраста формации, названный аргоновым методом. У нас работает первая в мире атомная электростанция, создаются атомные электростанции разных типов. Создан первый в мире атомный ледокол «Ленин».

Советские люди, познавая закономерности природы, создали и запустили первые искусственные спутники Земли и Солнца. Они с большой точностью рассчитали и осуществили запуск ракеты по маршруту Земля — Луна и Земля — Луна — Земля.

«Подвиг советских победителей космоса возвестил новую эру, когда человек, опираясь на глубочайшее знание законов физики, химии, математики, астрономии и других наук, создал силу, способную направить с Земли на другое небесное тело могучий космический корабль и привести точно в заданный пункт»¹.

¹ «Правда», 1959, 15 сентября.

Советские ученые научились создавать радиоактивные вещества искусственно. До последнего времени одним из наиболее известных радиоактивных веществ был радий.

Характеризуя значение проблемы использования атомной энергии, академик А. Н. Несмеянов говорил, что мы вступили в эпоху величайшей технической революции. «Радиоактивные меченые атомы стали необходимым и мощным орудием исследования во всех тех бесчисленных областях науки и техники, где дело касается обнаружения вещества, изучения процессов его превращения и передвижения. Химия и физика, металлургия, механика газообразного, жидкого и твердого тел и особенно биология с ее богатством областей и направлений, начиная от физиологии высшей нервной деятельности и кончая агрономией, стали широким полем применения меченых атомов, позволили ввести новые методы работы, сделать новые открытия. Это вторая, еще не полностью обрисовавшаяся сторона науки и техники начала атомной эры. И, вместе с тем, из сферы полуфантастики она на наших глазах все больше просачивается в будни жизни: пульпомеры для землесосов, дефектоскопы, нейтронный кароттаж на нефтепромыслах — все это становится уже обыденным»¹.

Наука, практика убедительно опровергают агностицизм и доказывают правильность вывода Ленина о том, что ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем самым нашу власть над ней.

5. ЛЕНИНСКАЯ КРИТИКА «ФИЗИЧЕСКОГО» ИДЕАЛИЗМА

Как известно, на рубеже XIX и XX веков был сделан ряд новых открытий в науке. Совершилась революция в естествознании. Она коренным образом отличалась от всех прежних революций в естествознании тем, что вызвала коренную ломку прежних учений о наиболее простых, наиболее «элементарных» видах, свойствах частиц и формах движения материи. Началось быстрое про-

¹ Сессия Академии наук СССР по мирному использованию атомной энергии 1—5 июля 1955 г. Изд. АН СССР, 1955, стр. 6.

движение науки в глубь материи (от атома к электрону). Великие открытия в физике вызвали полную ломку старых представлений об атомах и химических элементах.

В 1895 году немецкий физик Вильгельм Рентген открыл неизвестный ранее вид лучистой энергии, «Х-е лучи», названные потом рентгеновскими лучами. Открытие этих лучей многое изменило в представлениях физиков. Оно свидетельствовало о том, что на атом нельзя смотреть как на неделимый и неизменный «кирпичик» мироздания, что он есть очень сложное образование природы.

В 1896 году крупный французский физик Антуан Анри Беккерель обнаружил радиоактивные свойства урана (радиоактивность).

В 1897 году английский физик Дж. Дж. Томсон открыл электрон, который не имеет постоянной массы — она зависит от скорости движения электрона, возрастает тем более, чем больше скорость движения электрона приближается к скорости света.

В 1898 году супруги Мария Кюри-Складовская и Пьер Кюри обнаружили, что радиоактивностью обладают не только уран, но и все его химические соединения, а также торий и все его химические соединения. Супруги Кюри также обнаружили, что состав молекулы, в которую входит радиоактивный элемент, не влияет на его радиоактивность, она определяется не свойствами молекулы, а внутренним свойством атомов радиоактивного элемента. Великий научный подвиг супругов Кюри не ограничивается только этими открытиями, их заслуга и в том, что они открыли новый химический элемент радий, радиоактивность которого намного превосходит радиоактивность урана. Открытие радиоактивности было величайшим событием в науке. Поэтому и Ленин говорил: «Великий революционер — радий». И не случайно он из всех этих открытий называет прежде всего открытие радиоактивности радия, а потом уже и открытие электрона как составной части всех атомов.

К началу XX века развитие знаний о микромире пошло еще дальше. В декабре 1900 года немецкий физик Макс Планк изложил основные положения квантовой теории света, а в 1905 году Альберт Эйнштейн сформулировал принципы частной теории относительности.

Новейшая революция в естествознании не только имела свои особенности, не только отличалась от предшествующих революций в науке, но и имела определенные сходства с ними; она ломала старые метафизические взгляды на природу, на материю и утверждала новые диалектические взгляды.

Таким образом, философский смысл новейшей революции в естествознании состоит в том, что диалектика стала проникать в те области естествознания, где укрылась метафизика, изгнанная к тому времени из других наук. Надо сказать, что крушение метафизики в этой области подготавливалось еще предыдущими революциями в науке. Ф. Энгельс предвидел это и задолго до открытия Рентгена в «Диалектике природы» писал, что атом не является чем-то простым.

Новейшая революция в науке поставила перед учеными целый ряд новых проблем, новых вопросов. «Физика,— писал М. Лауэ,— столкнулась здесь впервые с процессом, который не поддается причинному объяснению. До сегодняшнего дня мы не знаем, почему данный радиоактивный атом распадается именно в тот, а не в другой момент времени»¹. Буржуазные ученые, стоящие на метафизических позициях, оказались не в состоянии объяснить эти открытия. Они истолковали их в духе идеализма. Особенно сильным нападкам они подвергли положения диалектического материализма о материальности мира, материальности движения, пространства, времени и других атрибутивных свойств материи. Временным незнанием причин радиоактивности воспользовались махисты и развернули борьбу против принципа детерминизма. Мах и его последователи немало потрудились над тем, чтобы представить сущность новой физики как зрящее отрицание старой науки и, в частности, классической физики.

Буржуазные ученые восприняли данные новой физики как катастрофу для всей науки; некоторые из них испугались крушения классической физики, предлагали не придавать серьезного значения новым научным открытиям, а преклоняться перед авторитетом Ньютона и упорно держались за метафизический материализм. Но новые явления и закономерности не укладывались в рамках

¹ М. Лауэ. История физики. М., 1956, стр. 130.

метафизических представлений о мире, и между ними со-
здалось острое несоответствие. Так образовался кризис
физики, а на его гносеологических основах оформился
и «физический» идеализм как идейный отброс революции
в естествознании.

Надо отметить, что отдельные буржуазные ученые
(Больцман, Планк и другие) в начале XX века попыта-
лись с материалистических позиций истолковать сущ-
ность новейшей революции в естествознании. Больцман
понял, что невозможно объяснить природу одними меха-
ническими законами, и попытался дать новое, более глу-
бокое материалистическое толкование тепловым процес-
сам. За это его стали подвергать травле, преследовали.
Но как стихийный материалист, Больцман не смог разоб-
лачить махизм.

Немецкий физик Планк, как мы уже говорили,
в 1909 году выступил в Америке с циклом лекций, посвя-
щенных основным вопросам новой физики, где он вы-
смеял Маха, но разоблачить его, правильно объяснить
новое развитие физики ему также не удалось.

Пути борьбы с «физическим» идеализмом намечались
еще в трудах Энгельса. Известно, что Энгельс в борьбе
против механицизма и метафизики в естествознании раз-
бирал некоторые вопросы философии физики. Так,
в «Диалектике природы» он подверг резкой критике тео-
рию «тепловой смерти» Вселенной немецкого физика
Клаузуиса, указывал на необходимость построения новой
теории, где наряду с тяготением рассматривалась бы си-
ла отталкивания. В одном из определений движения Эн-
гельс механической форме движения противопоставляет
не только высшие формы движения материи, но и тепло-
ту, свет и ряд других физических процессов. Этим Энгельс
подчеркивал качественное своеобразие тепловых и свето-
вых явлений. Уже тогда Энгельс предвидел серьезную
опасность примитивного, одностороннего понимания ме-
ханистами явлений мира.

Однако Энгельс направил огонь своей борьбы пре-
имущественно против механицизма в биологии и исто-
рии, а не в физике потому, что сторонники механицизма
в физике тогда еще успешно ее развивали. Идеалисты
тогда еще не видели реальных возможностей для утверж-
дения своих взглядов в физике.

Только в связи с новейшей революцией в естествозна-

нии идеализм стал защищать свои позиции в физике. Именно в это время и появилась насущная потребность разгрома идеализма в физике, и эта задача выпала на долю В. И. Ленина. Никто другой не взялся за материалистическое обобщение того, что было открыто наукой за период после Энгельса.

В. И. Ленин подошел к генезису новой физики с позиции диалектического материализма и усмотрел в нем начало новой эры в развитии всей науки.

Надо сказать, что такой подход к новой науке не снижает роли деятелей прошлой науки, ибо «Исторические заслуги,— говорил Ленин,— судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»¹.

В. И. Ленин показал, что новые открытия в физике опровергают как идеалистическое, так и метафизическое учение о качествах и свойствах материи и всецело подтверждают правильность учения диалектического материализма. Если многие физики поняли «новейшую революцию в естествознании» как катастрофу в физике, то Ленин, наоборот, понял, что «физика рождает диалектический материализм». Ленин объяснил причину появления так называемого «физического» идеализма и указал средства для его преодоления. Само развитие физики полностью подтвердило ленинский анализ так называемого «кризиса естествознания» и доказало, что наука противоречивыми путями идет от механицизма и метафизики к диалектическому материализму. Весь ход развития науки показывает, что она, по существу, материалистична, что естествознание стихийно влечется к диалектике и это есть объективная тенденция процесса ее развития. Но реакционные классы всегда стараются помешать этому.

Поэтому В. И. Ленин говорил о необходимости сознательного овладения естествоиспытателями диалектическим материализмом. «И для того, чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно,— учит Ленин,— мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 166.

буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и повести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом»¹.

В. И. Ленин показал, что «физический» идеализм — весьма сложен, он, подобно философскому идеализму, имеет гносеологические корни, и так же, как философский идеализм, закрепляется классовыми интересами эксплуататоров.

Понятие «физический» идеализм «звучит очень странно», говорил Ленин. И действительно, физика сама по себе, по самой своей сущности глубоко материалистична. Ни о каком соединении или примирении физики с идеализмом не может быть и речи. Но тем не менее в ходе кризиса физики возник этот идеализм.

Выясняя условия возникновения «физического» идеализма, Ленин убедился в том, что «физический» идеализм в конечном счете появился в связи с тем, что новая физика, найдя новые виды материи, новые формы ее движения, не смогла объяснить их правильно, она дала объяснение в пользу идеализма. В. И. Ленин пришел к выводу, что увлечение математикой в физике и философский релятивизм были гносеологическими причинами «физического» идеализма. Крупные успехи в естествознании, приближение к таким простым и однородным элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, все это привело к забвению материи, приувеличению роли математики. Это облегчалось еще и тем, что математика стала иметь дело с невидимыми микрообъектами, причем очень часто не индивидуализированными.

При выяснении роли математики в развитии науки надо подходить к ней диалектически, иметь в виду, что математика при изучении даже простых процессов все же абстрагируется от целого ряда материальных процессов, и в этом ее положительная сторона, сила. Но когда математика доводит этот принцип абстракции до логического конца, то математический метод ничего, кроме абсурда, не дает. Вот поэтому Ленин, вскрывая причины

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 207.

«физического» идеализма, советовал физикам не увлекаться односторонне математикой.

Математические абстракции только тогда имеют смысл и двигают познание вперед, когда они отражают свойства объективного материального мира, когда они не отрываются от самой действительности.

Математика имеет известную самостоятельность, она иногда опережала достижения физики. Это обстоятельство, а главное непонимание учеными правильного соотношения между математикой и физикой, привело их к идеалистическому выводу, будто математика имеет примат над физикой и другими естественными науками, будто за математическими формулами не существует реальной действительности, объективных качеств и свойств материи.

Преувеличение роли математики, одностороннее увлечение ею и пренебрежение практикой, как критерием истины, неизбежно приводят к философскому релятивизму. Критикуя «физический» идеализм, Ленин указывает, что материя всегда присутствует во всех математических уравнениях, причем в обеих частях уравнений. Материя в силу абстрактной природы математического анализа лишь подразумевается, а не пишется, и если забыть это обстоятельство или не понимать его, то можно легко забыть о материи, ее качествах и свойствах, в ходе математических исчислений она может «исчезнуть», могут остаться одни только математические уравнения.

Принцип релятивизма, относительности нашего знания при незнании диалектики неминуемо ведет к идеализму. Ленин подчеркивал, что вопрос о соотношении релятивизма и диалектики едва ли не самый важный в объяснении теоретических злоключений махизма.

«Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не в позитивистском, т. е. юмистском, смысле этого слова) материализмом, с его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, то есть объективной реальности физического мира. Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрица-

нию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению закона природы простой условностью, «ограничением ожидания», «логической необходимостью» и т. п. Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно-верно, относительно-правильно отражаемого этим познанием»¹.

В силу метафизического взгляда, незнания марксистской диалектики буржуазные ученые объявили противоречия между старой и новой физикой неразрешимыми, разум — недостаточным для объяснений этих противоречий и стали искать спасения либо в религиозной вере, либо в махистском позитивизме. Махистский эмпиризм неизбежно привел их в болото поповщины.

Мы уже отмечали, что идеалистические выводы из новой физики вызывались не тем, что были открыты новые виды вещества и силы, материи и движения, а тем, что делались попытки мыслить движение без материи.

Физики свихнулись в идеализм главным образом и именно потому, что они не знали материалистической диалектики. Поэтому они не поняли диалектического процесса развития материи со всеми ее разнообразными качествами и свойствами. Таким образом, если в физике отражалась и отражается объективная реальность, то «физический» идеализм, возникший в ходе кризиса в физике, говорил о неумении некоторых ученых подняться до правильного понимания этой объективной реальности и законов ее развития. Ленин разъяснил, что «...диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое...»²

Суть кризиса современной физики, делает вывод В. И. Ленин, состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, то есть в замене материализма идеализмом и агностицизмом.

При описании новейших открытий физики-махисты говорили об «исчезновении материи». Они не поняли, что

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 248—249.

² Там же, стр. 248.

не материя исчезла, а тот предел, до которого мы знали ее до сих пор, исчезли такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Из анализа кризиса физики В. И. Ленин сделал вывод: в перспективе всего научного прогресса кризис физики и появление связанного с ним «физического» идеализма есть временное явление. «Уклон в сторону реакционной философии...— писал он,— есть временный зигзаг, преходящий болезненный период в истории науки, болезнь роста, вызванная больше всего *крутой ломкой* старых установившихся понятий»¹.

«Физический» идеализм — это мода, временное явление, которое должно пройти и пройдет. Если «физический» идеализм означает неумение ученых сразу прямо подняться до диалектического материализма, то все же они к нему неизбежно придут и, действительно, приходят в наше время. Новая физика дает достаточно примеров, подтверждающих это положение.

Наряду с анализом гносеологических причин появления «физического» идеализма Ленин раскрыл и его социальные корни. Дело в том, что «физический» идеализм связан с буржуазными условиями существования и развития естествознания, с идеалистической философией. Продолжительную наклонность ученых к мистике, к идеализму нужно искать в социальной среде, в империалистической реакции, где в силу классовых интересов некоторая часть ученых отходит от материализма и переходит на позиции идеализма и религии. Ленин отмечал, что вся обстановка, в которой живут буржуазные ученые, отталкивает их от Маркса и Энгельса и бросает их в объятия пошлой казенной философии.

В. И. Ленин неоднократно возвращался к вопросу о влиянии условий капитализма на интеллигенцию и после разоблачения махизма. В статье «О значении воинствующего материализма» он писал, что достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем общео-экономическую, затем бытовую и всяческую другую зависимость современных образованных людей от гос-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 291.

подставлющей буржуазии, чтобы представить себе связи ученых с классовыми интересами и классовой позицией буржуазии.

6. КРИТИКА «ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО» ИДЕАЛИЗМА И ТЕОРИИ СИМВОЛОВ (ИЕРОГЛИФОВ)

Большой интерес представляет критика Лениным «физиологического» идеализма, который по своей сущности представляет собой разновидность субъективного идеализма и агностицизма. Эта реакционная теория «иероглифов» или «символов» получила распространение во второй половине XIX века среди буржуазных физиологов и философов. Ее родоначальники — немецкие естествоиспытатели Иоганн Мюллер и Герман Гельмгольц видели причину качественного своеобразия ощущения не во внешнем мире, а в специфической энергии самих органов чувств, которая, по их мнению, возникает независимо от качеств внешних раздражителей.

Характеризуя идеалистические взгляды Иоганна Мюллера, Ленин писал: «Идеализм этого физиолога состоял в том, что, исследуя значение механизма наших органов чувств в их отношении к ощущениям, указывая, например, что ощущение света получается при различного рода воздействии на глаз, он склонен был выводить отсюда отрицание того, что наши ощущения суть образы объективной реальности»¹.

Гельмгольц усугубил идеализм Мюллера, расширил область применения «закона специфической энергии чувств». Он заявил, что даже качество ощущения различных цветов и тонов разной высоты зависит всецело и исключительно от специфической энергии зрительного и слухового нерва. «...Я обозначил ощущения,— писал Гельмгольц,— как символы внешних явлений и отверг за ними всякую аналогию с вещами, которые они представляют».

«Физиологические» идеалисты отрицали сходство наших ощущений с внешними предметами. Качества предметов, по их мнению, не существуют объективно, не приписуя самим предметам, а представляют собой специфическую энергию самих органов чувств. Ощущения — не

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 290.

копии, снимки самих предметов, внешних раздражителей, а символы, условные знаки (иероглифы) этих предметов.

В. И. Ленин всесторонне подошел к оценке «теории иероглифов». Не отбрасывая ценного в работах Гельмгольца по физиологии и физике, Ленин в то же время подверг острой критике его идеалистические, кантианские выводы, которые Гельмголец выразил в своей речи 1878 года следующим образом: «Наши ощущения суть именно действия, которые вызываются в наших органах внешними причинами, и то обстоятельство, как обнаруживается такое действие, зависит, разумеется, весьма существенно от характера аппарата, на который оказывает действие. Поскольку качество нашего ощущения дает нам весть о свойствах внешнего воздействия, которым вызвано это ощущение,— постольку ощущение может считаться *знаком*... его, но не *изображением*. Ибо от изображения требуется известное сходство с изображаемым предметом... От знака же не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является...»¹.

Гельмголец как естествоиспытатель был стихийным материалистом, исходил из первичности природы, понятие и представление рассматривал как результат действия внешних сил на наши органы чувств. Он говорил: «Наши понятия и представления суть *действия*, которые производят на нашу нервную систему и на наше сознание предметы, которые мы видим или которые мы себе представляем»². Но Гельмголец идеалист, когда он рассматривает ощущения как символы внешних явлений и отвергает за ними всякое сходство с материальными вещами. Он по-кантиански разрывал сознание и природу, идеи и действительность, утверждая, что идеи и объект принадлежат к двум совершенно разным мирам.

Некоторые неустойчивые естествоиспытатели стали склоняться к «теории иероглифов». Ленин указывал, что еще Фейербах чрезвычайно метко схватил эту тенденцию «одной школы естествоиспытателей к «физиологическому» идеализму, т. е. идеалистическому толкованию известных результатов физиологии». Плеханов также сделал определенные уступки «физиологическому» идеализму, а махисты, в частности Базаров и другие, постарались

¹ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 221—222.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 220.

широко использовать ошибочные взгляды Плеханова в борьбе с марксистской философией. Они с радостью набросились на плехановские «иероглифы» и пытались заслонить от читателей истину Энгельса, то есть его учение о том, что ощущения суть образы предметов и процессов природы, снимки действительных вещей, а не условные знаки, символы, иероглифы.

В. И. Ленин писал: «...наши махисты, желающие быть марксистами, набросились с особенной радостью на плехановские «иероглифы», т. е. на теорию, по которой ощущения и представления человека представляют из себя не копии действительных вещей и процессов природы, не изображения их, а условные знаки, символы, иероглифы и т. п.»¹.

Известно, что свои уступки «физиологическому» идеализму Плеханов оправдывал ссылками на великого русского физиолога-материалиста И. М. Сеченова. Нам кажется, что вопрос об отношении Плеханова к материализму Сеченова, к его теории познания заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

И. М. Сеченов впервые из физиологов подверг острой критике «физиологический» идеализм и противопоставил ему материалистическую теорию познания, решительно выступил против агностицизма, считал мир вполне познаваемым. Он справедливо доказывал, что первичным фактором в развитии познания всегда был и будет для нас внешний мир с его предметными связями и отношениями.

В работах И. М. Сеченова мы находим очень важные материалистические высказывания против «теории» иероглифов. Так, он утверждал, что сходство внешнего предмета с его образом на сетчатке не подлежит сомнению, что сознание является не менее верным зеркалом, чем сетчатка с преломляющими средами глаза в отношении внешнего предмета.

Исходя из того, что чувственные восприятия возникают в результате воздействия внешних предметов на органы чувств и обуславливаются ими, Сеченов утверждал, что *«всем элементам предметной мысли, насколько она касается чувствуемых нами предметных связей и отношений в пространстве и времени, соответствует дейст-*

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 219—220.

вительность. Предметный мир существовал и будет существовать, по отношению к каждому человеку, раньше его мысли; следовательно, первичным фактором в развитии последней всегда был и будет для нас внешний мир с его предметными связями и отношениями. Но это не значит, что мысль, заимствуя свои элементы из действительности, только отражает их, как зеркало; зеркальность есть лишь одно из драгоценных свойств памяти, уживающееся рядом с ее столь же, если не более, драгоценной способностью разлагать переменные чувствования на части и сочетать воедино факты, разделенные временем и пространством»¹.

В борьбе Сеченова против агностицизма, «физиологического» идеализма можно отметить много и других подобных материалистических положений. Суммируя все эти положения и его подход к решению гносеологической проблемы, можно сказать, что Сеченов признавал вещи, существующими сами по себе, независимо от сознания и вне сознания, считал ощущение и мысль вторичным, производным по отношению к этим вещам; отрицал отождествление материи и сознания; доказывал возможность правильного познания предметов и процессов внешнего мира посредством чувственных впечатлений и предметных мыслей.

Эти материалистические положения Сеченова блестяще использовал Плеханов в борьбе против искажений марксистской философии. Он понимал, что Сеченов вполне опровергает неокантианскую критику материализма. Высмеивая Н. К. Михайловского, который выступил против плехановского вывода о торжестве материалистического монизма в науке XIX века, Плеханов писал: «Если г. Бельтов ошибается, то, значит, материалистический монизм *не* восторжествовал в науке. Что же,— значит ученые до сих пор объясняют природу посредством внедрения субъективного в объективное и прочих тонкостей идеалистической натурфилософии?.. г. Михайловский, вероятно, знаком с психологическими исследованиями Сеченова. Точку зрения этого ученого когда-то горячо оспаривал Кавелин. Мы боимся, что покойный либерал очень ошибался. Но, может быть, г. Михайловский согласен

¹ И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 362.

с Кавелиным? или может быть ему вообще требуются какие-нибудь другие разъяснения по этой части?»¹

Перед этим, разоблачая крайний эклектизм народничества, Плеханов писал о том, что если г. Михайловскому угодно знать, «как смотрим» мы на отношение наших ощущений к внешним предметам, то мы отошлем его к статье г. Сеченова «Предметная мысль и действительность».

В нашей философской литературе многие авторы, критикуя теорию иероглифов, справедливо указывают на противоположность философских установок Сеченова и Гельмгольца и делают вывод о том, что идейная близость Плеханова к Сеченову якобы не обоснована. Стало общепринятым, что ошибки Плеханова по вопросу чувственного познания восходят целиком и полностью к Гельмгольцу, а у Сеченова якобы не было никаких ошибок в этом отношении. В некоторых работах (Г. Васецкий, «О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», М., 1953, стр. 61) даже утверждается, что Плеханов в корне исказил материалистическую теорию познания Сеченова.

Нам кажется, что такое утверждение не соответствует исторической правде. Уже раньше говорилось, что Плеханов не смог правильно объяснить различие между вещами и их реальными отношениями и тем, какими они нам представляются. Он допустил серьезную философскую ошибку; не смог глубоко усвоить сущность марксистской характеристики познавательного процесса и постепенно делал уступки субъективизму и агностицизму в ряде вопросов теории познания. Своими ошибками в теории познания Плеханов, конечно, давал основательный повод для критики, но это нисколько не давало права махистам и другим идеалистам спекулировать на слабостях Плеханова и пытаться отдельными его ошибками в теории познания опровергать материализм.

В. И. Ленин решительно разоблачил жульнические проделки махистов с ошибками Плеханова и их попытки извратить материалистическую теорию познания. Он в то же время вскрыл ошибки Плеханова. Но, спрашивается, имел ли основание Плеханов ссылаться на Сеченова и были ли у последнего ошибки в вопросах чувст-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 7, стр. 311.

венного познания или же он последовательно стоял в этих вопросах на позициях материалистической теории познания и Плеханов грубо исказил взгляды Сеченова, как об этом говорят отдельные авторы?

Плеханов воспринял сеченовскую терминологию в силу того, что не овладел по-настоящему марксистским диалектическим методом, не смог раскрыть сложности диалектического процесса отражения в субъективных ощущениях, представлениях, понятиях человека объективных предметов, качеств и свойств самой природы. И когда он ссылаясь на Сеченова, то тут он не имел никакого злого умысла, преднамеренного искажения Сеченова.

Многие наши философы утверждают, что Сеченов в отличие от Плеханова, трактовал познавательную деятельность в полном соответствии с марксистской теорией познания и ошибался якобы только терминологически, употреблял вместо термина «образ»—«знак» или «символ». Мы нисколько не умаляем великого значения и роли материалистической физиологии Сеченова в теории отражения. Сеченов, действительно, близко подошел к теории познания диалектического материализма, но он не смог полностью встать на позиции теории отражения и употребление им понятий «знак» или «символ» нельзя считать только терминологической неточностью.

В самом деле, если Сеченов выдвинул идеи, полностью совпадающие с марксистским пониманием основных проблем гносеологии, то Ленину, знавшему труды Сеченова, оставалось бы только их воспроизвести; но, как известно, Ленин не просто воспроизвел идеи Сеченова, а использовал его правильные положения в своей теории отражения и, вообще, не ставил вопрос о непоследовательности Сеченова в учении о чувственном познании. В обстановке идейно-философской борьбы того периода отдельным отклонениям Сеченова от правильной в основном линии не придавали серьезного значения ни сторонники, ни враги марксизма. Отступления же Плеханова от позиции Энгельса надо было вскрыть в связи с критикой русских махистов, которые использовали ошибки Плеханова в борьбе с марксизмом.

Как бы ни были прогрессивны идеи Сеченова, им свойственна определенная историческая ограниченность. В этом мы можем убедиться при анализе ряда его высказываний по гносеологическим проблемам. Он, например,

ставит важный вопрос о том, есть ли сходство впечатлений с внешним миром, существуют ли очертания, краски, свет и тени в действительности или это миражи, созданные нашей нервно-психической организацией, в каких пределах наше сознание является родом зеркала окружающей нас действительности и отвечает, что «такое сходство (т. е. сходство впечатлений с действительностью.— Д. К.) может быть доказано лишь для некоторых сторон зрительных и осязательных впечатлений, именно для *линейных очертаний, распределения и перемещений* предметов в пространстве»¹.

По мнению Сеченова, наши ощущения полностью сходны с фигурой, величиной, движением и распределением предметов в пространстве, с пространственно-геометрическими свойствами тел. Нетрудно понять из этого, что Сеченов считал сходными со свойствами внешнего мира только ощущения первичных качеств. Что же касается ощущений вторичных качеств, то о них он писал, что «здесь отношения между предметом и его признаком, как условным знаком, то же самое, что между предметом и его именем. Будучи раз навсегда приурочено к предмету, имя заменяет собою даже самый предмет»².

Не совпадают полностью с принципами теории отражения диалектического материализма и следующие положения Сеченова, согласно которым *«тождеству чувственных знаков от внешних предметов должно соответствовать тождество реальностей; сходству знаков — сходство реальностей и, наконец, разнице знаков — разница в действительности»*³.

Подобные утверждения Сеченова не так уж чужды локковскому делению качеств на «первичные» и «вторичные», они не вызовут возражения и у сторонников «теории иероглифов». Следовательно, Сеченов не только терминологически, но и по существу признавал, что отношение некоторых видов ощущений к действительности характеризуется «знаком», а не образом. В этом отношении Плеханов несколько не исказил позиции Сеченова, а принял их за должное.

В. И. Ленин не допускал и тени путаницы по этому

¹ И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 344.

² Там же, стр. 352—353.

³ Там же, стр. 329—330.

принципиальному вопросу и показывал, что такая путаница ведет к идеалистическому отрицанию внешнего, объективного мира. Стоит только дать хотя бы намек на то, что между ощущениями и вещами нет сходства, чтобы очутиться в плену агностицизма и идеализма. А это значит подрывать познание, обесценивать это великое орудие человеческой практики. Критикуя Гельмгольца и его последователей в этом вопросе, Ленин писал: «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то... подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны и по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры *таких* знаков или символов»¹.

В. И. Ленин требует видеть в ощущениях и понятиях человека копии действительных вещей и процессов природы, изображения, снимки, зеркальные отображения вещей, образы предметов. Он так категорически отстаивал этот исходный пункт марксистской гносеологии потому, что именно на этот пункт, на эту основу материалистической теории познания напал идеализм, чтобы протащить фидеизм, поповщину.

7. БОРЬБА В. И. ЛЕНИНА С ИДЕАЛИСТИЧЕСКИМ ПОНИМАНИЕМ ИСТИНЫ И КРИТИКА ИМ РЕЛЯТИВИЗМА

Вопрос об истине — это коренной вопрос теории познания, это вопрос о соответствии наших знаний объективному миру.

Идеалистическая философия ложно истолковывает вопрос об истине. Субъективные идеалисты отрицают объективное содержание истины, усматривают критерий истинности или ложности понятий не в практике, а в самом мышлении, в степени его ясности и т. д. Следовательно, идеалисты отрицают объективную истину, не признают и объективного критерия истины — практику.

Основатель одной из разновидностей субъективно-идеалистического направления — конвенционализма Анри Пуанкаре решительно отвергал объективный характер истины.

Для Э. Маха истина — та мысль, которая «экономно

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 222.

описывает действительность», а под действительностью, как об этом говорилось раньше, он понимает не объективный мир, а совокупность ощущений. Таким образом, махисты истину понимают субъективистски. Так же ее понимают и прагматисты. Вильям Джемс в своей книге «Прагматизм» писал: «То, во что для нас лучше верить, истинно». Такой же точки зрения придерживался Джон Дьюи. Для него идеи — это инструменты, с помощью которых мы преодолеваем всякие препятствия на нашем пути. Истина, говорил он, характеризуется полезностью.

Русские махисты в отличие от западноевропейских более тонко маскировали отрицание объективной истины. Так, Богданов считал, что «истина есть идеологическая форма, организующая форма человеческого опыта». В. И. Ленин разяснил ошибку Богданова. Он писал: «Думать, что философский идеализм исчезает от замены сознания индивида сознанием человечества, или опыта одного лица опытом социально-организованным, это все равно, что думать, будто исчезает капитализм от замены одного капиталиста акционерной компанией»¹.

Отрицание объективной истины противоречит здравому смыслу. Это подтверждается тем, что основу диалектико-материалистической теории познания представляет собой теория отражения, которая опирается на два взаимно связанных положения: во-первых, предмет познания существует объективно, во-вторых, объективная действительность есть источник наших ощущений, а ощущения, как известно, являются отражением действительности и единственным источником всех наших знаний. Следовательно, истина — это наши понятия, правильно отражающие объективную реальность, это верное, на данном этапе развития наших знаний, отражение объективного предмета в нашем сознании.

Великий философ древности Аристотель писал: «Надо иметь в виду — не потому ты бел, что мы правильно считаем тебя белым, а (наоборот) — потому, что ты бел, мы, утверждающие это, правы»². Мы, таким образом, правы тогда, когда высказанное нами соответствует действительности. Подобную же мысль утверждал и Ф. Бэ-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 217—218.

² Аристотель. Метафизика, М., 1934, стр. 162.

кон. «Действительность существующего и истинность знания одно и то же, и отличаются между собой не более как прямой луч от отраженного»¹. Еще определеннее писал об этом Л. Фейербах: «Какое противоречие: отделять истину от действительности, действительность от истины!»².

В. И. Ленин называет объективной истиной такое содержание человеческих представлений, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества. Следует подчеркнуть, что истина — это не сама природа, которая существует объективно, то есть независимо от человека и человечества, а наши знания о ней. Сама природа является содержанием истины. Значит, истина по своему характеру, содержанию объективна, произвольна, а по форме отражена она субъективно, она существует в человеческой голове. Еще Гоббс совершенно правильно говорил, что истина — это не свойство вещей, а суждения о них.

Махисты же считали, что наши понятия, знания абсолютно релятивны, они всегда только относительны, условны и никакой правды, никакой частицы и крупинки истины в них нет. Ленин разоблачил такое идеалистическое понимание релятивизма. Он писал: «Да, г. Чернов и товарищи-махисты, в этом и состоит ваша ошибка. Ибо положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание. С точки зрения голого релятивизма можно оправдать всякую софистику, можно признать «условным», умер ли Наполеон 5-го мая 1821 года или не умер, можно простым «удобством» для человека или для человечества объявить допущение рядом с научной идеологией («удобна» в одном отношении) религиозной идеологии (очень «удобной» в другом отношении) и т. д.»³.

¹ Ф Бэкон. Собр. соч., т. I, Спб., 1895, стр. 127.

² Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 188.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 124.

Для релятивиста наука не имеет никакого объективного содержания, а лишь систематизирует постоянно изменяющийся «субъективный опыт».

Человек не может познать действительность сразу, целиком и полностью потому, что эта действительность постоянно развивается, взаимосвязь ее различных сторон бесконечно богата и все время видоизменяется. Человек идет от незнания к знанию, менее полного и глубокого знания к более полному и более глубокому знанию, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Поэтому диалектический материализм считает, что все наши знания неполны, ограничены, относительны — релятивны. Но это не значит, что наши знания абсолютно релятивны, абсолютно относительны и условны. Относительны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины и приближение к ней. Относительны контуры картины, но безусловно то, что она существует объективно. Относительность наших знаний вовсе не опровергает того, что в них есть абсолютное содержание. Критикуя Богданова, Ленин писал: «...можно отрицать элемент относительного в тех или иных человеческих представлениях, не отрицая объективной истины, но нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая существования объективной истины»¹.

Различие между абсолютной и относительной истиной неабсолютно. «...отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»².

Диалектический материализм считает, что наше познание одновременно является относительным и абсолютным, что «абсолютное и относительное, конечное и бесконечное = части, ступени одного и того же мира»³.

Раскрывая диалектический характер процесса познания, В. И. Ленин писал: «Диалектика,— как разъяснял

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 110.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 328.

³ Там же, стр. 81.

еще Гегель, — *включает в себя* момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но *не сводится* к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»¹.

Ленинское положение: диалектика «включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *незнания* к познанию»² — надо понимать в том смысле, что человеческое мышление по природе своей способно давать и дает абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истинности каждого научного положения относительны, они то раздвигаются, то суживаются дальнейшим ростом человеческих знаний.

Идеалисты-релятивисты преувеличивают, абсолютизируют относительный характер наших знаний, рассматривают истину метафизически, борьбу различных мнений в науке пытаются использовать в интересах агностицизма. Так они и поступили, как об этом сказано выше, в начале XX века, когда физика переживала период ломки старых теорий, когда ранее установленные истины в физике уступали место новым, более соответствующим объективной действительности. Эту новую истину махисты, как метафизики, на основе принципа релятивизма истолковали идеалистически.

Диалектический материализм ведет решительную борьбу как против метафизики, так и против субъективно-идеалистического релятивизма. Быть материалистом, писал Ленин, значит признавать объективную истину, а это значит так или иначе признавать абсолютную истину.

Релятивизм — это догматизм наизнанку. Если Энгельсу приходилось бороться прежде всего с догматиче-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 124.

² В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 38.

ским пониманием истины, то Ленину в силу изменившихся исторических обстоятельств пришлось вести борьбу не только против догматизма, но и против релятивизма, который к этому времени стал серьезной опасностью.

Распространение релятивизма в начале XX века имело свои корни не только в естествознании, но и в общественной жизни. Известно, что это был период, когда марксизм победил в рабочем движении, возникали и быстро росли социал-демократические партии. Многие враги марксизма стали перекрашиваться под марксистов и в таком виде выступать с ревизией основных положений марксизма. Заслуга В. И. Ленина именно в том, что он разоблачил таких «марксистов».

8. В. И. ЛЕНИН О КЛАССОВЫХ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ КОРНЯХ ИДЕАЛИЗМА

Большой заслугой В. И. Ленина в развитии марксистской философии и всей науки является раскрытие им гносеологических корней идеализма.

Известно, что корни возникновения и развития материализма лежат в практической деятельности человека, в его связи с объективным миром.

Идеалистическая философия тоже имеет свои корни, причины возникновения. Она возникла на определенной ступени развития человеческого общества, тогда, когда появились частная собственность, классы, государства, когда умственный труд отделился от труда физического.

Философский идеализм по своему происхождению и по своей сущности родствен религии. У них общие идейные истоки и однородные социальные цели. Ленин неоднократно подчеркивал, что идеализм в философии есть только прикрытая, принаряженная поповщина. Представители идеализма ставят веру выше науки или рядом с наукой, всегда сводят свои взгляды к защите или поддержке религии. Маркс отмечал, что идеалисты верят в откровения, в спасителей, чудотворцев.

Идеализм набрасывает покрывало на существующее положение вещей и искажает действительную картину мира и общественных отношений, затемняет сознание трудящихся и служит эксплуататорским классам в качестве духовного порабощения масс.

Возможность идеалистического понимания природы

заложена в самом познании, в некоторых свойствах самого мышления. Ленин говорил, что у идеализма есть гносеологические корни, что он не без почвы, а вырастает на живом дереве познания, имеет свои источники в самом процессе познания. Но идеализм — не здоровый и не нормальный цветок этого дерева, а «пустоцвет», — «...пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»¹.

В каком смысле в самом познании заложена возможность идеалистического представления о мире?

Дело в том, что человек, познавая мир, не ограничивается одним только восприятием реальных вещей посредством органов чувств. Ощущения нам дают представления только об одиночном предмете. Чтобы познать законы природы, нужно перейти от живого созерцания к анализу и к обобщению. И вот как раз в этом моменте заложена возможность отлета, отрыва мысли от действительности.

Но эта возможность еще не есть действительность, она не обязательно должна превратиться в действительность, материалисты ее не превращают, а идеалисты превращают в действительность.

Идеалист обобщает существенные черты многих вещей, явлений, выводит общие понятия, идеи. Затем он рассуждает так. Отдельная вещь есть явление временное, неустойчивое, преходящее; но понятие о ней прочно, бессмертно и оно остается навсегда. В предметах и явлениях якобы важно не их внешнее бытие, а то внутреннее, существенное, что скрывается за внешней оболочкой их существования. А за ней скрывается идея, понятие.

Понятия о вещах составляют их основу, фундамент, их душу, а вещи суть только внешнее проявление понятий и идей. Так идеалист отрывает понятия от своей основы, то есть от внешнего мира. Обобщая единичные явления, он раздувает, преувеличивает момент обобщения, превращает его в абсолют.

Энгельс, характеризуя гносеологические причины господства религии и идеализма в рабовладельческую эпоху, писал: «Перед всеми этими образованиями, которые выступали прежде всего как продукты головы и казались

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 330.

чем-то господствующим над человеческими обществами, более скромные произведения работающей руки отступали на задний план, тем более, что планирующая работа голова уже на очень ранней ступени развития общества (например, уже в первобытной семье) имела возможность заставить чужие руки выполнять намеченную ею работу. Всю заслугу быстрого развития цивилизации стали приписывать голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира»¹.

Правильно говорят, что идеалист похож на человека, который, присвоив себе свойства другого, делает вид, что они — эти свойства — принадлежат ему извечно. Идеалист превращает свойства самой объективной действительности в свойства своего понятия, в свойства своей мысли, своих ощущений. На самом же деле всякое ощущение, понятие, как об этом говорилось выше, есть результат воздействия внешнего мира на наши органы чувств.

В фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин писал: «Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное *überschwengliches* (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, *оторванной* от материи, от природы, обожествленный...

Познание человека не есть (respective не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Пря-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 77.

молинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота voilà [вот] гносеологические корни идеализма»¹.

Возможность появления идеализма в процессе развития познания превращается в действительность лишь в классовом обществе. Господствующие классы все больше и больше отходят от непосредственного участия в процессе материального производства и благодаря господству в экономической и политической области превращают в свою монополию функции управления и руководства, создают специальную группу работников, занимающихся исключительно умственным трудом. В связи с этим, сознание начинает рассматриваться как самостоятельная сила, возвышающаяся над материей и определяющая ее существование. Так появился и утвердился идеализм.

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 330.

ГЛАВА II

БОРЬБА В. И. ЛЕНИНА ПРОТИВ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ

1. КРИТИКА МЕХАНИСТИЧЕСКОГО, ВУЛЬГАРНО- МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ МАТЕРИИ И ЕЕ СВОЙСТВ

Мы уже говорили, что в области теории познания В. И. Ленин боролся на два фронта: против идеализма и механистического, вульгарно-метафизического материализма. Он показал, что не только идеалистическая, но и метафизическая теория познания совершенно не приемлема для рабочего класса, не может научить его ничему хорошему в борьбе за преобразование капитализма в социализм.

В. И. Ленин руководствовался указанием Энгельса о том, что теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности и что эту способность надо развивать, усовершенствовать, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии. Поэтому он сравнительно рано стал интересоваться не только марксистской философией, но изучал и старую философию, как идеалистическую, так и материалистическую.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о Ленине, относящихся к 1893—1894 годам, писала, что Ленин уже тогда выделялся умением возвыситься над механическим, схематическим пониманием Маркса, что он в сибирской ссылке, в селе Шушенском по вечерам читал и Гегеля, и Канта, и французских материалистов. Сам В. И. Ленин в одном из писем А. Н. Потресову от 27 апреля 1899 года сообщал, что изучает Гольбаха, Гельвеция и собирается перейти к Канту. Особенно большое внимание Ленин уделял домарксовскому материализму.

Можно сказать, что В. И. Ленин вплоть до последней своей философской статьи «О значении воинствующего материализма» (1922 г.) всегда интересовался домарксовским материализмом, вскрывал его недостатки, ограниченность. Он считал, что в идеологическом воспитании кадров, в развитии теоретического мышления первостепенное значение имеет материалистическое освещение истории философии. Ленин всегда стремился не только отстоять чистоту и целостность марксистской теории, но и защищал диалектический материализм от идеализма, вульгарного эволюционизма и других буржуазных философских течений.

Чтобы представить себе великую роль Ленина в дальнейшем развитии материалистической теории отражения, то, что он внес нового в нее по сравнению со всеми материалистами домарковского периода, напомним в общих чертах решение основного вопроса философии старыми материалистами. Такое сравнение мы начнем опять, как и в первой главе, с разбора ленинского понимания основной философской категории — материи.

Известно, что в домарковском материализме и естествознании XVII—XIX веков (кроме русских революционных демократов XIX века) материя как философская категория отождествлялась с понятием вещества, массы, атома.

В метафизическом представлении о строении и свойствах материи можно отметить четыре основных недостатка: 1) материя наделялась абсолютными, неизменными первоначальными свойствами (непроницаемость, инертность, постоянство массы), она отождествлялась с количеством вещества от движения; 2) свойства и строение материи в области микромира рассматривались как универсальные, они распространялись и на микромир, на атомы. Атом определялся как мельчайшее неделимое инертное физическое тело, механический шарик, обладающий постоянной массой — атомным весом, определенными границами, свойством непроницаемости и пр. Качественное различие между макро- и микроявлениями сводилось лишь к количественным различиям; 3) материя считалась состоящей из тождественных мельчайших частиц; 4) вещество и свет противопоставлялись друг другу. Материя отождествлялась с веществом, а свет рассматривался как вид энергии, не обладающей массой.

Эпоха империализма привела к ломке старых представлений о строении материи и ее свойствах. Ходом развития естественных наук в центр внимания ученых был поставлен вопрос о материи и ее свойствах.

Но буржуазные ученые в силу своей метафизичности и других причин, как об этом уже говорилось, не поняли или не хотели понять диалектического характера развития материи. Ленин, анализируя «новейшую революцию в естествознании», показал, что новые открытия физики опровергают метафизические и механистические взгляды на материю и подтверждают диалектический материализм, ибо «разрушимость атома, неисчерпываемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма».

Махисты, чтобы подорвать диалектический материализм, утверждали, что материализм игнорирует развитие естествознания, не считается с новейшими достижениями его. Ленин разоблачил подобные рассуждения махистов и всесторонне показал соотношение материи как философской категории и физических учений о строении и свойствах материи. Он прекрасно понимал, что философское понятие материи связано с учением естественных наук о свойствах и строении материи, что отождествление учения естествознания о строении и свойствах материи с понятием материи как философской категории ведет к отрицанию основного положения материализма и неизбежно приводит к идеализму.

В. И. Ленин категорически предупреждал, что совершенно не позволительно смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией, смешивать вопрос о новых свойствах, новых видах материи (например, электронов) со старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины.

Материя моногенна (едина), но в то же время она гетерогенна (многокачественна). В естественнонаучном отношении она не может быть сведена к одной лишь философской категории. Отсюда, кроме философского определения материи, нужно давать и естественнонаучный анализ форм ее существования (биологической, физиологической и т. д.). Без теоретических обобщений этого сделать нельзя, но это не будет вторым определением

материи, а определением физической, химической, биологической и т. д. ее структуры. Такой анализ структуры материи дают естественные науки. А задача философии — правильно обобщать естественнонаучные достижения. Так именно и подошел В. И. Ленин к определению понятия материи.

Ленинское определение материи есть абсолютная истина, добытая на основе многолетнего опыта науки, техники, истории и философии. Мы говорим «ленинское определение материи» потому, что никто до него, а также и после него не дал такой глубокой, всесторонней разработки вопроса о материи.

Некоторые философы в свое время утверждали, что В. И. Ленин якобы установил два понятия материи — философское и физическое.

Подобное утверждение искажает подлинно марксистско-ленинское понятие материи. Есть категорические указания Ленина о том, что нельзя отождествлять философское понятие материи с понятиями о структуре и свойствах материи, но в то же время нельзя и отрывать их друг от друга. Отрыв философского понятия материи от учения естественных наук о свойствах и строении материи может привести к неправильному выводу о том, что философия якобы имеет свою материю, как предмет исследования, а естественные науки — тоже свою, другую материю. Ленин как раз и предупреждал против такого неправильного вывода.

Материя вечно движется и развивается. Последнего не поняли различного рода метафизики. Они не отрицали объективности материи и многих ее свойств (движение, пространство, время), но не видели действительной связи материи с ее свойствами, рассматривали ее вне развития.

В. И. Ленин показал, что все явления, предметы и вещи материального мира находятся в состоянии вечного закономерного процесса движения, изменения и развития, что развитие есть имманентное свойство материи. Новые данные естествознания подтверждают положение диалектического материализма о непрерывном процессе развития. Это поступательный процесс изменения от простого к сложному, от низшего к высшему. Развитие есть скачкообразный и противоречивый процесс.

В статье «Карл Маркс» он писал: «Развитие, как бы

повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии;— развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное;—«перерывы постепенности»; превращение количества в качество;—внутренние импульсы к развитию...»¹

В фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин, говоря о двух концепциях развития, подчеркивает коренную противоположность между диалектикой и метафизикой, показывает, что метафизическая концепция не научна, что при ней «остаётся в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог)». Метафизическая концепция развития «мертва, бледна, суха». Диалектическая же концепция развития главное свое внимание устремляет именно на познание источника «самодвижения», она — жизненна. Только она даёт ключ к пониманию самодвижения мира, скачков, перерыву постепенности, борьбы противоположностей, уничтожения старого и возникновения нового.

Основная беда метафизического материализма в том, что он не умеет применить диалектику к теории отражения, к теории познания.

Принцип диалектического процесса развития Ленин блестяще применил к анализу материи и её свойств (движения, пространства, времени и др.).

Диалектический материализм, писал Ленин, не только считает движение неразрывным свойством материи, но и отвергает упрощённый взгляд на движение. Диалектический материализм исходит из признания существования вне нашего сознания вечно движущейся и вечно изменяющейся материи, настаивает на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое. Эти положения Ленина блестяще подтверждаются современной физикой в области внутриатомного строения, открытием изменчивости массы электрона, открытием законов взаимосвязи массы и энергии. Современная физика говорит об относительности пространства и времени, о зависимости их от характера самих физических масс, от особенностей

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 38.

их движения. Но как бы ни изменялись наши конкретные представления о пространстве и времени, неопровержимо то, что пространство и время существуют объективно, как и сама материя — их носитель. Человеческие представления о пространстве и времени относительны. Но изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени не опровергает объективной реальности того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира.

В. И. Ленин вел борьбу с метафизическим, вульгарным материализмом и по вопросу о сознании как свойстве высоко, особым образом организованной материи — мозга. Как уже говорилось, материалисты XVII—XVIII веков смутно догадывались о развитии самой материи. Они, как правило, считали материю неподвижной и пассивной, неспособной к движению без внешнего толчка. Развитие обычно ими рассматривалось лишь как чисто количественный рост и простое повторение старого. Они отождествляли новое со старым, не видели новых качественных изменений в предметах и явлениях действительности, отрицали объективный характер качеств материи.

Именно поэтому они не смогли решить вопрос о происхождении ощущающей и мыслящей материи — мозга. У них были только некоторые догадки на сей счет. Так, Спиноза считал мышление таким же атрибутом субстанции (материи), каким и протяженность (пространство). Мышление, по его мнению, всегда существовало и всегда было присуще материи. Для своего времени взгляды Спинозы на мышление были материалистическими и прогрессивными потому, что в объяснении происхождения мыслящих существ он не обращался к услугам религии, но они были метафизическими, антидиалектическими.

Догадки о происхождении ощущающей материи из неощущающей были и у французских материалистов, особенно у Дидро, который говорил, что способность ощущения и сознания вообще возникает из инертной материи, то есть из неорганической природы.

Точка зрения французских материалистов по вопросу о сознании была гилозоической, но она сыграла известную роль в критике субъективного идеализма, солипсизма Беркли. Берклианское «Я», говорил Дидро, — это

сумасшедшее фортепьяно, которое вообразило, что вся гармония мира происходит только в нем. Французские материалисты нисколько не сомневались в том, что сознание есть свойство материи и что в нем нет ничего потустороннего, сверхестественного, божественного.

Сознание, не раз подчеркивал Ленин, свойственно не всякой форме материи, оно — функция мозга, продукт особым образом высокоорганизованной материи. Ленин писал: «...мысль, сознание, ощущение, — продукт очень высокого развития (материи. — Д. К.). Такова материалистическая теория познания, на которой стихийно стоит естествознание»¹.

Авенариус же говорил, что мысль не является продуктом нервной системы, продуктом мозга, как материального органа, объявил утверждение естествознания (о том, что мысль — это свойство мозга) недопустимой «интроекцией», то есть произвольным вкладыванием мыслей в мозг. Ленин, разоблачая Авенариуса, писал, что учение «об интроекции» протаскивает идеалистический вздор.

В ясно выраженной форме ощущение, а тем более сознание, связано только с органической материей. В неорганической же материи можно лишь предполагать существование свойства, сходного с ощущением — свойства отражения.

«...В фундаменте самого здания материи», — писал Ленин, — можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением»². «Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...»³ Эта мысль, впервые высказанная Лениным, представляет огромный вклад в теорию познания диалектического материализма. Она указывает на неразрывное единство органической и неорганической материи, на то, что ощущающая материя произошла из неощущающей, неорганической материи. Эта мысль является конкретизацией и дальнейшим развитием известного положения Энгельса о том, что в природе материи с необходимостью заключена возможность возникновения и развития мысля-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 63.

² Там же, стр. 34.

³ Там же, стр. 81.

щих существ там и тогда, где и когда имеются для этого благоприятные условия.

Ленинское учение о том, что вся материя обладает общим свойством — отражением, блестяще опровергает метафизические утверждения о какой-то непроходимой пропасти между неорганической и органической материей, оно указывает на то, что между ощущающей и неощущающей материей существуют не только качественные различия, но в то же время между ними есть и нечто общее. Ощущающая материя возникла из неощущающей, то есть из неорганической природы, органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития его. Сознание не всегда существовало, а возникло только на высшей ступени развития материи. Оно присуще не всем материальным телам, как это утверждали гилозонисты, а только особым образом организованному — мозгу.

Известно, что в происхождении сознания как специфического свойства материи и его дальнейшем развитии, усовершенствовании ведущую роль играет труд.

Вопрос о возникновении ощущающей материи из неощущающей был и остается одним из актуальных в истории науки. Вокруг него в конце XIX и начале XX века с особой силой развернулась борьба между материализмом и идеализмом. Мах объявил его в основе своей ложным, так как он считал первичным не материю, а элементы (то есть ощущения). Но в то же время Мах утверждал, что ощущения связаны только с органической материей. Ленин писал, что Мах, говоря подобную нелепость, как бы ставит в вину материализму нерешенность вопроса о том, откуда возникает ощущение. Разве какая-нибудь другая философская точка зрения решает вопрос, для решения которого собрано еще недостаточно данных? «...На деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям. Махизм, т. е. разновидность путаного идеализма, засоряет вопрос и отводит в сторо-

ну от правильного пути посредством пустого словесного выверта: «элемент»¹.

С тех пор как Ленин обосновал эти положения в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм», прошло более 50 лет. За это время естественные науки накопили огромный фактический материал, который позволяет научно решить поставленный Лениным вопрос о возникновении органической материи из неорганической. Особенно большую роль сыграли в этом отношении исследования советских ученых Павлова, Опарина, Мичурина, Баха и др.

Изучая вопрос о происхождении белковых веществ, простейших живых организмов в естественных природных условиях из неживого органического материала, академик А. И. Опарин экспериментально доказал, что появлению белковых тел предшествовал ряд этапов развития неорганической материи в виде простейших углеродистых соединений, например, карбидов. Для образования таких соединений были необходимы определенные условия — тепло, свет, влага и т. п.

Академик А. И. Опарин полагает, что в первый период существования земли ее атмосфера была богата водяными парами. При взаимодействии с ними карбидов (основной массы, содержащей углерод) произошло образование на земле углеводов. При дальнейшем взаимодействии их с влагой, на следующем этапе, происходило усложнение углеводов, а во взаимодействии с кислородом и аммиаком образовались еще более сложные вещества.

Таким образом, сформировался материал, из которого построены все живые организмы. Но это был только материал для построения живых существ. Ему недоставало основного свойства живого организма, которое обеспечивает ему самосохранение, рост и развитие, то есть обмена веществ. Как же возникло такое свойство? Изучая этот вопрос, советские ученые установили, что переход от физико-химических процессов к биологическим, живым связан с образованием так называемых коацерватов, которые обладают способностью поглощать из окружающей водной среды растворенные в ней вещества и за этот счет расти.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 34.

Большая роль в решении проблемы происхождения жизни принадлежит трудам советских ученых. Как известно, продолжительное время в биологии господствовало мнение, что все живые тела построены из клеток, что клетка является изначальной, первичной формой живого вещества. Существование доклеточного вещества категорически отрицалось. Советские биологи доказали, что наряду с белковым веществом, находящимся в организме в виде клеток, существует и неклеточное живое белковое вещество, что живой белок создается в организме из веществ, поступающих извне, при помощи катализаторов — ферментов, которые представляют собой белковые вещества, соединенные с металлами.

Следует отметить, что первородный живой белок образовался из неживых органических веществ, также при помощи катализаторов, которые не были ферментами.

Итак, современная биология учит, что происхождению жизни на земле предшествовало длительное развитие неорганической и органической материи.

Развивая дальше материалистическое учение о сознании как функции мозга, Ленин вел борьбу и против вульгарных материалистов, теории которых в корне противоречат диалектическому материализму. Представители вульгарного материализма Лерде, Кабанис, Бюхнер, Фогт и Мошотт — разносчики дешевого материализма — отождествляли мышление с материей, с веществом мозга, идеальное с материальным. Они сводили мышление к простым химико-физическим явлениям в мозгу, признавали единственной реальностью материю и утверждали, что и мышление есть род материи, вещество или обычное физиологическое отправление организма.

Вульгарные материалисты не в состоянии объяснить взаимоотношения между мозгом и мышлением. Бюхнер, Фогт и Мошотт заимствовали идеи Кабаниса, который рассматривал мозг как простой механизм, вырабатывающий мысли, выводил мышление из физико-химических состояний мозгового вещества, совершенствования мышления ставит в прямую зависимость от питания. Мошотт в своей книге «Физиологические эскизы» утверждал, что мысль есть движение, превращение мозгового вещества в «нервный ток». Фогт в своих «Физиологических письмах» «доказывал», что мысль находится почти

в таком же отношении к головному мозгу, как желчь к печени или моча к почкам. Бюхнер в своей книге «Сила и материя» сводил мышление к физико-химическому движению в мозгу.

Точка зрения вульгарных материалистов о том, что сознание материально, давала возможность, повод религии и идеализму рассуждать, что сознание якобы существует независимо от тела. Она была шагом назад не только по сравнению с диалектическим материализмом, но с французским материализмом XVIII века. Для вульгарных материалистов характерны абсолютное игнорирование диалектики, отрицание активной роли сознания, защита механистического взгляда на законы движения, идеализм в понимании общественных явлений.

Один из кантианцев, Фридрих Паульсен, презрительно ругавший Бюхнера, опровергая упрощенную теорию вульгарных материалистов, уверял, что он опроверг философский материализм вообще. По этому поводу Ленин заметил, что он (то есть Паульсен) опровергает не материализм, а лишь некоторые доводы некоторых материалистов, то есть вульгарных материалистов.

Марксистский философский материализм признает единство материи и сознания, выводит сознание из материи, но вместе с этим отмечает различие между ними, не отождествляет их. Мысль, как и материя, существует в действительности, но между ними есть различия. Как явление материального мира, «мышление есть то же движение», но оно есть особая форма движения и его нельзя объяснить законами химического или физического движения.

«Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и физическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?», — указывал Энгельс. Конечно, нет. Диалектический материализм учит, что мышление как свойство материи не сводится к тем физиологическим процессам, которые совершаются в органах чувств и в мозгу человека, оно есть новое свойство материи. Мышление качественно отлично от физических и от чисто физиологических процессов, оно — психологическое явление.

Одна из новых отраслей науки — учение об электри-

ческих токах головного мозга — подтверждает это положение. Исследования электротоков мозга человека показывают, что в нем происходит регулярный ритм с частотой 10 колебаний в секунду (10 герц)¹, так называемые волны альфа, что регулярные электрические колебания мозга наблюдаются почти у всех здоровых людей. Когда человек решает в уме задачу, то регулярные волны исчезают и вместо них появляются быстрые колебания. При напряженной умственной работе частота волн доходит до тысячи колебаний в секунду. Быстрые колебания продолжаются все время, пока человек решает задачу, а затем возвращаются регулярные волны альфа. Электрические колебания в мозгу дают возможность объективного физиологического исследования деятельности центральной нервной системы, однако они не исчерпывают сущности мыслительной деятельности.

Мышление отличается от всех других свойств материи, оно не телесно, не вещественно, хотя и порождается телесным органом — мозгом. Наше сознание есть нечто иное, оно — особое свойство материи отражать внешний мир.

В. И. Ленин боролся против тех, кто отступал от всех этих верных положений марксизма, против всех тех, кто искажал их. Когда Иосиф Дицген в своей работе «Сущность головной работы» утверждал, что и нечувственное представление чувственно, материально, то есть действительно, что дух не больше отличается от стола, света, звука, чем эти вещи отличаются друг от друга, то Ленин заметил: «Тут явная неверность. Что и мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом»².

Вульгарно-метафизическое понимание сознания вытекает из основного положения механического материализма — сведения качественно различных друг от друга форм материй к одной, простейшей механической форме, то есть к механическому движению. Вульгарный материализм не понимает качественного своеобразия челове-

¹ Герц — единица измерения частоты колебаний, один герц равен одному колебанию в секунду.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 231.

ческого сознания, не понимает того, что сознание есть продукт общественной жизни.

Таким образом, вульгарные материалисты в отличие от идеалистов приходят к отождествлению сознания и материи с другого конца.

В. И. Ленин, критикуя вульгарный материализм Богданова и К⁰ в социологии, показал и классическое применение онтологической стороны вопроса о сознании. Он писал: «Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю) независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) его отражение»¹.

Ленинская критика отождествления сознания и материи нисколько не означает диаметрального противопоставления их. Диалектический материализм не признает непроходимой грани, пропасти между материей и сознанием, не абсолютизирует противоположность между ними.

Вопрос о сознании имеет две стороны — онтологическую и гносеологическую. С онтологической стороны сознание есть определенное реальное явление действительности, является оно продуктом высшей нервной деятельности, этой идеальной стороны природы, особое свойство особой материи — мозга, форма бытия, но не материя. С гносеологической стороны сознание есть отражение внешнего мира, копия, снимок с действительности. Другими словами, рассматривая вопрос о сознании с онтологической стороны, нельзя сводить ее к материи, к материальному. Если же рассматривать этот вопрос с гносеологической стороны, то здесь уже выступает известная противоположность материи и сознания.

Диалектический материализм признает противоположность между материей и сознанием только при решении основного вопроса философии. За пределами этого вопроса подобный процесс будет иметь лишь относительный характер. Ленин это хорошо показал в третьей гла-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 312.

ве «Материализма и эмпириокритицизма». Он писал: «Конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»¹.

Таким образом, абсолютное противопоставление сознания материи имеет решающее значение только при определении различных направлений в философии, оно диктуется необходимостью строгого различения объективного мира от его субъективного образа. Во всех остальных отношениях такая противоположность — не абсолютна, ибо «различие материи от духа относительно, не чрезмерно».

Поэтому Ленин часто повторял: «...во всем надо соблюдать меру, правильная мысль становится неправильной, если мы эту меру перейдем». В своей книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин писал: «Самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»².

Будучи идеальной стороной природы, вторичным по отношению к материи, производным от материи, сознание имеет относительную самостоятельность, оно не пассивно относится к своему источнику, а активно воздействует, влияет на него. Оно может или ускорять, или замедлять развитие материальных условий общественной жизни. Это зависит от характера (прогрессивности или реакционности) общественного сознания. Разумеется, что прогрессивные мысли и идеи играют положительную роль в развитии общества, а реакционные тормозят развитие общественной жизни.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 134—135.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 44.

Вульгарный материализм отрицал значение сознания, его воздействия на материальную сторону. Преобладание экономических отношений над идеологическими неоспоримо, говорил Энгельс, «...оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем политическом и т. п. одеянии) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками»¹.

Еще в 1848 году Маркс писал: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»².

Именно в этом смысле Ленин считал сплошным вздором утверждения махистов о меньшей реальности сознания сравнительно с физическими явлениями. Ленин опирался на указания Маркса и Энгельса об обратном, активном влиянии сознания на материальные условия, глубоко и всесторонне разработал этот вопрос. Дело в том, что Марксу и Энгельсу приходилось придавать большое значение экономической стороне, поскольку в этот период враги марксизма, всякого рода идеалисты, отрицали первичность экономического фактора, выдвигали на первый план идейные мотивы. И только к концу жизни Энгельса появилась опасность ревизионистского истолкования марксизма в духе вульгарного материализма, в духе отрицания роли сознания, идей в развитии общества. Поэтому Энгельс в своих письмах об историческом материализме в 1890 годах писал: «Маркс и я виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения (исторического мате-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., 1947, стр. 430.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 392.

риализма.— Д. К.), дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов»; ведь благодаря этому также возникла удивительная путаница...»¹

Вульгарно-материалистическое истолкование роли общественного сознания в рабочем движении привело ревизионистов, «экономистов» к преклонению перед стихийностью в рабочем движении, к отказу от борьбы с буржуазной идеологией, что, конечно, было серьезной опасностью для революционного рабочего движения.

Создавая партию нового типа, надо было идейно разгромить «экономистов», ревизионистов, отрицавших значение общественного сознания, разоблачать их, как проводников буржуазного влияния на рабочий класс. Надо было разработать идеологические основы марксистской партии рабочего класса. Эти задачи, как известно, блестяще решил Ленин в ряде своих работ, особенно в «Что делать?», где он всесторонне разработал вопрос о роли социалистического сознания в рабочем движении, о роли передовых идей в развитии общества.

Ленин блестяще обосновал коренные марксистские положения о том, что общественное бытие определяет собой общественное сознание, что идеальное, овладевая массами через многообразные формы действия, становится великой материальной силой, способной не только отражать мир, но и творить его.

Следует отметить, что за последнее время в нашей печати появились статьи о материи и сознании, авторы которых, к сожалению, забыли или не хотят вспомнить ленинские указания и совершают серьезные ошибки на сей счет. В этих статьях делаются попытки истолковать сознание в духе вульгарного материализма. Мы считаем, что М. П. Лебедев дал справедливую оценку этим попыткам, показал единственно правильное понимание марксистско-ленинского учения о материи и сознании в своей статье на эту тему в журнале «Вопросы философии» № 6 за 1956 год.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 424.

2. В. И. ЛЕНИН О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ, ЕДИНСТВЕ ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ В МАРКСИЗМЕ

Вопрос о научном методе и путях познания материального мира не в состоянии были решить не только идеалисты, но и старые материалисты потому, что они были механистами и метафизиками.

Характеризуя домарксистский философский материализм, Ленин в статье «Карл Маркс» отмечал, что «Основным недостатком «старого», в том числе и феербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда, когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности»¹.

Следует отметить, что в отличие от старых материалистов Западной Европы, русские материалисты XIX века Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов и другие ближе подошли к научной теории познания; они шли по пути соединения материалистической теории с диалектическим методом, рассматривали сознание как продукт исторического развития материи. Герцен в своих «Письмах об изучении природы» указывал, что мозг — это орудие познания природы. Русские материалисты резко выступали против вульгарного отождествления мышления с материей. Характерным для них было то, что они, наряду с признанием материальности мира, признавали качественное разнообразие форм материи и ее развития. Природу, с их точки зрения, можно познать только в развитии, в изменении ее форм. Они подвергли

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 36.

критике односторонность рационализма и эмпиризма, которая была одним из существенных недостатков во всей домарксистской философии.

Все старые материалисты были идеологами эксплуататорских классов, мыслителями, оторванными от масс, от жизни, общественной практики, стремились увековечить существующий строй. В силу этого они не смогли создать научную теорию познания. Основная беда их была в том, что они не смогли применить диалектику к теории, к процессу познания, а без нее, разумеется, невозможно создать подлинно научную теорию познания. Именно поэтому Ленин придавал исключительно огромное значение разработке диалектики и развивал ее сам как философскую науку марксизма, как теорию познания. Именно поэтому он в борьбе против вульгарного метафизического материализма в области теории познания выдвинул прежде всего материалистическую диалектику и рассматривал познание как диалектический процесс. Вот с этого вопроса и начнем разбор борьбы Ленина против гносеологии вульгарно-метафизического механического материализма.

Ленин в «Философских тетрадах» особо подчеркивает, что мысль не должна представлять собой истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины без стремления, без движения, ибо подобного рода понятия, — говорил он, — «субъективны в своей абстрактности, оторванности».

В той же работе Ленин указывает, что «познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту, что отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их».

Необходимо отметить, что Ленин вслед за Марксом и Энгельсом большое внимание придавал критике идеалистической диалектики Гегеля, но вместе с этим он подходил к Гегелю не односторонне. Резко критикуя его идеализм, Ленин в то же время призывал сохранить «великую гегелевскую диалектику». Он обращал внимание на сильную сторону гегелевской диалектики, идею развития, отмечал ее связь с теорией познания материализма. В статье «Карл Маркс» Ленин специально подчеркивал значение гегелевской диалектики для теории по-

знания. В «Философских тетрадах» он заметил, что старается читать Гегеля материалистически.

В ленинских выписках, конспектах и заметках из книг Гегеля и по поводу их дано глубокое, всестороннее определение диалектики, как единственно научного, гибкого, универсального метода познания действительности. Высказывания Ленина о диалектике направлены против всех механических, метафизических и других антинаучных представлений о законах познания природы и общества.

Они имеют не только познавательное значение, но и направлены на защиту и сохранение прогрессивного наследия человечества, что очень важно для строительства и развития нового в жизни, особенно для строительства коммунистического общества и воспитания трудящихся в духе передовой коммунистической идеологии. При оценке прошлого, говорил он, надо иметь в виду, что «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»¹.

Развивая диалектику как единственно научный инструмент познания и революционного преобразования мира, противопоставляя ее метафизике, Ленин опирался на положения Маркса и Энгельса, но вместе с этим он сделал огромный шаг вперед; внес научный вклад в разработку диалектики, сформулировал 16 знаменитых элементов диалектики, составляющих суть основных законов и категорий диалектического материализма, составной частью которого, как известно, является теория познания. Следовательно, 16 элементов диалектики имеют прямое отношение к теории познания диалектического материализма.

Мы не претендуем здесь на подробное исследование этих категорий. Эта тема чрезвычайно обширная, и изучение ее является благородной задачей всех работников философского фронта. ЦК КПСС неустанно направляет наших философов на глубокое исследование

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 197.

ленинского философского наследия, в том числе и изучение 16 элементов диалектики. В этом направлении много сделано общими усилиями наших философов, особенно за последние годы.

Ленин развил положения Маркса и Энгельса о взаимосвязи и взаимозависимости явлений природы и общества, подчеркнул, что диалектика не ограничивается признанием этих явлений, она требует от исследователя вскрыть объективную связь внутри самих вещей, предметов и процессов, найти в них существенную зависимость, познать их сущность, раскрыть их качественную определенность.

Известно, что из закона диалектики о взаимосвязи и взаимозависимости явлений мира вытекает требование конкретно-исторического подхода к явлениям действительности, то есть всестороннего учета и анализа условий, места и времени, на чем постоянно настаивал Ленин.

Далее. Ленин большое внимание уделял развитию и движению. Эти категории диалектики он также связывал с процессом познания человеком окружающего мира как бесконечного процесса углубления, проникновения человека в сущность вещей: «От явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности».

В. И. Ленин постоянно подчеркивал необходимость брать явления мира с точки зрения возникновения, развития и отмирания.

Можно сослаться еще на те пункты (4—7) 16 элементов, где говорится о сути, о ядре диалектики, о законе единства и борьбы противоположностей. На примере этого закона диалектики особенно хорошо подтверждается применимость диалектики к теории познания, их единство в диалектическом материализме. В. И. Ленин подчеркивал, что закон единства и борьбы противоположностей есть не только главный закон развития объективного мира, но и главный закон человеческого познания.

Маркс и Энгельс указывали, что диалектика познания выражает стремление человека познать абсолютную истину, которая познается не сразу, а путем исторического развития, в ходе которого фантастическая сторона познания шаг за шагом уступает место научному, достоверному знанию. Развивая эти положения, Ленин показал, что процессу человеческого познания свойственны противоречия: борьба материализма и идеализма, диа-

лектики и метафизики, науки и религии в классовом обществе, противоречия в самом процессе познания.

Когда мы говорим о противоречивом процессе познания, то надо иметь в виду, что само достоверное научное знание относительно и ограничено на каждой ступени развития науки и философии, но оно стремится стать более полным, абсолютным. Это противоречие толкает человеческое познание вперед и обогащает наши знания о законах объективного мира, приближает нас к абсолютной истине.

Ленинская разработка диалектики, его указания о двух концепциях развития, противопоставление диалектической концепции развития метафизической имеют огромное познавательное значение и составляют дальнейший шаг в развитии теории познания диалектического материализма. В этом отношении особого внимания заслуживают работы Ленина: «Карл Маркс», «К вопросу о диалектике», «Еще раз о профсоюзах» и др.

В фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин писал: «Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная беда коего есть неумение применить диалектики к *Bildertheorie* [теория отражения], к процессу и развитию познания»¹.

Эти положения Ленина имеют огромное значение для борьбы с догматизмом и абсолютным релятивизмом.

Всю свою жизнь Ленин боролся против различных врагов марксизма, и в этой борьбе он опирался на диалектический материализм, развивая его дальше в соответствии с требованиями своей эпохи.

В. И. Ленин блестяще применил диалектику к процессу познания объективной реальности. Он постоянно напоминал, что подлинно научное познание не может быть догматическим, метафизическим, оно по своему характеру обязательно должно быть диалектическим, то есть согласовываться с изменяющейся и развивающейся окружающей действительностью.

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 330.

В общей системе марксистской философии нет и не может быть какой-то особой теории познания, отделенной от материалистической диалектики.

Известно, что теория познания диалектического материализма исходит из единства законов развития объективного мира и познания. Сознание развивается по тем же общим законам, что и объективный мир.

«Логика,— писал Ленин,— есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука=«логическая идея») и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы. Тут *действительно*, объективно *три* члена: 1) природа; 2) познание человека, = *м о з г* человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc. Человек не может охватить=отразить=отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»¹.

Теория познания диалектического материализма рассматривает процесс познания как единый диалектический процесс, как тождество диалектики, логики и теории познания. Классики марксизма всегда выступали против разрыва законов объективного мира и познания.

Энгельс писал: «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей,...»². Это не значит, что законы объективного мира и познания тождественны, наоборот, Энгельс и Ленин всегда подчеркивали, что отражение внешнего мира в сознании, то есть субъективное не тождественно отображаемому, то есть объективному.

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 156—157.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 168.

«Законы логики,— писал Ленин,— суть отражения объективного в субъективном сознании человека»¹.

В. И. Ленин отмечал, что «всему познанию человека вообще свойственна диалектика», что диалектика и есть теория познания, что это одно и то же и тут трех слов не надо. Диалектика «включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию»².

В. И. Ленин подверг резкой критике Плеханова за непонимание последним этой важной марксистской истины. Он писал: «Диалектика *и есть* теория познания... марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»³.

Включает ли в себя диалектика все проблемы теории познания? Можно сказать и да, и нет. Да, в том смысле, что ни одна проблема теории познания не может быть решена правильно без диалектики. Нет, в том смысле, что основой теории познания марксизма является не только тезис диалектики о сложном противоречивом характере развития человеческого познания, но и материалистический тезис о существовании внешнего мира и его отражении в человеческой голове.

Следовательно, ленинское учение о том, что диалектика включает в себя и теорию познания, надо понимать не упрощенно, а в более глубоком, подлинно диалектическом смысле, как указание на то, что диалектика пронизывает собой всю теорию познания марксизма, что любая гносеологическая проблема относится не только к материализму, но и к диалектике, что теория познания диалектического материализма есть одновременно и материалистическая, и диалектическая. В этом и состоит сущность взаимосвязи диалектики и теории познания в философии марксизма.

Критикуя метафизическое понимание познания, Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал: «В теории познания, как и во всех других областях науки, сле-

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 158.

² В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 38.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 360.

дует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹.

Выступая против Плеханова, изображавшего диалектику как сумму примеров, применявшего ее лишь к отдельным явлениям и фактам реальной действительности и не понявшего, что диалектика — это единственно научный всеобщий метод, рассматривающий законы объективного мира и человеческого познания, Ленин подчеркивал единство именно материалистической диалектики и материализма. Плеханов же не уяснил того, что диалектика и есть теория познания. Это мешало Плеханову вести действенную, принципиально последовательную борьбу против идеализма. «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще), писал Ленин,— более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения...»².

В. И. Ленин блестяще применил диалектику к теории познания в борьбе против метафизической односторонности, сенсуализма, различных оттенков эмпиризма. Как известно, процесс познания происходит на основе общественно-исторической практики и состоит из двух основных ступеней или моментов: эмпирического и рационального. Домарксовские философы часто рассматривали эти моменты познания односторонне, метафизически, отрывали их друг от друга, противопоставляли друг другу. Надо отметить, что общее между эмпиризмом и рационализмом то, что они познание трактуют отвлеченно, в отрыве от реального процесса, эволюции познания. Они не решают, да и не ставят вопроса, как в действительности завоевывается знание в человеческом обществе. Вместо этого они рассуждают о том, как система познания построена чисто умозрительно.

Известно, что рациональное познание не может протекать без чувственного познания. Прежде чем мыслить, нужно получить факты, материалы из окружающей действительности.

И. М. Сеченов писал: «...отрывать разум от органов

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 91.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 154.

чувств — значит отрывать явление от источника, последствие от причины. Мир действительно существует помимо человека и живет самобытной жизнью, но познание его человеком помимо органов чувств невозможно, потому что продукты деятельности органов чувств суть источники всей психической жизни»¹.

Несостоятельность эмпиризма, сторонниками которого были метафизические материалисты — Бэкон, Гоббс, Локк и многие другие, также очевидна. Они игнорировали роль рационального момента, разума, абстракции и обобщений в процессе познания. Академик И. П. Павлов, обращаясь к молодежи, писал: «Изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настоячиво ищите законы, ими управляющие»².

Жизнь так богата и многогранна, что не стоит большого труда набрать по любому вопросу сколько угодно положительных или отрицательных фактов или примеров. Но если они взяты произвольно, вне связи и взаимозависимости, то останутся лишь сырьем, которое способно привести к ошибочным выводам. Ленин в статье «Статистика и социология» замечает, что «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого... Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»³.

«Факт,— писал А. М. Горький,— еще не вся правда, он — только сырье... Нельзя жарить курицу вместе с перьями, а преклонение перед фактом ведет именно к тому, что у нас смешивают случайное и несущественное с коренным и типическим. Нужно уметь извлекать из факта смысл». И вот в этом нам помогает мышление.

¹ И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 286.

² «Под знаменем марксизма», № 2-3, 1936, стр. 37.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 266.

Говоря о порочности эмпиризма и рационализма, о том, что их теория познания в своей основе была идеалистической, хоть многие из них и были материалистами, нельзя забывать, что у метафизических материалистов были и положительные стороны. Но, отмечая их известные заслуги, Ленин критиковал их за отрыв, противопоставление двух моментов единого процесса познания — чувственного и рационального, за непонимание ими роли общественно-исторической практики в процессе познания.

Процесс познания — диалектическое единство чувственного и рационального моментов. Ленин особо подчеркнул исключительную роль общественной практики как основы познания и критерия истины. Конспектируя «Учение о понятии» (том 5) Гегеля, Ленин писал: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное* (**NB**) (а Кант, как и все философы, говорит о *правильном* мышлении) — *от истины*, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»¹.

«Истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* «практику» (и технику)»². Теория познания диалектического материализма рассматривает свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию. Эти классические положения о единстве двух моментов процесса познания и роли практики в нем имеют огромное значение для борьбы против современной буржуазной идеалистической философии, представители которой стремятся принизить познавательную роль человеческого разума, ограничить науку для того, чтобы дать дорогу вере, как это сознательно проповедовал в свое время Кант. Они пытаются доказать непознаваемость мира и его закономерностей для того, чтобы спасти религию.

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146—147.

² Там же, стр. 174.

3. ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНОЙ, АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ИСТИНЫ И КРИТИКА ДОГМАТИЗМА

Уже говорилось, что домарксовские материалисты, будучи механистами, метафизиками, не могли найти подлинного научного решения коренных вопросов познания материального мира, в том числе и вопроса об истине. Они признавали объективную истину, доказывали, что истина есть отражение объективного мира в человеческом сознании, что все наши знания возникают благодаря чувственным восприятиям, пытались найти правильное решение и вопроса о критерии истины. Но все они рассматривали познание как простое зеркальное отображение внешнего мира в сознании человека, как простой акт созерцания природы, как застывшее, со временем не изменяющееся отражение природы в сознании. Природа рассматривалась ими в абсолютно неизменном состоянии.

Нельзя сказать, что все старые материалисты сознательно игнорировали диалектику. Известно, что античные и другие материалисты древности были наивными, стихийными диалектиками. Известно также, что элементы диалектики имели место и в новой философии, например, у Бэкона, Декарта, Спинозы, Дидро и других французских материалистов. Сильный удар по метафизике был нанесен во второй половине XVIII века развитием естествознания, особенно в трудах М. В. Ломоносова. Естествознание объективно становилось на позиции диалектики. Наконец, хорошо известно, что русские материалисты XIX века — Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов — считали диалектику алгеброй революции, верным орудием борьбы за изменение общества. Но они не смогли применить диалектику к теории познания, они абсолютизировали истину человеческих знаний, рассматривали как вечные, неизменные сущности, отрывали познание и самую истину от вечно развивающейся и обновляющейся объективной действительности.

С точки зрения метафизической теории познания, каждая подлинная истина является вечной; если истина в дальнейшем развитии знаний подвергается изменению, то она не была истиной.

Метафизики считают добытые ими истины абсолютно

законченными, превращают их в догмы. В этом смысле, как и во многих вопросах познания, идеалисты те же метафизики.

Процесс познания метафизические материалисты зачастую сводили к созерцанию, к пассивному восприятию вещей и явлений объективного мира. Истина большинством из них понималась правильно, как соответствие наших знаний внешнему миру. Но как доказать это соответствие, как проверить истинность знаний, научно этого они объяснить не могли.

Только диалектический материализм смог преодолеть все эти и другие недостатки метафизической теории познания, правильно определить истину и научно решить вопрос о путях познания материального мира. Ленин, опираясь на новейшие данные в естествознании и опыт классовой борьбы, развил дальше положение классиков марксизма об истине.

Критикуя Богданова как вульгарного материалиста и метафизика, Ленин писал, что Богданов в понимании истины смешивал по меньшей мере два вопроса:

«1) Существует ли объективная истина, то есть может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества? 2) Если да, то могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно? Этот второй вопрос есть вопрос о соотношении истины абсолютной и относительной»¹.

Махисты всячески обвиняли сторонников диалектического материализма в том, что они якобы абсолютизируют различие между относительной и абсолютной истиной. Ленин решительно выступил против такого обвинения, и показал, что, с точки зрения диалектического материализма, это различие «...как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закоренелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмеживаться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 110.

и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта»¹.

Показывая исторический характер человеческих знаний, Ленин глубоко вскрыл диалектическое взаимоотношение между относительной и абсолютной истиной и в противоположность Богданову, который «не заметил» или же не понял критику Энгельсом Дюринга по данному вопросу и обвинял Энгельса в «эклектицизме», ссылаясь на Энгельса, приводил конкретные его указания из «Анти-Дюринга» и творчески развил их дальше. Он показал, что на каждом этапе возможность полного познания природы человеком ограничена рамками исторического развития. «Суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно не суверенно; познание, имеющее безусловное право на истину, — в ряде относительных (релятивных) заблуждений; ни то ни другое» (ни абсолютно истинное познание, ни суверенное мышление) не может быть осуществлено полностью иначе как при бесконечной продолжительности жизни человечества».

Исторически развивающееся познание человека раскрывает объективную истину. Признавая объективную истину, мы тем самым так или иначе признаем и абсолютную истину. Процесс познания внешнего мира протекает в форме истин, приблизительно верно отражающих ту или иную закономерность внешнего мира. Каждая относительная истина содержит в себе крупницу, зерно абсолютной истины, есть ступенька на пути познания абсолютной истины. Абсолютная истина складывается из суммы относительных истин.

«Все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и незыблемыми, оказываются относительными истинами, — *значит*, никакой объективной истины, не зависящей от человечества, быть не может. Так рассуждает не только весь махизм, но весь «физический» идеализм вообще. Что из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина, — что относительные истины представляют из себя относительно-верные отражения независимого от человечества объекта, — что эти отражения становятся все более верными, — что в каждой научной истине, несмотря на ее отно-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 123.

сительность, есть элемент абсолютной истины,— все эти положения, сами собою разумеющиеся для всякого, кто думал над «Анти-Дюрингом» Энгельса, представляют из себя книгу за семью печатями для «современной» теории познания»¹.

Процесс познания объективного мира бесконечен, бесконечен поэтому и процесс познания абсолютной истины. Вместе с этим человечество создает и такие истины, которые имеют значение частных, конкретных, вечных, абсолютных истин. К числу таких истин относятся все так называемые истины факта или хронологические истины. Критикуя Богданова за отрицание им подобных, вечных, частных, абсолютных истин, Ленин привел примеры Энгельса из «Анти-Дюринга» и на них показывает, что Энгельс высмеивает Дюринга не за то, что тот признает вечную, абсолютную истину, а за его метафизический подход к истине, за догматизм, за то, что он истину понимал как нечто окончательно завершенное.

Признание вечных, абсолютных истин, отмечает Ленин,— это азбучное положение для всякого материалиста. «Пример, взятый Энгельсом, весьма элементарен, и всякий без труда придумает десятки подобных примеров истин, которые являются вечными, абсолютными сомневаться в которых позволительно только сумасшедшим (как говорит Энгельс, приводя другой такой же пример: «Париж находится во Франции»). Почему Энгельс говорит здесь о «плоскостях»? Потому, что он опровергает и высмеивает догматического, метафизического материалиста Дюринга, который не умел применить диалектики к вопросу об отношении между абсолютной и относительной истиной. Быть материалистом значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину. Вот это «так или иначе» и разделяет материалиста-метафизика Дюринга от материалиста-диалектика Энгельса. Дюринг направо, налево, по сложнейшим вопросам науки вообще и исторической науки в частности, бросал словами: последняя, окончательная, вечная истина. Энгельс его высмеял: конечно,— отвечал он,— вечные истины есть, но

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 295—296.

неумно употреблять большие слова (gewaltige Worte) относительно простых вещей. Чтобы двинуть материализм вперед, надо бросить пошлую игру со словом: вечная истина, надо уметь диалектически поставить и решить вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины»¹.

Здесь же Ленин указывал, что Богданов обнаружил свое абсолютное незнание как материализма, так и диалектики. И в связи с этим опять приводит слова Энгельса из «Анти-Дюринга»: «Мы имеем здесь снова то противоречие, с которым уже встречались выше, противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в таком ряде последовательных человеческих поколений, который для нас, по крайней мере, на практике бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познания столь же неограниченна, как ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе (или устройству, Anlage), призванию, возможности исторической конечной цели; несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности».

«Точно также,— продолжает Энгельс,— обстоит дело с вечными истинами»².

К числу вечных, абсолютных истин, кроме хронологических истин, относятся, например, такие: «материя первична, сознание вторично», «материя есть объективная реальность». Ленин опирался на принципы материализма, руководствовался ими и развивал их дальше. Эти принципы имеют значение абсолютных истин, они никогда не могут быть опровергнуты, а могут быть лишь конкретизированы, развиты в будущем.

Для метафизиков истина либо относительна, либо абсолютна, они не понимают соотношения между абсолютной и относительной истиной. Более этого, они исключают из разряда истин все те утверждения науки, которые не являются абсолютными истинами. Они обычно

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 119—120.

² Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 121.

рассуждают, что те или иные положения науки либо являются вечными, либо вообще не истины. Метафизики относительные истины не признают за истины.

Для диалектического материализма нет непроходимой грани между абсолютной и относительной истиной, истина всегда есть единство относительного и абсолютного в познании человеком внешнего мира.

«...Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа»¹.

Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научно-го положения относительны в силу их изменения.

В борьбе против метафизической теории познания Ленин подчеркивал конкретность истины. Абстрактной истины нет, она всегда конкретна. А для метафизика характерен догматический, абстрактный метод изучения. Вместо того, чтобы опираться на конкретные факты, метафизики сочиняют абстрактное понятие, к которому насильственно подгоняются факты жизни.

4. В. И. ЛЕНИН О РОЛИ ПРАКТИКИ В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ, ЕДИНСТВЕ ТЕОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Все философы до Маркса и Энгельса отрывали процесс познания от общественной практики. Мао Цзе-дун в статье «Относительно практики» пишет, что «домарксовский материализм рассматривал вопросы познания в отрыве от общественной природы людей, в отрыве от исторического развития человечества и поэтому не мог понять зависимости познания от общественной практики,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 123.

то есть зависимости познания от производства и классовой борьбы»¹.

Нельзя сказать, что старые материалисты не искали критерий истины. Но ввиду того, что они игнорировали общественное производство как основу развития общества, они не смогли решить этот вопрос. Большинство из них истину понимало как соответствие наших знаний внешнему миру, но как проверить истинность знаний, они не могли объяснить научно. Фейербах, который правильно видел коренную ошибку идеализма в том, что он (идеализм) ставит и решает вопрос о действительности или недействительности мира только с теоретической точки зрения, полагал, что критерий истины — в согласии людей во мнениях. Общепринятость идей определяет их истинность, «истинно только то, в чем другой соглашается со мной, — утверждал Фейербах, — согласие есть первый признак истины, но только потому, что род (т. е. согласие во мнениях. — Д. К.) есть последнее мерило истины. Если я мыслю только согласно мерилу моей индивидуальности, мое мнение необязательно для другого, он может мыслить иначе, мое мнение есть случайное, субъективное. Но если я мыслю согласно мерилу рода, значит, я мыслю так, как может мыслить человек вообще, и, следовательно, должен мыслить каждый в отдельности, если он хочет мыслить нормально, закономерно и, следовательно, истинно. Истинно то, что согласуется с сущностью рода; ложно то, что ему противоречит»². Критерий истины, по Фейербаху, определяется общезначимостью, не выходящей за пределы сознания.

Так же неправильно понимали критерий истины Декарт и Спиноза: они сводили его к ясности и отчетливости. Из домарксовских философов только русские материалисты не только теоретически обосновали возможность познания мира, но и само познание рассматривали как действенную силу, способную осветить путь к изменению существующей действительности. Они стремились указать народу пути выхода из нищеты, боролись за прогрессивное развитие общества, свои философские взгляды пытались связать с действительностью, а науку — с практикой.

¹ Мао Цзе-дун. Соч., т. I, стр. 505.

² Л. Фейербах. Соч., т. II, стр. 171.

В борьбе против агностицизма русские материалисты XIX века выдвинули практику как критерий истины, были убеждены, что наши знания могут быть истинными только тогда, когда они будут проверены на практике. Этим они вплотную подошли и к пониманию диалектического единства чувственного и рационального моментов познания.

Однако в силу исторических условий своей эпохи они не смогли подняться до диалектического понимания практики, они ее понимали как борьбу человека с природой, а не как общественно-производственную деятельность людей. Поэтому их теория познания не могла служить инструментом научного объяснения мира и его революционного преобразования.

Только марксизм впервые в истории человеческой мысли показал подлинно научное понимание значения и роли общественной практики в теории познания. «Мы видим,— писал К. Маркс,— что решение теоретических противоположностей возможно *только практическим* путем, только благодаря практической энергии человека, и что поэтому решение их отнюдь не является задачей только познания, а *действительно* жизненной задачей, которой *философия* не могла решить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу»¹.

Для марксизма всякая идея должна быть проверена путем сравнения с объективной реальностью. И эта проверка в конце концов дается практикой.

Поль Лафарг в книге «Материализм Маркса и идеализм Канта» писал: «Рабочий, который ест колбасу и который получает 5 франков в день, знает очень хорошо, что хозяин его обкрадывает и что он питается свиным мясом; что хозяин — вор и что колбаса приятна на вкус и питательна для тела.— Ничего подобного,— говорит буржуазный софист, все равно, зовут ли его Пирроном, Юмом или Кантом,— мнение рабочего на этот счет есть его личное, т. е. субъективное, мнение; он мог бы с таким же правом думать, что хозяин — его благодетель и что колбаса состоит из рубленой кожи, ибо он не может знать *вещи в себе*...

Чтобы познать объект, человек должен сначала проверить, не обманывают ли его его чувства... Химики пошли

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, 1929, стр. 628.

дальше, проникли внутрь тел, анализировали их, разложили на их элементы, потом произвели обратную процедуру, т. е. синтез, составили тела из их элементов: с того момента, как человек оказывается в состоянии из этих элементов производить вещи для своего употребления, он может, — как говорит Энгельс, — считать, что знает *вещи в себе*. Бог христиан, если бы он существовал и если бы он создал мир, не сделал бы ничего большего»¹.

Весь процесс научного познания мира протекает при непосредственном воздействии человека на материальные предметы. Человек познает эти предметы именно благодаря тому, что он сталкивается с ними, воздействует на них, изменяя и переделывая их. Практика есть основа познания потому, что познание начинается с чувственного восприятия, живого созерцания, ощущения, то есть с практического соприкосновения человека с материальными предметами, явлениями, с практического воздействия на них. Практика — основа происхождения и развития человеческого сознания. Она лежит в основе происхождения и развития сознания. Практика есть в то же время критерий истины, мерило определения верности, истинности наших знаний.

Все спорные вопросы, все сомнения в правильности тех или иных выводов проверяются в конечном итоге общественной практикой.

«Вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, — говорит Маркс, — вовсе не есть вопрос теории, а вопрос *практический*. На практике должен человек доказать истинность, т. е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления»².

Махисты, всякого рода идеалисты и метафизики отрывали теорию от практики. У махистов, говорит Ленин, одно дело теория познания, в которой надо как-нибудь похитрее словесно состряпать «дефиниции», и совсем другое дело практика. Практика и познание у Маха рядоположны, но не связаны друг с другом. Такое выведение практики за пределы теории познания Ленин назвал вымученным профессорским идеализмом. Он указал, что стремление махистов отделить познание от практики, рассматривать теоретические вопросы вне практики

¹ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 190—191.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 589.

не ново, это одна из характерных черт большинства идеалистических систем. Основная фальшь всякого идеалиста, отмечает Ленин, состоит в том, что он может отрицать объективную истину теоретически, но он вынужден признать ее практически, в своей общественной деятельности.

Познание — это «биологически полезное психологическое переживание субъекта», говорят махисты. Познание биологически полезно именно в практической деятельности человека, в сохранении его жизни, в том случае, если оно правильно отражает объективную истину, не зависящую от человека, говорит Ленин. Критерием истины Мах считал успех (в идеалистическом смысле). Ленин писал: «Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем. Для солипсиста «успех» есть все то, что *мне* нужно *на практике*, которую можно рассматривать отдельно от теории познания»¹.

Для махистов в науке действительность и иллюзия не различны, они равнозначны. Мах приводит пример с карандашом, который мы воспринимаем как прямой в воздухе и согнутый, когда мы его опускаем в воду в наклонном положении. Карандаш кажется согнутым, но в действительности он прямой. «Но на каком основании,— пишет Мах,— мы называем *один* факт действительностью, а *другой* низводим до значения иллюзии?.. Когда мы совершаем ту естественную ошибку, что в случаях необыкновенных все же ждем наступления явлений обычных, то наши ожидания, конечно, бывают обмануты. Но факты в этом не виноваты. Говорить в подобных случаях об *иллюзии* имеет смысл с точки зрения практической, но ничуть не научной. В такой же мере не имеет никакого смысла с точки зрения научной часто обсуждаемый вопрос, существует ли действительно мир, или он есть лишь наша иллюзия, не более как сон. Но и самый несообразный сон есть факт, не хуже всякого другого»².

Махисты связывали практику со способностью людей систематизировать ощущения, они толкуют критерий

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 127.

² Цит. по кн.: В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 125.

практики в субъективистском смысле. Ленин приводит пример, как за это ухватились представители фидеизма. Например, французский философ Леруа требовал от своего соотечественника математика и физика Анри Пуанкаре, чтобы тот признал, что наука имеет практическое значение только для одной области человеческих действий и что не меньшее значение по сравнению с наукой имеет религия для другой области действий человека.

В. И. Ленин пишет, что Леруа признает критерий практики для науки и промышленности, но он понимает его в субъективном смысле, отрицая, что практика доказывает объективность истины, «...ибо такого отрицания достаточно ему для признания субъективной истины религии рядом с субъективной (не существующей помимо человечества) истиной науки»¹.

«Точка зрения жизни, практики,— писал В. И. Ленин,— должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики»².

Подлинно научное познание возможно только на основе практики. Практика выше теоретического познания: она имеет не только достоинства всеобщности, но и непосредственной действительности.

Человеческая практика доказывает правильность материалистической теории познания; помимо практики, невозможно решить основной гносеологический вопрос.

Когда мы говорим о решающей, определяющей роли практики в процессе познания, то надо иметь в виду, что сама практика не есть нечто неизменное, она постоянно развивается, обогащается.

Наше утверждение об объективности материи, ее качеств и свойств основывается на практической деятельности людей. Практика, опыт, сама жизнь создают в нас непреклонное убеждение в объективном существовании внешних предметов. Практика, опыт также создают убеждения в объективности цвета, звука, запаха и подтверждают правильность такого убеждения. Вещи вызывают различные, изменчивые, противоречивые ощущения, как достоверные, так и ложные. Например, какое

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 278.

² Там же, стр. 130.

свойство признать за медом — сладость или горечь. Ответить на этот вопрос вне практики нельзя. Поэтому и Ленин говорил: «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина»¹.

Практика имеет решающее значение и в процессе развития органов чувств. Органы чувств человека развивались, совершенствовались под влиянием труда. От характера труда зависят различные способности к ощущению у самих людей.

Некоторые философы каждое качественное ощущение объявляли истинным; больному мед — горький — таков он есть в действительности; здоровому — сладкий — таков он и есть сам по себе. Надо сказать, что такой подход устраняет внешний предмет, как критерий ощущений и на место вещей ставятся их образы. Сам предмет игнорируется.

Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания.

Когда та или иная вещь, действуя на органы чувств, производит ощущение, то в такой связи субъект еще находится в пассивном созерцательном отношении к вещам. Совсем другое дело, когда человек, опираясь на полученные ощущения, активно действует на вещь или ее свойства, изменяет и воспроизводит их; тут уже налицо практическое отношение к вещам, которое и позволяет нам установить достоверность ощущений.

Ленин говорил, что последовательного субъективного идеалиста нельзя опровергнуть одними теоретическими доводами потому, что он вводит их в замкнутый логический круг, и наилучшим опровержением его является практика.

Практика несет крах агностицизму. Она показывает, что ощущения достоверны, а вещи и их свойства объективны. В этом сомневаться нельзя, ибо люди в практической деятельности воспроизводят свойства вещей, употребляют их и заставляют служить своим целям. Возьмем пример. Вещь производит ощущение кислого, если

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 177.

мы употребляем данную вещь, например, съедем ее и удовлетворим биологическую потребность в кислоте, то этим самым доказываем, что ощущение правильно отражает свойство вещи. Этим мы также доказываем правильность взгляда об объективном существовании свойства, ибо удовлетворили биологическую потребность организма не ощущением, а свойством вещи — ее кислотностью.

Известно, что без кислотности, сладости и прочих химических свойств органических веществ человеческий организм биологически не может существовать. Может быть, субъективистам кажется, что их организм удовлетворяет биологическую потребность ощущениями? Такой вопрос логически вытекает из того, что они отрицают объективность чувственно воспринимаемых качеств, объективными, как об этом мы говорили выше, они признают только пространственно геометрические свойства материи — величину, фигуру, объем и т. д. Но ведь эти свойства материи не съедобны, они не пригодны для удовлетворения биологической потребности организма. Подобный взгляд высмеивается в одной из восточных сказок «Дым и звон», где говорится, что однажды один жадный пастух жарил мясо на вертеле, а его товарищ — нищий, у которого, кроме пресной лепешки, не было ничего, подошел к костру и стал держать свою лепешку над дымом и запахом шашлыка.

— Ты что это делаешь?— спросил его пастух.

— Хочу, чтобы моя лепешка пропиталась дымом и запахом мяса. Тогда ее будет приятнее съесть.

— Ты вор,— сказал ему пастух.— Костер мой, мясо тоже мое. Значит, и дым, и запах — тоже мои, а ты их присвоил. Пойдем к судье.

Судья выслушал жалобу и спросил нищего.

— Есть ли у тебя деньги?

— Есть,— ответил нищий и подал судье мелкую монету.

— Получай, пастух, вознаграждение,— сказал судья, и принялся звенеть монеткой о камень.— Пусть звон этой монеты будет тебе достойным вознаграждением за дым, который присвоил нищий.

Нелепость субъективистской теории обнаруживается тогда, когда мы сравниваем ее с жизнью, с практикой. Экспериментально установлено, что кислоты и кислые

соли, находящиеся в растворах, вызывают ощущение кислого. Свойство кислоты не только открыто, но и воспроизводится людьми в промышленности и служит для различных целей. Особенно большое и разнообразное применение находят азотная и серная кислоты. Кто мог бы отрицать этот факт и утверждать, что в промышленности производят не кислоты, а только кислые ощущения. Пожалуй, ни один здравомыслящий человек не станет утверждать этого.

Практика — движущая сила науки. Еще в средние века, когда в недрах феодализма зарождался капитализм, который требовал новых рынков и новых источников обогащения, усилился интерес к астрономии. В связи с этим производились наблюдения за небесными светилами, создавались астрономические инструменты и т. д., с помощью которых ученые все больше становились на экспериментальный путь познания явлений природы. Такой путь все больше и больше убеждал их в несостоятельности, антинаучности схоластической школы, которая пыталась примирить знания с христианской верой, и, наоборот, постепенно приводил к раскрытию, познанию объективной действительности. Характерен такой случай: один монах, увидев в телескоп солнечные пятна, решил показать их своему духовному отцу. Тот отказался смотреть в телескоп и заявил монаху: «Напрасно, сын мой, я читал сочинения Аристотеля с начала до конца много раз и могу заверить, что я нигде не нашел у него ничего подобного. Иди и успокойся. Будь уверен, что то, что ты принимаешь за пятна на солнце, есть лишь недостаток твоих стекол, либо твоих глаз»¹.

Церковь боролась против науки, преследовала ее, проповедовала мертвые, схоластические, оторванные от жизни, природы учения. Однако жизнь предъявляла к астрономии свои требования. Возникший новый способ общественного производства открывал широкие возможности для развития астрономии. Энгельс, характеризуя положение науки в этот период, пишет: «...вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для раз-

¹ Цит. по кн.: С. К. Всехсвятский. Как познавалась Вселенная, М., Академиздат СССР, 1955, стр. 16.

вития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой: короче — она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании»¹.

Зная борьбу против религиозного миропонимания высоко поднял в ту эпоху великий польский ученый Николай Коперник — основоположник новой научной системы мира. Он исходил в своем учении из фактов, данных опыта и опирался на них.

В доказательство своих научных выводов Коперник приводил не «священное» писание, не религиозные выдумки, а непосредственные наблюдения небесных явлений. Он заявлял: «Для того, чтобы не подумали, что я предлагаю одни лишь утверждения, пусть сравнят мое объяснение с фактами: тогда убедятся, что оно хорошо согласуется с ними»².

Великий итальянский ученый Леонардо да Винчи писал: «Не доверяйте тем писателям, которые пытаются истолковать природу при помощи только своего воображения... Избегайте советов тех мыслителей..., которые не подтверждают своих рассуждений опытом. Знания, не рожденные опытом, матерью всякой достоверности, бесплодны и полны ошибок. Я желаю сперва установить факт, а затем уже доказать при содействии разума, почему этот факт такого, а не иного характера. Это и является тем правильным методом, которым надлежит руководствоваться всякому исследователю явлений природы»³.

Яркие примеры роли практики как основы познания действительности, признания объективности качеств дает развитие современной ядерной физики и атомной энергии. В сороковые годы, когда впервые были произведены цепные реакции расщепления ядер с выделением атомной энергии, остро встал вопрос о замедлителе нейтро-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 93.

² Цит. по кн.: С. К. Всехсвятский. Как познавалась Вселенная, стр. 19.

³ Цит. по кн.: Лукевич. От Гераклита до Дарвина, т. I, 1936, стр. 307.

нов. Первым замедлителем была искусственно созданная тяжелая вода — соединение кислорода с дейтроном. На производство такой воды затрачивалось огромное количество электрической энергии. Это обходилось очень дорого. Но наши ученые пошли дальше: построили «урановые котлы». По мере усовершенствования этих котлов, их эксплуатации расширялись наши возможности по овладению силами природы. В результате мы имеем теперь огромные достижения в области изучения и использования атомной энергии. Помимо известных примеров использования силы атомной энергии в области народного хозяйства, техники, медицины и т. д., можно отметить, что в наши дни сбылись предвидения великого русского вице-адмирала Степана Осиповича Макарова.

30 марта 1857 года С. О. Макаров выступил с публичной лекцией «К Северному полюсу — напролом». В ней он доказал, что льды Ледовитого океана не представляют непроходимого пути, что их можно побороть силою машин, построив сильные ледоколы. Если в то время это было технической фантазией, то в настоящее время она осуществилась: ледокол «Ленин» уже бороздит ледяные просторы Ледовитого океана.

Яркие примеры роли практики как основы познания и критерия истины в наши дни дает развитие в нашей стране молодой отрасли науки о полупроводниках. Академик А. Ф. Иоффе говорит: «Стало общепризнанным, что развитие учения об атомном ядре призвано перестроить энергетику будущего, открыть новые пути к овладению природой. Столь же несомненно, хотя далеко еще и не так широко известно огромное значение полупроводников для техники ближайших десятилетий».

Велика роль общественной практики и в вопросах познания человеческого общества, его сложных законах развития, в правильном руководстве общественными явлениями. Никакая теория сама по себе без практики не может вывести человечество за пределы существующих, но устаревших общественных отношений. Только тесная связь научной теории с передовой человеческой практикой показывает правильные пути продвижения общества вперед, учит правильно руководить. Теория же, оторванная от практики, превращается в беспочвенное, бесплодное мудрствование, так же как и практика в отрыве от теории обречена на застой и слепое блуждание.

В. И. Ленин указывал, что «моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине», что теоретическое познание и практическая деятельность представляют собой две стороны, два метода, два средства уничтожения «односторонности» в решении вопроса: и субъективности и объективности.

Придавая решающую роль практике, Ленин нисколько не умаляет и роли теории. Наоборот, он подчеркивает исключительное значение теории, говорит, что без революционной теории не может быть и революционного движения.

Единство передовой теории и общественной практики в марксистско-ленинской гносеологии и в том, что движение познания не завершается приобретением достоверных знаний, проверенных общественной практикой. Эти знания используются для активного воздействия на мир, для практического преобразования действительности в интересах людей. Какой бы правильной и хорошей ни была теория, она не будет иметь никакого значения, если ее не использовать в революционной практике. Поэтому все наши знания, вырастающие из практики, должны возвращаться к ней не только для проверки их истинности, но и для того, чтобы освещать и направлять процесс революционного изменения мира, производственную, политическую и научную деятельность людей.

Подлинное единство науки и общественной практики возможно только в условиях социалистического общества, где открылись невиданные возможности для полного и всестороннего использования передовых достижений научной и технической мысли на благо человека. Еще на заре развития нашего государства Ленин отмечал, что для практики настала эпоха расцвета, что вопросы практики приобрели колоссальное значение в связи с переходом человечества из «царства необходимости в царство свободы».

В статье «Как организовать соревнование» он провозгласил, что наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживает, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой; что сейчас все дело в практике.

КПСС в своей деятельности неуклонно руководствуется этими указаниями Ленина. Наша партия сильна

именно потому, что она всю свою практическую деятельность по руководству строительством коммунизма в нашей стране строит на основе глубокого знания законов общественного развития и тем самым обеспечивает наше стремительное продвижение вперед к коммунизму.

Н. С. Хрущев в своей речи на VIII съезде Болгарской Коммунистической партии говорил: «Жизненность марксистско-ленинской теории заключается в том, что, возникнув в ходе борьбы рабочего класса, она развивается в непрерывной связи с практикой, давая ответы человечеству на самые насущные вопросы. Правильность марксистско-ленинских теоретических положений подтверждается и доказывается практикой борьбы за построение коммунистического общества. Она подтверждается богатейшим опытом нашей партии и всех братских партий социалистических стран, которые, руководствуясь революционной теорией, направляют борьбу рабочего класса, всех трудящихся за освобождение от капиталистического рабства, за построение социалистического общества»¹.

В этой же речи Н. С. Хрущев подчеркнул, что каждый практический вопрос социалистического строительства является одновременно и теоретическим вопросом. Перечислив осуществленные в последние годы крупнейшие мероприятия в нашей стране, он сказал: «На первый взгляд все эти вопросы сугубо практические, но в то же время они являются теоретическими. Здесь выступают две стороны одного целого — теория и практика. Своими успехами в развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры мы наглядно показываем преимущества нашей теоретической мысли, силу и жизненность теории марксизма-ленинизма, на основе которой строится социалистическое общество. Применяя эту теорию на практике, развивая социалистическую экономику, прокладывая новые пути в будущее, мы утверждаем и развиваем революционную теорию, обогащаем ее опытом миллионов»².

Эти положения еще раз повторил Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС. Он сказал, что «особенность эпохи развернутого строительства коммунистического общества в том и состоит, что перед нами возникает все больше

¹ «Правда», 1958, 4 июня.

² Там же.

таких теоретических вопросов, ответ на которые надо искать не только в книгах, но прежде всего в самой животворящей практике коммунистического строительства».

Органическое единство революционной теории и практики ярко проявляется во всей деятельности нашей партии. Это ярко подтверждается ее новой Программой, которая представляет собой философское, экономическое и политическое обоснование построения коммунизма в нашей стране, знаменует собой новый этап в развитии революционной теории марксизма-ленинизма.

Органическое единство теории и общественной практики особенно ярко проявляется после XX съезда КПСС. Важнейшей особенностью этого периода в развитии марксистско-ленинской теории является все более широкое обобщение партией непосредственного опыта миллионов строителей коммунизма. Развитие революционной теории стало делом всей партии, всего советского народа.

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ, РЕВИЗИОНИЗМА И ДОГМАТИЗМА

1. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ОСНОВНЫХ ТЕЧЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И КРИТИКА ИХ ГНОСЕОЛОГИИ

Великое философское наследие В. И. Ленина, его борьба на два фронта в области теории познания, указания о том, что нужно разрабатывать диалектику со всех сторон и другие его заветы в области философии имеют неоценимое теоретико-познавательное и жизненно-практическое значение в наше время. Они имеют огромное значение для критики и разоблачения распространенных и модных направлений современной буржуазной философии, ревизионизма и догматизма.

Современные буржуазные философы, независимо от того, к какому виду идеализма они относятся, отрицают объективный характер материи, разнообразных форм ее бытия. Они тщатся всячески доказать, что все свойства и качества материи порождаются сознанием.

Известно, что борьба двух противоположных лагерей в философии по основному ее вопросу еще больше обострилась в наше время в связи с обострением борьбы между двумя лагерьями мира — коммунизмом и империализмом.

Состояние современной буржуазной идеалистической философии убедительно доказывает правоту ленинского учения о том, что «за кучей новых терминологических ухищрений, за сором гелертерской схоластики всегда, без исключения, мы находили *две* основные линии, два основных направления в решении философских вопросов»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 321.

Возникает справедливый вопрос, как могут философы в наше время, когда человеческий ум «рождает» чудеса науки и техники, когда наука и общественная практика людей неопровержимо доказывают правоту материалистического мировоззрения и несостоятельность, антинаучный, реакционный характер идеализма и религии, опровергать материализм, науку и отстаивать субъективно-идеалистическое мировоззрение? Возникает и другой вопрос. Как могли буржуазные идеологи отказаться от прогрессивных идей своих предшественников, их достижений в области философии, науки и культуры? Известно, как буржуазия в лице своих идеологов в период борьбы против феодально-монархического абсолютизма выступала как революционная прогрессивная сила. Буржуазный материализм и атеизм XVII—XVIII веков в ряде стран выступал в защиту свободы, братства и равенства людей. Этот вопрос привлекает наше внимание и потому, что марксизм явился преемником всего прогрессивного наследия человеческой мысли, и в этом наследии видное место занимает буржуазная прогрессивная философия, особенно французский материализм XVIII века, который был теоретическим выражением назревших материальных интересов потребностей жизни общества и активно служил революционным задачам своего времени.

В. И. Ленин в статье «Три источника и три составных части марксизма» подчеркивал органическую связь материализма и атеизма, под знаменем которых буржуазия возглавила штурм старых феодальных порядков. В борьбе с феодальной идеологией буржуазия использовала материализм в качестве лучшего оружия.

Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС говорил, что «когда-то буржуазные революции в борьбе с феодализмом выдвигали заманчивые лозунги свободы, равенства и братства, но выдвинуты они были буржуазией прежде всего для того, чтобы оттеснить аристократическую знать и проложить дорогу капиталу. По мере укрепления своей власти буржуазия все больше отбрасывала эти лозунги».

Спрашивается, почему буржуазные идеологи и, в частности философы, упорно защищают идеализм в наше время? Почему они теперь выступают как враги философского материализма, объективного познания действ-

вительности, против прогресса? Почему они во всех областях идеологии делают крутой поворот назад к временам мракобесия и поповщины средневековья?

Ответы на эти вопросы мы находим в работах Ленина.

В. И. Ленин показал, что причины маразма современной буржуазной идеологии надо искать не только и не столько в гносеологической стороне науки, сколько в партийности, социальных классовых интересах идеологов буржуазии.

Конечно, идеализм имеет свои гносеологические корни и это очень важно иметь в виду, когда мы говорим о том или другом течении общественной мысли. Надо иметь в виду сложность и противоречивость самого процесса познания.

Более чем полвека среди математиков, естествоиспытателей и философов-идеалистов пользуется популярностью теория конвенционализма, которую выдвинул в начале XX века французский математик Анри Пуанкаре. Эта теория абсолютизирует относительность истины и отвергает ее объективность, считает, что все основные принципы науки являются результатом конвенции (соглашения) между учеными и не имеют объективного содержания.

Распространенность этой идеалистической теории среди естествоиспытателей объясняется в значительной мере тем, что ее гносеологические корни заложены в особенностях развития современного естествознания. Незнание многими естествоиспытателями диалектики приводит их к абсолютизации момента относительности в науке, к абсолютному релятивизму.

Характерной особенностью современной научной мысли является все большее развитие математики и математической физики, развитие математической логики. Идеализм, используя все это, пытается доказать истинность чистой мысли, лишенной объективного содержания.

Но за гносеологическими корнями современного идеализма следует видеть его социальные, классовые корни. Отдельные ученые, не разбирающиеся в гносеологических корнях идеализма, могут добросовестно заблуждаться, делая идеалистические выводы из данных современного естествознания. Однако в целом современная идеалистическая философия является близнецом и разновидностью религии, имеет с ней общие корни

в природе капитализма, в господстве над людьми стихийных общественных сил.

Объективно все идеалистические школы и школы в философии, независимо от того, какие цели преследуют их приверженцы, борются против диалектико-материалистического мировоззрения, защищают религиозное мировоззрение и тот строй, духовным ароматом которого являются философский идеализм и религия.

Ленин указывал, что основные, главные причины порождения и распространения различных субъективно-идеалистических течений современной буржуазной философии надо искать не в пределах гносеологии, а в самой системе империализма, в состоянии господствующей буржуазной идеологии, как служанки буржуазной надстройки, ревностно охраняющей и защищающей империалистический экономический базис.

В эпоху империализма буржуазная философия превратилась в реакционную идеологию. Французский философ-коммунист Р. Гароди справедливо указывает, что капитализм для своего развития не нуждается больше в философии; она ему необходима только для защиты своего строя.

«От философии требуют, чтобы она провозглашала, что научные истины не касаются сущности вещей, что история — не наука и не может претендовать на открытие объективных законов и особенно то, что материализм, утверждающий обратное, не достоин называться философией. В нашу эпоху три основных фактора обостряют страх и тревогу буржуазии и ее идеологов:

а) углубление обострения противоречий капитализма: крушение этого строя не кажется уже далеким. Это период «загнивающего капитализма». У буржуазии нет исторических перспектив;

б) стремительный подъем освободительной борьбы рабочего класса, обладающего классовым сознанием, уверенного в своих силах и ставящего перед собой задачу уничтожения капиталистического строя. Учение диалектического материализма вдохновляет и направляет его победоносную борьбу;

в) быстрое развитие науки, особенно с конца XIX века. Задачи буржуазной философии определяются этими угрожающими факторами: нужно во что бы то ни стало развенчать науку и историю, этих ненавистных свиде-

телей разложения капиталистического строя. Нужно выбросить за борт философии материализм — боевое оружие рабочего класса. Ненависть буржуазных философов к диалектическому материализму есть не что иное, как идеологическое проявление классовой борьбы буржуазии против рабочего класса и социализма»¹.

Современные буржуазные идеологи воздвигают агностическую плотину против научных и исторических истин путем создания какой-либо ненаучной теории познания, которая была бы способна разрешить основной вопрос философии так, как им угодно. Другими словами, пытаются создать вместо научной теории любого качества миф, лишь бы он отвечал вышеуказанным условиям идеологической борьбы буржуазии против диалектического материализма. Такими мифами и являются все существующие ныне течения буржуазной философии и социологии.

Современная эпоха, учил Ленин, есть эпоха закономерной смёны капитализма социализмом, эпоха упадка и крушения отжившего капиталистического строя, эпоха становления и расцвета нового социалистического общества.

Непреложные факты блестяще подтверждают это гениальное предвидение Ленина. Капиталистическая система хозяйства уже отживает свой век и должна уступить свое место социалистической системе хозяйства. В резолюции XXII съезда КПСС говорится, что главную черту нашей эпохи составляет выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему. И теперь в связи с этим открываются на мировой арене новые перспективы в деле перехода от капитализма к социализму.

Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС говорил, что ныне не империализм с его волчьими повадками, а социализм с его идеалами мира и прогресса становится решающим фактором мирового развития, что общая тенденция дальнейшего загнивания капитализма продолжает действовать с неумолимой силой. В странах капитализма происходит дальнейшее обострение, рост революционной борьбы и мощный подъем национально-освободительного

¹ Р. Гароди. Вопросы марксистско-ленинской теории познания. М., 1955, стр. 12.

движения, полный развал колониальной системы империализма.

Программа КПСС гласит: «Империализм вступил в период заката и гибели. Неотвратимый процесс разложения охватил капитализм от основания до вершины его, экономический и государственный строй, политику и идеологию. Империализм бесповоротно утратил власть над большинством человечества. Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человечества определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества».

Империалисты всеми силами стараются во что бы то ни стало сохранить капиталистический строй. С этой целью они направляют все силы мракобесия и реакции на борьбу против научного познания мира, против марксизма-ленинизма.

«Но простые люди,— как говорил Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС,— ежедневно убеждаются в том, что капитализм не в состоянии решить ни одной проблемы человечества. Монополистический капитал, утрачивая свое влияние, все чаще прибегает к запугиванию народных масс. Но ни для кого не секрет, что методы запугивания и угроз — не признак силы, а свидетельство ослабления капитализма, углубления его общего кризиса. И в мире нет такой силы, которая могла бы остановить движение человечества по пути прогресса».

Современная буржуазная философия является самой откровенной поповщиной, возрождением средневекового мракобесия, пытается «теоретически» оправдать политику империализма.

Специализация буржуазной философии на гносеологии, начатая еще в XIX столетии позитивистами, неокантианцами, эмпириокритиками и т. п., в настоящее время приняла особенно изощренные формы. На гносеологии специализируются все направления современной идеалистической философии: прагматисты, неореалисты, логические позитивисты, семантики, новейшие фидеисты-неотомисты, персоналисты, «критические реалисты» и т. п. Суть их — отрицание объективной истины, признание принципиальной невозможности познания мира и его закономерностей. «Виды и формы буржуазной идеоло-

гии, методы и средства обмана трудящихся многообразны,— говорится в новой Программе КПСС,— но суть их одна — защита отживающего капиталистического строя».

Агностицизм, эклектика, идеализм, фидеизм — вот характерные черты современной буржуазной идеалистической философии.

Часто даже трудно бывает отнести того или иного философа к какому-нибудь определённомu направлению философии, потому что в своих взглядах он эклектически сочетает элементы самых различных идеалистических направлений. Некоторые течения буржуазной философской мысли отличаются друг от друга только словесными вывесками, названиями и формами пропаганды.

* * *

Всю критику идеализма В. И. Ленин проводил под флагом борьбы партий в философии. Почти во всех своих работах, особенно в «Материализме и эмпириокритицизме», он со всей силой поставил вопрос о партийности философии.

Новейшая философия, писал Ленин, также партийна, как и две тысячи лет назад.

В буржуазном обществе, говорил В. И. Ленин, наука, особенно буржуазная философия, не свободна от капитала, от классовых интересов господствующей буржуазии. В связи с этим он указывал, что *общественное* положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху.

Развивая это положение в 1922 году в статье «О значении воинствующего материализма», В. И. Ленин писал: «Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем общеэкономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правильность резкой характеристики Дидгена. Достаточно вспомнить громадное большинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная, хотя бы, с тех, которые были связаны с открытием радия, и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна,— что-

бы представить себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений»¹.

В. И. Ленин не случайно рассматривал все вопросы философии в плане борьбы партии в теории. Дело в том, что буржуазные идеологи под флагом нейтральности и объективности проповедают рабочему классу буржуазную идеологию. Они не любят перенесения вопросов в плоскость классовой политической оценки. «Не любят они этого,— говорил Ленин,— потому, что правда колет им глаза». Зато они любят выдавать себя за объективистов, стоящих якобы выше борьбы классов. Ленин неоднократно подчеркивал, что буржуазный объективизм, буржуазия свои корыстные интересы объявляет общенародными интересами. Ленин подчеркивал, что только лишь большевистская партийность делает философию подлинно научной потому, что классовые интересы пролетариата требуют подлинно научного понимания мира. Ленин особо отмечал, что все разговоры буржуазных идеологов о якобы беспартийности их философии есть лишь маскировка. «Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»², — указывал Ленин.

К. Маркс говорил, что чем больше обостряются противоречия капитализма, тем лицемернее и священное становится язык буржуазного общества. Справедливо заметил и В. Г. Белинский. Он говорил, что когда человек всецело отдается лжи, то его покидают ум и талант. И действительно, у империалистов обман масс разработан артистически.

Ленинское учение о партийности философии помогает нам понять сущность современной буржуазной философии. В наши дни буржуазная философия в своем регрессивном движении уже вернулась к Фоме Аквинскому, который провозгласил высшей целью человека созерцание бога. В одних только Соединенных Штатах Америки Фоме Аквинскому посвящено более 600 названий книг.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 202—203.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 3.

Буржуазные философы ныне уже не просто идеалисты и агностики, они отрабатывают казенное жалование, подгоняя свои идеалистические системы к господствующей средневековой философии (то есть к теологии). Они дошли до того, что стали добровольно и охотно «убивать» объективную истину.

Вера в бога, прямое использование религиозных чувств трудящихся есть одна из особенностей современной буржуазной философии. Даже наши успехи в строительстве новой жизни и великую победу советского народа во второй мировой войне они объясняют тем, что якобы коммунисты самые верующие люди в мире.

Вот одна характерная в этом отношении выдержка из проповеди главы англиканской церкви в Америке архиепископа Штата Огайо Браттерна: «Кто сказал, что большевики безбожники? Ложно, не верно. Это обычная большевистская мистификация. Они перед войной обманули весь мир, притворяясь слабыми, и сейчас они обманывают, притворяясь безбожниками. Но я их понял, это самые верующие, это, может быть, единственно верующие люди на нашей грешной земле.

Разве могли бы люди без бога в сердце совершать столько неслыханных подвигов, сколько совершили русские в войне против Гитлера? Разве могли люди без бога в сердце трудиться на благо всего человечества, так самоотверженно отстаивать дело мира, как это делают русские?

И когда наступит день страшного суда и господь призовет праведников в светлые чертоги свои, первые его слова будут: «Большевики, войдите в царствие небесное». Бог поступит именно так, потому что он не формалист и не бюрократ и судит людей не по их словам, а по их делам»¹.

Американский физик Артур Коптон договорился до такой философии, что он прямо использует религиозные чувства американцев для оправдания гонки вооружения. «Я думаю, — заявил он, — что не только бог не возмущался против того, чтоб мы сбросили бомбу, но что это было сделано только с божьей помощью и по божьему наущению. Я считаю прямым актом божественного провидения то, что способность изготавливать и применять

¹ «Огонек», 1957, № 7, стр. 31.

атомные бомбы сперва появилась у Соединенных Штатов»¹.

В современном субъективном идеализме необычно выросла роль идеологических факторов по сравнению с гносеологией. В буржуазных странах возникают огромные идеологические надстройки религиозного характера даже на незначительных научных трудностях. В ряде случаев трудности даже сочиняются. Ленин писал: «Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу... Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по-казенному преподаваемых казенными профессорами для оглушения подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних»².

Вопрос об отражении окружающей действительности в сознании людей классового общества стал в настоящее время одной из теоретических проблем, он широко обсуждается в капиталистических странах и странах социалистического лагеря.

Обсуждение этого вопроса ведется по линии определения сущности идеологии и науки, соотношения идеологических и научных моментов в познании.

Буржуазных философов и социологов, занимающихся этой проблемой, в основном можно разделить на две группы. Одна из них намеренно отвлекается от анализа развития познания, как социально обусловленного общественно-исторического процесса. Ее представители, как правило, не обращаются к общественно-исторической природе познания, а исходной предпосылкой гносеологического исследования берут «чистое» мышление.

Другая группа буржуазных философов и социологов анализирует проблему связи познания с общественными условиями. Она придерживается в основном двух концепций. По первой из них познание автономно и независимо от общественных условий, оно представляет собой процесс, связанный только с чисто имманентной диалектикой, внутренней сущностью самого предмета исследо-

¹ «Военный вестник», 1955, № 6, стр. 82.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 17.

вания. С этой точки зрения, всякий классовый подход означает отказ от объективной истины. Такое понимание истины приписывается марксизму. «Если, однако, экономический базис и порожденная им классовая борьба,— писал английский буржуазный идеолог Хант,— определяет все формы духовного производства, то в обществе, разделенном на классы, не может быть такой вещи, как объективная истина, что и продолжает настойчиво утверждать вся современная коммунистическая пропаганда». При таком подходе к процессу познания между наукой и идеологией ставится какая-то непроходимая грань, отрицается всякая возможность истинного знания, идеология противопоставляется науке и исключается из познания истины.

Вторая концепция сводится к тому, что развитие всякой мысли зависит от общественной действительности, что социальное положение мыслителя неизбежно воздействует на процесс познания. Сторонники этой концепции считают, что истинное знание должно быть свободным от разного рода идеологических примесей, классовых влияний. Французский социолог, антимарксист Р. Арон пишет: «...Существование связи между социальными науками, с одной стороны, и социальным окружением и господствующими в обществе взглядами — с другой, не может служить ни историческим, ни логическим оправданием идеи истины, основанной на классе». С этой точки зрения, между наукой и идеологией также ставится непроходимый барьер, однако не исключается и то, что и наука и идеология имеют прямое отношение к процессу познания.

В последние годы в капиталистических странах в связи с дискуссией по вопросу отражения действительности в сознании людей классового общества возникла новая дисциплина — социология знания. Одна часть социологов отождествляет идеологию с фальсификацией и исключает ее из предмета социологии.

Так, английский социолог Вернер Старк пишет: «Различие, которое мы делаем между этим (учением об идеологии. — Д. К.) и социологией знания, — это вопрос не ценности, а самого содержания. Социология знания занимается формированием специфического взгляда на мир, доктрина идеологии — его деформацией: первая интересуется позитивным феноменом, вторая — негативным,

и, как сейчас увидим, только первая является подлинно общественной наукой, тогда как вторая скорее относится к области психологии». Другая часть социологов включает идеологию в социологию знания. Так, американский социолог Маннгейм отвергает отождествление идеологии с мистификацией, включает проблемы идеологии в социологию знания. Во всех этих случаях буржуазные социологи широко используют высказывания Маркса и Энгельса об идеологии и некоторые факты из строительства социализма, вульгаризируя марксистские воззрения или грубо извращая приводимые факты.

Эта фальсификация и привлекла внимание современных ревизионистов, которые хотят пересадить в международное коммунистическое и рабочее движение буржуазную идеологию.

Велико значение ленинской теории познания для облачения современной американской национальной философии — прагматизма.

Современный американский прагматизм имеет свою историю возникновения и развития. Как и всякая философская мысль, прагматизм зародился и сложился в определенный исторический период времени на базе конкретных экономических и политических условий жизни американского общества.

Сторонники этой философии, как и все позитивисты, предложили выбросить религиозно-теологическое и философское монистическое мировоззрение и заняться исключительно описанием одних только фактов, не искать никаких объективных законов природы, общества и человеческого мышления, а руководствоваться только субъективной полезностью того или иного философского и социологического взгляда и вывода.

Известно, что в прошлом в отличие от Германии, России Соединенные Штаты Америки развивались по фермерскому пути, который привел страну к расцвету крупной промышленной техники и естественнонаучных знаний, к недооценке, игнорированию гуманитарных наук, научно-философского мировоззрения и научного метода. На этой почве расцветал американский практицизм.

Экономические и политические условия развития американского капитализма вырабатывали психологический склад американской буржуазной нации, а на основе этого у среднего американца складывалось совершенно од-

ностороннее, утилитарное, чисто деляческое (прагматическое) и нигилистическое отношение к вопросам философского мировоззрения и методам научного исследования.

Теоретические корни, основы прагматизма так же, как и теоретические корни махизма, имеют двухсотлетнюю давность и тянутся к субъективному идеализму английского епископа Беркли, Давида Юма и др. Это подтверждается признанием самых видных представителей прагматизма. Один из основателей и вожakov раннего прагматизма Пирс развивал и пропагандировал основной тезис ползучих эмпириков, позитивистов и субъективных идеалистов о том, что о результатах, имеющих практическое значение, мы мыслим как об объектах нашего представления. Иначе говоря, наши представления об этих результатах являются нашими представлениями объектов. А это значит, что человек объявляется мерой всех вещей (как у Протагора).

Не трудно догадаться, что в этом положении Пирса нет ничего нового. Оно целиком вытекает из известного утверждения Беркли: «Существовать — значит быть воспринимаемым».

Этому тезису Беркли Пирс придал типично американский деляческий привкус и сформулировал его по-своему: «Существует только то, что может быть использованным в практической жизни и работе».

Не только сам прагматизм, но и его непосредственные предшественники специализировались на идейном багаже английского субъективного идеализма Беркли и Юма и эмпириокритицизма Маха и Авенариуса, а также на идейном багаже «физиологического идеализма», «иероглифического агностицизма» Гельмгольца. Прагматисты эклектически соединили субъективный идеализм Беркли с протестантской теологией и философией Канта. Такое эклектическое соединение различных идеалистических течений было характерно для непосредственных предшественников прагматизма, оно характерно и для современного прагматизма, который представляет собой пестрое одеяло из различных лоскутков идеализма.

Прагматисты с самого начала оправдывали субъективный идеализм, «теорию» и практику американского эгоизма, индивидуализма и агрессивной политики американской буржуазии. Ничего нового в философию, кроме различных идеалистических оттенков, терминов, они

не внесли. Пирс сам признавал, что все его самостоятельное творчество в философии сводится только к тому, что он придал британский акцент точке зрения Канта.

Современный американский прагматизм претендует на роль самого модного, новейшего, национального философского социологического учения. Свою философию прагматисты считают вершиной человеческой мысли и утверждают, что она стоит над материализмом и идеализмом, она лучше того и другого.

Прагматическая философия своими теоретическими и классовыми корнями неразрывно связана с махизмом и религией, между ними гораздо больше сходства, чем различий. В. И. Ленин писал по этому вопросу: «Вот еще пример того, как широко распространенные течения реакционной буржуазной философии на деле используют махизм. Едва ли не «последней модой» самоновейшей американской философии является «прагматизм»... Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на позитивистское течение вообще, *опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгема*, на то, что наука не есть «абсолютная копия реальности», и... преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта. Различия между махизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом. Сравните хотя бы богдановское и прагматическое определение истины: «истина для прагматиста есть родовое понятие для всяческого рода определенных рабочих ценностей... в опыте»¹.

Прагматисты так хитро и завуалированно высказывают свои положения, что неискушенного в философии человека они легко могут ввести в заблуждение.

Один из видных прагматистов в Англии, Шиллер, называл свою философию «гуманизмом», а Джемс и Дьюи рекламировали прагматизм как демократическую философию простого человека, которая якобы поможет ему улучшить, положительно решить жизненные вопросы. Вся демагогия, лицемерие, «демократизм» прагматизма,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 327.

как это увидим дальше, только средство маскировки его империалистической классовой природы, его антинародной, реакционной и антинаучной сущности.

Пирс утверждает, что объективной истины нет, поэтому создание полной уверенности в истинности — дело субъективное, основанное на упорной вере человека или человеческого рода. Мышление существует лишь для того, чтобы создавать такую твердую уверенность в правоте своего действия. Причем такая твердая уверенность в правоте своего дела, по Пирсу, облегчает деловую деятельность и достижение практических целей. Критерием правильной веры является успешное достижение намеченной субъектом цели. Если мышление укрепляет веру в правильности твоего поведения, приносит выгоду, то оно служит человеку. Роль мышления и разума, роль науки только субъективная, служебная, утилитарная.

Не трудно понять, что такая философия оправдывает агрессивную политику с позиции силы, беспредельную эксплуатацию рабочего класса, расовую дискриминацию и т. п.

Пирс пытался доказать, что вера в правоту выгодного дела создает прочную привычку, а привычка рождает ненависть ко всем, кто разрушает веру в эту привычку и в успех начатого дела, бизнеса. Каждый человек, говорит Пирс, имеет право думать и действовать так, как ему нравится и как ему выгодно, ибо обязательных истин, объективных мнений или обязательной веры для всех нет.

Свой метод упорства прагматисты дополняют еще «методом авторитета». Это им понадобилось для того, чтобы не дать никому возможности сомневаться в вечности капитализма.

«Метод авторитета» у прагматистов — не авторитет науки и народных масс, а авторитет американских экономистов, политиков, идеологов.

Исходя из своей субъективно-идеалистической и сенсуалистской теории познания, прагматисты отвергают объективную истину, объективные законы действительности. Действительность, по Джемсу, является «субъективным потоком наших ощущений». Они — ни истинны, ни ложны. Ложными могут быть, по утверждению Джемса, только теории, претендующие на объективную истину. В основе наших представлений о действительности лежат наши субъективные ощущения. Действительность — это

только совокупность прежде усвоенных и принятых на веру «истин». Таким образом, у прагматистов, как и у махистов, ощущение — творец действительности.

Непознаваемая «вещь в себе», по Джемсу, «есть действительность, которую нельзя найти». Она лишь «комплекс субъективных ощущений», нечто темное и неуловимое, какой-то чисто идеальный предел нашего мышления, созданный комплексом наших ощущений.

Положение прагматистов «нет объекта без субъекта» есть, по существу, «теория» принципиальной координации Авенариуса. Для обмана масс Дьюи решил «поправить» Авенариуса и ввел свой собственный термин «принцип непрерывности». Этот принцип означает не только неразрывную связь субъекта и объекта, но их неразличимость: субъект переходит в объект, и, наоборот, объект переходит в субъект, так что ни тот, ни другой не поддается четкому определению.

Лучшим опровержением этого путаного субъективно-идеалистического принципа Дьюи является ленинская критика «принципиальной координации» Авенариуса и всего махизма.

Идеалистический характер гносеологии прагматизма ярко виден на примере понимания им объективной истины, общественной закономерности и причинности. «Истинная, — писал Джемс, — говоря кратко, это просто «удобная» в образе нашего мышления, подобно тому, как «справедливая» — это лишь «удобная» в образе нашего поведения».

Субъективно-идеалистически истолковывают прагматисты и опыт. Они сводят его, как и все махисты, к сумме человеческих ощущений, переживаний, восприятий.

Наши знания о природе и обществе, говорят прагматисты, субъективны с начала и до конца. Реки ли образуют берега или наоборот? Ходит ли человек больше правой или левой ногой? И то и другое будет истинным. Понятие истины, закона, причины, вещи, по Джемсу, дело нашего полного произвола. «Мы по своему произволу делим поток чувственного опыта на вещи». «За фактами не скрывается ничего». Человеческий опыт, по Джемсу, «как целое, философы называют реальностью, миром, природой»¹. Таким образом, по учению прагматизма вы-

¹ У. Джемс. Прагматизм. Спб., 1910, стр. 151, 161, 139, 59.

ходит, что на субъективном опыте и строится все наше познание (чувственное ощущение и понимание его).

Мир в понимании прагматистов — это нечто рассеянное и разбросанное в виде бесчисленного множества единичных вещей. Всеобщая объективная связь и взаимосвязь явлений природы и общества совершенно отрицаются. Прагматистами все идеалистические теории объявляются равноценными. Они принципиально не считают возможным опровергать агностицизм, религиозную мистику и т. д., так как не существует объективных истин ни у кого.

Профессор А. И. Гагарин в своей неопубликованной рукописи о прагматизме указывает, что подобно тому как языческий древний Рим думал сплотить в «едином пантеоне» противоречивые мировоззрения своей империи, так и англо-саксонские буржуа, поощряя наиболее беспринципную идеалистическую философскую похлебку, думают сплотить все фракции буржуазии США в борьбе против революционного пролетариата с его коммунистической теорией и практикой за господство США над всем миром во всех областях (экономической, политической и идеологической).

В идеалистическом духе искажают прагматисты и историю философии. Она для них не есть история борьбы материализма и идеализма, а продукт столкновения «человеческих темпераментов, жестокого — материалистического и мягкого — идеалистического».

«Картина мира, которую дает философ,— писал Джеймс,— зависит в первую очередь от темперамента философа. Ход этих ошибочных рассуждений таков: философ доверяет своему темпераменту и ищет философии, которая подходила бы к его темпераменту, и поэтому верит в любую картину мира, которая к нему подходит»¹.

А темперамент у прагматистов — часть неизменной природы человека, его инстинктов.

Два лагеря в философии, оказывается, существуют потому, что существуют два противоположных темперамента людей. К мягкому типу принадлежат: философы, оперирующие принципами рационализма, интеллектуалисты, идеалисты, оптимисты, верующие, сторонники свободы воли, имеющие монистическое мировоззрение и, на-

¹ У. Джеймс. Прагматизм, стр. 11.

конец, догматики. К жестокому типу относятся: эмпирики, оперирующие только фактами, материалистические сенсуалисты, пессимисты, неверующие, детерминисты, скептики и т. д.

Задача прагматизма, оказывается, заключается в том, чтобы сочетать полезные особенности этих двух различных типов мышления, зависящих от темперамента, взять выгодное у материализма и идеализма, у религии и науки, у фактов и фикции. «Я предлагаю прагматизм...— писал Джемс,— как ту философию, которая способна удовлетворить требованиям обоого рода». «Я надеюсь убедить вас, что прагматизм и есть тот средний примиряющий путь философии, который вы ищете»¹.

Свое мировоззрение прагматисты объявляют гуманистическим, последовательно человеческим, поскольку, с их точки зрения, мир есть комплекс субъективных ощущений человека. Такой «гуманизм» не имеет ничего общего с прогрессивным течением общественной мысли в эпоху Ренессанса, а тем более с марксистско-ленинским научно-социалистическим пониманием гуманизма.

В достижении поставленных целей человеком прагматизм большое значение придает вере, которую он выводит из твердой воли.

Такой иррационализм и волюнтаризм освобождает американского дельца от размышлений об объективном существовании законов развития природы и общества и развязывает руки в борьбе за личные цели любыми средствами.

Мысль у прагматистов только упрощает и экономизирует субъективный опыт, а не вскрывает законы объективного мира. «Какая-нибудь мысль истинна постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни»².

Раз нет объективного критерия истины, то любая ложь, выгодная или полезная для человека и государства, должна превратиться в истину и для других. То же самое прагматизм утверждает, например, и о вере в личного бога. «Если окажется, что религиозные идеи имеют ценность для действительной жизни, то, с точки зрения прагматизма, они будут истинны в меру своей пригодности для этого»³.

¹ У. Джемс. Прагматизм, стр. 26, 31.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 50.

Джемс не возражает против того, чтоб люди верили и в существование всемогущего бога, если это им облегчает жизнь, и неплохо, если религиозные люди думают, что они имеют право устраивать себе иногда, так сказать, «духовные вакации», считали, что колесница мировой истории катится не по собственной своей воле, что судьбы мира находятся в лучших руках, чем наши. Если понятие о боге удовлетворяет некоторых людей, то на каком же основании прагматизм будет отрицать бытие божие, облегчающее верующим людям жизнь¹.

Такой «принципиальной беспринципностью» прагматизм защищает любую другую реакционную идеологию, если она полезна и выгодна. Поэтому совершенно прав Гарри Уэллс, считающий современный прагматизм «невероятно грязным, презренным и совершенно выродившимся чудовищем... распространяющим такую вонь от разложения, что нельзя ее уничтожить никакими ароматами».

Прагматизм, откровенно заявляет Джемс, побуждает нас отвращать наш взор от разных «объективных принципов» и «категорий», мнимых необходимостей и заставляет нас считаться только с вещами, полезными для человека результатами и фактами².

Дьюи отрицает объективный закономерный процесс развития мышления, биологизирует его, отрицает общественный характер идеологии, мировоззрения. Он не видит разницы между первой сигнальной системой (рефлексами животных) и второй сигнальной системой (членораздельной речью), которая свойственна только человеку, человеческому обществу и непосредственно связана с языком и логическим мышлением. Как идеолог реакционной империалистической буржуазии, Дьюи пытался опровергнуть научные положения исторического материализма о том, что труд создал самого человека, что люди начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к существованию, что история познания есть процесс отражения объективного мира, его закономерностей, что познание развивается на основе материального общественного производства.

Прагматист Дьюи не признавал, что мышление есть

¹ См. У. Джемс. Прагматизм, стр. 51, 54, 55.

² См. там же, стр. 39.

отражение объективного мира в мозгу человека, для него мышление есть субъективная моторная реакция, которая может только помогать в самых элементарных случаях, например, когда надо найти дорогу, разобраться в карте и т. п.

Как агностики, прагматисты, подобно русскому махисту Богданову, критерием истины считают так называемый коллективный опыт, «сознание рода», сводя его к сумме субъективных ощущений. Нам хорошо известна ленинская критика «эмпириомонизма» Богданова: субъективный идеализм не перестает быть субъективным идеализмом оттого, что вместо индивидуального «опыта» взят коллективный опыт.

Прагматисты советуют всецело полагаться на «сознание рода» и на «интуицию».

Законы логики, по Дьюи, не отражение объективных явлений действительности, а лишь «инструменты» для достижения утилитарных целей человека. Законы логики, таким образом, теряют относительную самостоятельность и объективность, не являются обобщением исторической и научно-экспериментальной практики человечества, они лишь акт субъективно-биологического приспособления, утилитарно-полезной реакции физиологических и технических процессов. Логическое суждение — это категория только субъективно-полезного действия, биологический рефлекс, а не научная абстракция. Так логика из науки превращается в софистику, в словесную эквилибристику, лишнюю объективного значения.

Логика мышления, по Дьюи, объективно не отражает причинности и закономерности объективной действительности, а произвольно толкует ее и делает из нее лишь субъективно-полезные человеку или группе людей выводы. Догматически оперируя рассуждениями в духе абсолютного релятивизма и используя слабые места элементарной логики, прагматическая софистика дает возможность доказать, что, например, капитализм, религиозные чувства вечны, что инстинкт и интуиция выше научных обобщений и выводов.

Прагматисты не прочь выдавать свою софистику за диалектику. Они готовы назвать и иногда называют и софистику «диалектическим методом». Они готовы по-критиковать «традиционный британский эмпиризм» и его метафизический метод и формальную логику, несколько

пококлетничать и с диалектическим методом Гегеля и по-критиковать «теорию равновесия», но тут же делают шаг от Авенариуса к Маху и объединяют два метода неопозитивизма (идеалистический субъективный эмпиризм и рационализм) на началах «плюрализма» (множественности).

Вот почему и махисты и представители контрреволюционного троцкизма за рубежом считают прагматизм наилучшей для них космополитической методологией.

Коклетничанье с «диалектикой» понадобилось американским прагматистам для того, чтобы хоть несколько приукрасить уже явно неприглядный ползучий эмпиризм и механицизм, обмануть рабочий класс и передовую интеллигенцию, переходящих на сторону материалистической диалектики марксизма-ленинизма, вырвать пролетарские массы из-под влияния диалектико-материалистического мировоззрения. Прагматисты прекрасно понимают, что в наше время расстановка классовых сил коренным образом изменилась в пользу мировой социалистической системы, что философия марксизма-ленинизма стала общепризнанным мировоззрением трудящихся масс во всем мире, что механицизм, метафизика и идеализм в науке и на практике терпят крах, что современная наука и общественная практика добились величайших успехов в области познания объективной действительности. Все это заставляет прагматистов говорить на «диалектическом языке». Но диалектика прагматизма ничего общего не имеет с материалистической диалектикой марксизма.

Прагматизм во всех его формах является мировоззрением двух главных буржуазных партий американского империализма (демократической и республиканской).

Враги демократии, враги диалектического и исторического материализма, теории научного социализма охотно используют прагматизм. Они пытаются прагматической софистикой сбить с толку мелкобуржуазные слои населения, не желающие находиться в плену у буржуазной и клерикальной идеологии и стихийно сочувствующие социалистическим взглядам.

Прогрессивные силы Америки все больше и больше понимают антинаучный характер прагматизма и открыто становятся на сторону диалектического материализма. Г. Уэллс в своей книге «Прагматизм — философия импе-

риализма» пишет: «Диалектический материализм — животворная, прогрессивная философия восходящего революционного класса, его историческое предназначение — навсегда освободить себя и весь народ от эксплуатации и гнета, от фашизма и войны и установить мир, демократию и социализм»¹.

Всемирно-историческая заслуга в разоблачении прагматизма, его субъективно-идеалистической и реакционной сущности, классовых и гносеологических основ принадлежит великому гению человечества В. И. Ленину. Его всесторонняя и глубокая критика махизма и прагматизма вооружила коммунистические партии всех стран на борьбу против современной буржуазной философии и помогает правильно оценивать различные идеалистические «теории» познания, снимать с буржуазных идеологов давно истрепанные философские «шляпы», выдаваемые ими за последнюю моду.

Идеалистической является также теория познания и другой разновидности современной буржуазной философии — семантики, семантизма или семантического идеализма. Обычно с семантикой связывают два понятия: 1) отрасль лингвистики, изучающей смысловую сторону слов и выражений, отношений между словами и объектами, выраженными в этих словах; 2) идеалистическая философия.

Как философское течение, семантика выступает в качестве крайнего субъективного идеализма махистского типа, как разновидность неопозитивизма. Она делится на две группы:

1) «академическая» семантика, логический позитивизм или просто семантика и 2) «общая» семантика.

Наиболее видными представителями «академической» семантики считаются Карнап, Франк (США), Рассел, Айэр, Ричардс, Огде (Англия) и др. Виднейшими представителями «общей» семантики считаются Коржибский (бывший польский граф, умер в США в 1950 году), Чейз и др.

Сами семантики считают, что «академическая» семантика относится к философии языка и теории познания, а «общая» семантика — к эмпирическим наукам (физика,

¹ Г. Уэллс. Прагматизм — философия империализма, М., 1955, стр. 268.

химия и т. д.). Основатель семантики Коржибский называл ее основной наукой о человеке.

Семантическая философия ныне широко рекламируется в капиталистических странах как «последнее слово» философской мысли, как «величайшее открытие», как «новая эра» в истории философии, как «революция» в процессе мышления, как универсальный метод всех наук и т. д.

В капиталистических странах семантика стала философской заразой. К ней стали обращаться даже многие прагматисты. Огромный интерес империалистов к семантике объясняется тем, что она, пренебрегая научной совестью, разумной человеческой мыслью, целиком стала на защиту современного империализма.

Семантики говорят, что все социальные бедствия являются следствием отсталости современного языка, неправильного употребления слов. Чтобы устранить социальные бедствия, советуют семантики, надо лишь усовершенствовать язык, провести в нем реформу, устранить из него такие слова и выражения, как «империализм», «агрессия», «безработица», «эксплуатация», «коммунизм», «материализм» и т. д., оставить в словарном фонде языка выражения и понятия, служащие интересам империализма, такие как «религия», «бог», «вера» и т. д. и т. п.

Свою философию семантики выдают не только как социологическое учение, но и как теорию познания. В. И. Ленин подчеркивал, что буржуазная философия в эпоху империализма специализируется на фальсификации гносеологии. В связи с этим он указывал, что при рассмотрении буржуазных философских течений необходимо разоблачать гносеологические доводы и показывать их классовые цели.

Семантическая философия исходит целиком и полностью из положений субъективного идеализма, но пытается придать им более современный вид. Если позитивизм, махизм отрицали объективную реальность, данную в ощущениях, существующую независимо от нас, и задачу науки усматривали в анализе связи между представлениями и ощущениями, в установлении законов связи между ними, то семантики делают попытки формализовать логику и соединить эту формализованную логику (логику) с позитивизмом. Поэтому в отличие от по-

зитивизма, махизма — эмпириокритицизма — она получила название логического позитивизма. Однако следует подчеркнуть, что разницы между семантиками и эмпириокритиками почти нет. Они сами признают прямую связь своей философии с махизмом. Например, Франк писал, что логический позитивизм свои исходные пункты берет у Маха.

Вместе с этим логические позитивисты стараются доказать и оригинальность своей философии. Тот же Франк хвастливо заявлял, что их философию нельзя путать с идеалистическими или солипсическими доктринами, ибо она считает вопрос о существовании реального мира псевдопроблемой, которой заниматься не следует. Надо сказать, что в этой философской махинации семантиков нет ничего нового. Нам хорошо известно, что субъективный идеализм неизбежно ведет к солипсизму, ибо отрицание объективности материального мира и признание его совокупностью субъективных ощущений, представлений и т. д. неизбежно приводит к отрицанию реальности существования окружающих людей, к признанию только своего великого «Я».

Заявления семантиков о том, что и основной вопрос философии, как мы увидим дальше, есть псевдопроблема и т. д., есть типичная претензия махистов на роль создателей «новой», «третьей линии» в философии.

Одни утверждают, что такие понятия, как «вещь», «объект», «отношение», «факт», «процесс», «действие», «пространство», «время», «количество», «качество», «свойство», пустые, беспредметные и лишенные смысла слова. «То, что мы вынуждены пользоваться этими словами, — говорит Карнап, — есть лишь результат несовершенства языка слов, т. е. его неудовлетворительной синтаксической структуры».

Теоретический смысл этого тезиса сводится к тому, чтобы искоренить основные понятия естествознания, составляющего неизбежную опору материалистического миропонимания.

Кроме того, борьба против универсальных понятий имеет и политическую направленность, откровенно высказанную одним из горячих пропагандистов семантики Стюартом Чейзом, которого среди философов считают экономистом, а среди экономистов — философом. «Что такое «стоимость», на которой держится все экономиче-

ское построение Маркса?»— спрашивает Чейз и заявляет: «Стоимость, как нечто отличное от цены и стоящее над нею,— это мистическое понятие». «Стоимость столь же неуловима, как «Всемогущий». А капитал, капитализм, монополия, тресты, собственность — разве это не пустые абстракции?»— продолжает Чейз.— Безработица,— говорит он,— это не вещь. Вы не можете доказать, что она существует иначе, как в виде слова».

Если Карнап с помощью неонминализма еще стремится поддержать основные категории физической науки, то Чейз из кожи лезет вон, чтобы тем же способом подорвать основные понятия общественных наук.

Но этим дело не ограничивается. Если научные понятия это лишь «псевдопонятия», то, как уверяют семантики, основанные на них суждения являются «псевдосуждениями» или, по терминологии Карнапа, «квазисинтаксическими предложениями», то есть «предложениями, которые по внешнему виду как будто отвечают требованиям синтаксиса, но на деле лишены всякого смысла». Такими «псевдосуждениями» семантики объявляют все суждения, относящиеся к материальной действительности. На их субъективно-идеалистическом языке такое суждение называется «метафизическим».

«Ни одно утверждение,— заявляет семантик Альфред Айэр,— относящееся к «реальности», выходящей за границы всякого возможного чувственного опыта, не может иметь никакого подлинного значения. Отсюда следует, что работы всех тех, кто стремился описать такого рода реальность, были посвящены производству бессмыслицы». Иначе говоря, реальны только данные «чувственного опыта», то есть субъективные ощущения, а все научные суждения, описывающие объективную реальность,— это лишь «производство бессмыслицы», «псевдосуждений».

«Развенчав» таким образом «псевдопонятия» и «псевдосуждения», семантики принимают за «псевдопроблемы». Оказывается, что большинство вопросов, над которыми сотни лет бьются философы, вовсе и не вопросы, а «псевдовопросы» и разрешить их не удастся потому, что вопросы эти нелепы, бессмысленны. Возникли же они отнюдь не в силу исторических потребностей или общественных задач, а просто в результате несовершенного языка.

Приведем два примера семантического анализа «псевдопроблем».

Основоположник английского неореализма Мур ставит глубокомысленный вопрос: «можно ли верить, что Земля существовала много лет назад?» И отвечает: «Все это зависит от того, что вы разумеете под словами «земля», «существовала» и «лет». Если вы разумеете под ними то-то, то-то и то-то, тогда можно верить, но если вы разумеете под ними то-то, то-то и то-то или то-то и то-то, тогда нельзя верить или, по крайней мере, это является весьма сомнительным».

Другой пример. Согласно Карнапу, вопрос о том, существует ли бог, не является бессмысленным, но он не является также вопросом о фактах, это лишь вопрос о выборе словоупотребления. Ответ на вопрос: «существует ли бог?» — таков: «Да, если в вашем языке есть слово «бог», нет, если в вашем языке его нет».

Основная цель семантической шумихи о «псевдовопросах» — запутать читателей в основном вопросе философии, вокруг которого все острее идет борьба материалистов с идеалистами.

Если все суждения, относящиеся к материальному миру, являются бессмысленными, выражают лишь неспособность нашего языка описать чувственные ощущения, то, по словам Айэра, «нет философского вопроса об отношении духа к материи, есть лишь лингвистический вопрос об определении некоторых символов, обозначающих логические конструкции в терминах символов, обозначающих содержание ощущений».

Предположим, говорит Карнап, что позитивист придерживается тезиса: «Вещь есть комплекс ощущений», а реалист — тезиса: «Вещь есть комплекс атомов». «Тогда возникает бесконечная дискуссия по поводу псевдопроблемы, чем же вещь является на самом деле... Разногласия же между позитивизмом и реализмом — праздный спор относительно псевдотезиса, который всецело обязан своим возникновением материальному строю речи».

Карнап хочет внушить читателю мысль, что противоречия между материализмом и идеализмом — не противоречия мировоззрений, а лишь противоречия терминологии, «строая речи». Достаточно осознать несовершенство «материального строя речи» и перейти к ее «формальному строю» — и основной вопрос философии бесследно ис-

чезнет. Неореалисты, как и Беркли, заявляют, что материальной действительности нет, а есть только субъективный опыт людей. Человек познает не природу или общество, а свое собственное сознание. Так реальная действительность сводится к мысли, к понятиям, представлениям. Мур откровенно заявляет, что он не видит никакой разницы между идеями и реальными предметами, реальные предметы тождественны идеям. Следовательно, содержанием сознания являются идеи. Вне сознания ничего нет и не может быть.

Не трудно понять, что неореалисты полностью солидаризируются с имманентами.

По мнению Франка, такие слова, как «материя» и «дух», имеют значение только для языка повседневной жизни. Поэтому философия не должна заниматься вопросом, что является первичным и что вторичным — материя или дух, бытие или мышление, природа или сознание. Уместно напомнить семантикам, что еще родоначальник английского материализма Бэкон сравнивал лжеученых, подобных неореалистам, подчиняющих знание религии, с людьми, заболевшими водянкой: внешне они кажутся здоровыми, а на деле их мучает смертельный недуг.

Все маневры семантиков вокруг основного вопроса философии выражают их бессилие. Они не в силах опровергнуть материалистическое решение основного вопроса философии и делают обходный маневр: путем лингвистических трюков стараются обойти материалистические позиции с фланга, избежать борьбы по основному вопросу философии. Надо сказать, что эта особенность не только одних семантиков, а всего современного идеалистического лагеря. Об этом боятся говорить современные буржуазные философы. Лишь Айэр прямо заявил: «До тех пор, пока мы продолжаем рассматривать этот вопрос, как относящийся к фактам, для нас невозможно его опровергнуть... Факты не исключают возможности придерживаться мнения, что все воспринимаемое нами — материальные вещи».

Отсюда родился замысел — не принимать боя на поле фактов, объявить разногласие материалистов и идеалистов не фактическим, а лингвистическим, спором о словах. Как и их идейные родители — махисты, семантики отрицают объективную истину. Они считают, что не может быть истины, не зависящей от субъекта, что истина

существует в опыте человека. Истинность или ложность любого высказывания должна проверяться в опыте. А опыт они понимают как комбинацию, комплекс субъективных ощущений.

Критерием истины у семантиков является не общественно-историческая практика, а то или иное словоупотребление языка, согласованность предложений друг с другом.

Укажем еще на одну особенность гносеологии семантического идеализма — на релятивизм. Подобно тому, как некоторые махисты ведут проповедь субъективного идеализма под флагом релятивизма, так и семантики считают себя релятивистами, положив его в основу своей теории познания. В качестве одного из афоризмов для журнала они приводят слова: «Мы видим вещи не такими, какими они являются, а такими, какими являемся мы». Такой релятивизм есть худший вид субъективизма и софистики.

Мы уже говорили, что семантический идеализм крайне реакционная разновидность махистского типа. Но в отличие от махистов логический позитивизм представляет собой более хитрую и утонченную форму маскировки субъективного идеализма. Для анализа предложений они широко пользуются, кроме математики, сложной логической техникой и в итоге приходят к выводу, что сущность философии заключена в логике. Это попытка уйти от прямой постановки философских проблем и за логикой спрятать сущность своей философии.

По мнению семантиков, философия не должна касаться ни онтологической, ни теоретико-познавательной сторон философии. На вопрос о том, что является объектом исследования физических наук, Франк отвечает так: «Только комбинация и отношения между словами, логическими правилами и операциональными определениями составляют науку физики».

Внимательное изучение семантического идеализма, анализ его философских основ убеждает нас в том, что это есть не что иное, как реставрация схоластического «номинализма» средневековья.

Известно, что в период средневековья, когда богословие господствовало во всех областях умственной деятельности, философия была заточена в монастырь, основными схоластическими направлениями философии были

«реализм» и «номинализм». Эти два направления спорили между собой в основном по вопросу об универсалиях, то есть об общих понятиях. Реалисты считали, что реально существуют лишь общие понятия, независимо от существования отдельных вещей. Более того, они утверждали, что понятия «человек» вообще или «дом» вообще, или «красота», как таковая, были ранее, до существования отдельных людей, домов и т. д. Отдельные вещи являются лишь частными проявлениями, иллюстрациями общих понятий. «Номиналисты» занимали противоположную позицию. Они полагали, что реально существуют лишь отдельные чувственные вещи; что же касается общих понятий, универсалий, то это только пустые слова, звуки, колебания голоса, им ничего не соответствует в объективной действительности. Для своего времени «номинализм» был прогрессивным учением, ибо он исходил из реального существования объективного мира, конкретных вещей, их качеств и различных сторон. Поэтому и Маркс называл номинализм первым выражением материализма в средние века.

Семантический идеализм является, по существу, модернизированным схоластическим «номинализмом», но вместе с тем он имеет существенные отличия от средневекового «номинализма». Элементы материализма заменены в нем самым оголтелым субъективным идеализмом, и острием своим он повернут не против схоластического «реализма», а против материализма, против материалистической теории отражения и против научного логического мышления вообще.

Заблуждение схоластического «номинализма», если оставить в стороне его религиозный характер, состояло в том, что он отрицал объективную основу абстракций и не понимал гносеологического значения последних. «Номиналисты» были правы, когда они отрицали существование общего до вещей и вне вещей, но они заблуждались, скатывались к идеализму, когда отрицали реальную основу общих понятий.

С тех пор прошло много времени, и проблема логической абстракции получила правильное научное решение на почве материалистической диалектики, в ленинской теории отражения. Казалось бы, современная человеческая мысль не может отрицать познавательного значения абстракций. Однако семантический идеализм, пропове-

дую тезис о том, что общим понятиям в действительности ничто не соответствует, выступает против познавательного значения абстракций, грубо извращает их роль.

Надо сказать, что в этом отношении семантики близки стоят к прагматистам, которые также отрицают роль абстракции.

Вся эта философская бессмыслица имеет весьма определенный политический смысл. С ее помощью делаются попытки доказать, что все экономические и политические неурядицы происходят вследствие взаимного непонимания людей, которое есть результат несовершенства их средства общения — языка.

Ричард Норз пишет: «Новая наука объявляет, что все бедствия земной жизни человечества являются в значительной мере, если не главным образом, результатом неспособности людей понять друг друга, и эта наука утверждает, что исцеление может быть достигнуто, если и не сразу, то сравнительно быстро, улучшением средств общения» (имеется в виду язык).

«Большая часть вины за все почти бедствия, от которых страдает человечество,— продолжает Норз,— ложится на неудовлетворенность языка, как средство общения. Подозрительность и взаимное недоверие международной дипломатии, глупое расчленение общества на разобщенные группировки с антагонистическими интересами, несправедливое распределение мировой продукции среди населения, безработица, грубые ошибки государственных деятелей, анархизм законодателей, неисчислимая потеря времени и энергии, чудовищные ужасы войны — все это объяснимо, если не всецело, то главным образом одной этой причиной».

А вот что говорит об этом Коржибский: «В личной жизни лингвистические неполадки ведут к внутренним патологическим конфликтам; они влекут за собой семейные неурядицы и неудовлетворенность и тем самым нервные расстройства; в общественной жизни они приводят к политическим распрям и революциям,... в международных отношениях они влекут за собой взаимное непонимание, подозрения, невозможность достигнуть соглашения, войны — мировые, торговые».

Разбирая произведение Марка Твена «Принц и нищий», Шиллер приходит к заключению, что между принцем и нищим разницы нет, если только нищему ночью

приснится, что он принц, а принцу приснится, что он нищий, так как сон подобен действительности и, наоборот, действительность подобна сну.

Рабочим, безработным, фермерам, неграм, колониальным народам Чейз рекомендует не бороться за свои права, а штудировать Коржибского, Ричардса, Огдена. И тогда, мол, пролетарии поймут, что они вовсе не пролетарии, а капитализм вовсе не капитализм, что «классы», «классовая борьба», «капитал», «капитализм» и прочее лишь бессмысленные абстракции, пустые слова.

Все это похоже на то, как «Одному bravому человеку пришло однажды в голову, что люди тонут в воде только потому, что они одержимы *мыслью о тяжести*. Если бы они выкинули это представление из головы, ...то они избавились бы от всякого риска утонуть»¹.

Современная буржуазная философия стремится к тому, чтобы отвлечь внимание людей от объективной реальности, общественной жизни, классовой борьбы. Еще Кант писал, что назначение философии заключается в том, чтобы устранить смуту, превратить политическую агитацию в философское движение, то есть в движение абстрактное, оторванное от общественной жизни. Вот к этому и стремятся семантики.

Согласно ленинской теории отражения, научная абстракция, в процессе которой образуются общие понятия, выражаемые в научных терминах, является отражением объективной действительности, причем отражает она ее глубже, вернее, полнее, чем это способны сделать одни лишь ощущения. Абстракция, если она является действительно научной, не отрывает нас от действительности, не уводит от нее, а, наоборот, вводит в глубь объективной реальности, в ее недра, раскрывает перед мышлением существенные закономерности, внутреннюю структуру материального мира, отражает реальное, существующее в самих вещах.

Ложное, релятивистское положение семантики об абсолютной неопределенности значения слов полностью опровергается диалектическим материализмом, марксистско-ленинским учением о языке. Язык есть общественное явление, его возникновение и развитие связано с историей общества.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 12.

Если бы каждый человек по своему усмотрению вкладывал, как это утверждают семантики, то или иное содержание в слова, то не было бы единого языка для общества, оно развиваться не могло бы, люди не могли бы общаться между собой, обмениваться мнениями, следовательно, познавать и использовать силы природы. Они не могли бы развивать способ производства материальных благ, творить и развивать духовную культуру.

Отрицание Беркли познавательного значения абстракции, замечает В. И. Ленин, не является случайностью, а исходит из его основных гносеологических установок. По Беркли, как мы знаем, объект и ощущение — одно и то же, следовательно, они не могут быть даже мысленно отличены друг от друга. И семантики, как и все субъективные идеалисты, не признают объективного существования самих предметов, их качеств и свойств.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин писал, что в отличие от дикаря сознательный человек выделяет себя из природы и познает её, овладевает ею при помощи категорий.

С помощью абстракции человек одновременно анализирует и синтезирует явления. При анализе мы выделяем из определенного комплекса качеств и свойств предметов небольшое количество качеств и свойств, присущих всем предметам, отбираем некоторые из них, располагаем их согласно их значению, удерживая только наиболее существенные. При синтезе же мы собираем и связываем в одном понятии те свойства предметов, которые им присущи.

Ленинская теория отражения учит, что абстрактное и конкретное диалектически взаимосвязаны. Абстракция возникает на основе конкретного, исходит из него. Научные понятия суть результаты абстракций, отражающих предметы объективной действительности.

«Логические понятия,— писал Ленин,— субъективны, пока остаются «абстрактными», в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи в себе... Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹.

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 180.

Таким образом, ленинская теория отражения помогает нам в критике семантической философии, отрицающей познавательное значение научных абстракций.

Блестящим опровержением семантического поветрия является учение И. П. Павлова о второй сигнальной системе. Слово ориентирует человека в окружающем мире, оно выступает как материальная оболочка мысли и в отличие от материальных раздражителей обобщает множество других раздражителей. В этом смысле слова по сравнению с первой сигнальной системой вторая имеет большое познавательное значение.

Человек познает предметы, обозначаемые словом. Поэтому оно вызывает такие же действия и реакции организма, как и материальные раздражители, оно «заменяет» их. Не случайно И. П. Павлов говорил, что слово и ощущение являются сигналами. Ощущение, будучи образом, копией действительности, играет известную роль в поведении человека. Но у человека, как учит диалектический материализм, на основе первой сигнальной системы в связи с развитием труда и общественной жизни появились, развились и чрезвычайно усовершенствовались сигналы второй степени, сигналы этих первичных сигналов — в виде слов, произносимых и слышимых. Эти сигналы не просто символы, условные знаки, а образы самой действительности. Они, как писал И. П. Павлов, представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше личное, специально человеческое, высшее мышление, создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а наконец и науку — орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и в себе самом»¹.

Вторая сигнальная система действует при тесной взаимосвязи с первой, вносит существенные изменения в нее, пронизывает ее работу.

И. П. Павлов указывал, что человек прежде всего воспринимает действительность через первую сигнальную систему, затем он становится хозяином действительности через вторую сигнальную систему. Кроме того, вторая сигнальная система лежит в основе воздействия, оказываемого на другого человека посредством слов. Благодаря языку люди и общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания.

Благодаря языку мысли человека становятся объектами для других и в то же время для самого себя. Человек научился понимать себя постольку, поскольку он научился понимать других.

«Человек,— пишет Маркс,— сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку»¹.

* * *

Модным течением буржуазной философии является экзистенциализм, виднейшим представителем которого считается Жан-Поль Сартр во Франции.

Экзистенциализм имеет свои идейные истоки, которые тянутся от XVII века, от религиозного деятеля Бернарда Клеровского. Экзистенциализм возник в Германии после первой мировой войны. Инициаторами его были профессора философии Кепдеггер и Ясперс — ученики создателя феноменологической школы Гуссерля. Оттуда он стал распространяться и в другие европейские страны после прихода к власти Гитлера. К концу второй мировой войны экзистенциализм временно сошел со сцены, но после этого он снова возродился, особенно во Франции, где во второй половине 40-х годов была создана для него широкая реклама как философии, направленной против марксизма, коммунизма.

Основной философской посылкой экзистенциализма является утверждение о том, что существование предшествует сущности. Это значит, что существование объявляется лишенным сущности, а следовательно, лишенным внутренней необходимой связи между явлениями, их причинно-следственной зависимости, их общности, законосообразности и закономерности.

Сартр открыто заявляет, что нет никакого единства мира. Следовательно, он отрицает его материальность, объективность его разнообразных качеств и свойств. Бросая вызов марксизму, он заявляет: «Не определите ли вы мне точно и ясно, что вы понимаете под причинностью? В тот день, когда вы мне это объясните, я уверую в марксистскую каузальность». Отрицая материальное единство мира, Сартр говорит: «Диалектика не по-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 59.

стижима объективному миру, что поэтому Маркс, решивший поставить гегелевскую диалектику на ноги, якобы тем самым вовсе убил ее. Такое понимание диалектики Маркса Сартром есть клевета на Маркса, ибо Маркс, как известно, поставил диалектику Гегеля с головы на ноги и тем самым не убил ее, а очистил от идеалистической шелухи и придал ей научный вид.

Один из основных тезисов экзистенциалистов гласит: «Существую полностью для себя». Экзистенциалисты рассуждают: существующий всегда связан только с собою и находится в беспечной тревоге о самом себе; каждое существование есть нечто отдельное, изолированное от всего мира; существование есть бытие вне всякого другого; существование — это дистанция между мною и другим. Существующий индивидуум вращается вокруг своих возможностей, он — проект, он — выбор, свобода, единичность, истина, субъективность, он — парадокс, говорят экзистенциалисты. Человек — это единичность, субъективность, это некое биологическое существо, вне истории, вне общества. Такова «реальность бытия» экзистенциализма, таково отправное положение этого «учения».

Основные положения экзистенциализма таковы: 1) существующий случайно заброшен в мир, он — бытие в мире, он пребывает в тоске и тревоге; 2) существование и разум непримиримо враждебны; чем меньше размышляю, тем больше существую; 3) существование случайно и все в мире случайно, а поэтому необъяснимо; добро и зло, свобода и угнетение как проявления существования одинаково имеют право на бытие; 4) человек способен познать действительность; 5) науки не способны вскрыть сущность вещей.

Экзистенциализм противопоставляет материализму «феноменологический метод» Гуссерля. Это — попытка прикрыться новой этикеткой, на деле протащить эклектику, смешения субъективного и объективного идеализма. «Открытием» экзистенциализма является то, что он признает наличие сущности в вещах и отрицает наличие сущности у человека. Сущность человека в его существовании, говорят они, существование не связано с сущностью.

К. Маркс в тезисах о Фейербахе писал: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному инди-

видууму. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений».

Поставленное экзистенциализмом вне общества «реальное существование», конечно, не имеет сущности. Он не имеет и существования. Это не живой человек, а скорее всего миф.

Экзистенциализм противопоставляет себя классической идеалистической философии. Классики, мол, искали истину, годную для всех времен. Платон и Декарт хотели найти нечто стабильное и универсальное, Гегель выдвинул идею развития, движения. Для Гегеля человек — часть общества, а общество — часть человечества. Экзистенциалисты отвергают эти идеи. Для них истина в субъективности. Объект существует сам по себе, а не как часть чего-то. «Я не ищу универсальной истины,— писал один из экзистенциалистов Кьеркегор,— а истину для себя».

От других идеалистических течений экзистенциалисты выделяются крайним иррационализмом и обскурантизмом. Они не интересуются философией природы; в центре внимания у них «личность» и ее «свобода», причем, как мы уже видели, это личность «вообще», миф и «свобода» этой личности тоже мифические. Основными категориями этой философии являются тревога, страх, отчаяние, тошнота, одиночество, грех, смерть, небытие, поражение, двусмысленность. Это философия гибнущего класса.

Экзистенциалисты проповедуют: люди знают только то, что произошло, но им не дано знать причины исторических событий, так же как не могут они знать и предвидеть дальнейшее развитие истории. Они могут понять лишь то, что произошло и находится в прошлом. Познание приходит позднее переживаний; мы познаем то, что лежит за нами, а живем тем, что лежит впереди нас. Вот эта противоположность и делает для нас бытие иррациональным. Проблема познания недоступна для решения. Вопрос познания решается экзистенциалистами путем снятия самого вопроса: человек должен верить в бога, истина в вере, а не в науке.

Объектом своих рассуждений они сделали исключительно духовный мир. Но к этой стороне жизни человека они подошли не как философы, а как религиозные фана-

тики. Жизнь человека, писал Кьеркегор, пронизана отчаянием, страхом, тоской, эти чувства лежат в основе жизни каждого и вызываются разными причинами, в зависимости от степени религиозных чувств человека. С этой точки зрения, люди находятся на различных ступенях развития: на низшей ступени находится «эстетик», не задумывающийся над тем, чтобы спасти свою душу, а отдающийся наслаждениям, которые ему дает жизнь. К этой категории Кьеркегор относит подавляющее большинство людей. За «эстетиком» по степени религиозности следуют «ироник», «этик», «юморист», «религиозный» и, наконец, «христианин». Независимо от степени их религиозного чувства все они испытывают отчаяние и тоску, причем эти чувства углубляются по мере возрастания религиозности субъекта. Эстетик смотрит с отчаянием на бесплодность своей жизни, люди религиозные испытывают тоску от сознания несоизмеримости конечного и временного существования с вечностью. Чем религиознее человек, тем острее эти чувства, но тем и яснее сознание, что противоположность между временем и вечностью уничтожается переходом временного в вечность, то есть смертью.

«Жизнь для меня горький напиток,— пишут они,— принимать который приходится подобно каплям, медленно по счету». «Никто не возвращается из царства мертвых, никто не является на свет без слез, никто не спрашивает тебя, когда ты хочешь появиться, никто не спрашивает, когда ты желаешь уйти»,— говорит Кьеркегор. «Придите ко мне, сон и смерть; одни вы, ничего не обещая, все исполняете». «Я связан цепью, сплетенной из мрачных фантазий, тревожных снов, беспокойных дум, жутких предчувствий и безотчетных страхов».

Смысл всех этих высказываний — ненужность, нелепость жизни на земле, зов к смерти. «Как жизнь пуста, ничтожна,— восклицает экзистенциалист.— Хоронят человека, провожают гроб до могилы, бросают в нее горсть земли и утешают себя тем, что еще долгая жизнь впереди. А что такое в сущности 8 или 10 лет? Отчего бы не покончить сразу, не остаться на кладбище всем, бросив жребий, на чью долю выпадает несчастье быть последним и бросить последнюю горсть земли на могилу последнего усопшего?»

Христианские экзистенциалисты открыто проповедуют поповщину и мистицизм, а так называемые атеисты-экзистенциалисты делают то же самое, но с оговорками и с оглядкой. «Атеизм» экзистенциалистов — лишь тактический прием, о котором Сартр довольно откровенно писал: «Сегодня французский экзистенциализм сопровождается декларацией атеизма, но это вовсе не необходимо».

Экзистенциалисты отрицают познаваемость мира. Познание неспособно раскрыть загадки природы, утверждал Гуссерль, а если теория познания все же хочет исследовать отношения между сознанием и бытием, то она должна иметь в виду бытие, как отражение сознания. Он проводил резкую грань между фактом и сущностью. Факты случайны, но все они связаны с чем-то общим, что их объединяет и является их сущностью, идеей. Факты изучаются науками, и тщетно в них науке искать истину, так как истина не факт, то есть не нечто определенное во времени. Истина вечна и не связана ни временем, ни пространством. Такую «чистую» истину можно найти созерцанием или интуицией. Экзистенциализм пытается противопоставить материализму феноменологический метод Гуссерля, этот «метод» имеет целью открыть сущность путем внутреннего созерцания, посредством интуиции. По мнению Гуссерля, весь объективно существующий мир является продуктом «чистого» сознания, чистейшей фантазии. Сознание не является продуктом мозга, а распределено между людьми монадами — богом. Феноменология — это логика и психология верховного существа. Создание сущностей — дело сугубо субъективное. И «истина» феноменологии — субъективная истина. Феноменологический «метод» не допускает никакого движения и развития предмета, никакого общения рассматриваемого объекта с окружающим и этим полностью враждебен диалектике. Поскольку этот антинаучный метод применяется для рассуждения с «существующим», а последний рассматривается вне исторической обстановки, вне общества, можно сказать, что речь идет не о реальном существовании, а об абстрактном существовании. Этот метод дает самый широкий простор для субъективистского произвола.

Гносеологические корни феноменологической онтологии — в одностороннем преувеличении одной из черточек,

сторон, граней познания. Экзистенциалисты превращают знания в абсолют, раздувают интуицию до степени экзальтации и тем пытаются развенчать разум.

Крайний интуитивизм, иррационализм и алогизм — таковы характерные черты «феноменологического метода» экзистенциалистов.

Современные экзистенциалисты в вопросах теории познания повторяют доводы Маха и Авенариуса. Они утверждают, что наши органы чувств стоят между нами и миром и не позволяют нам познать окружающее. Сознание лимитируется только собою. Никто не является причиной сознания, оно само есть причина всего. Нет другого познания, кроме интуитивного. Познание есть наличие бытия «для себя», а «для себя» есть то ничто, что реализует это наличие.

Французский философ коммунист Роже Гароди в работе «Вопросы марксистско-ленинской теории познания» справедливо указывает, что аргументация экзистенциалистов ничем, по существу, не отличается от «доказательств» Авенариуса и Беркли; дело сводится лишь к новым словечкам. Он приводит ряд высказываний экзистенциалистов и показывает их антинаучную сущность. Так, например, один из них, Марло Понти, пишет, что «сущность сознания состоит в том, чтобы прекращать свои собственные мысли и вещи», что чувственные свойства якобы не являются результатом воздействия фактической обстановки вне организма. Все это, как видно, не что иное, как перепевы Беркли, Фихте и Маха.

Теория познания как важнейшая часть философии раньше всего указывает на объект, познаваемый ею, и на средства, пути познания. Марксистско-ленинская теория познания имеет своим объектом наиболее общие законы развития природы, общества и человеческого мышления; именно поэтому В. И. Ленин и говорил, что теория познания марксизма — это диалектика. Сознательно искажая теорию познания диалектического материализма, экзистенциализм объявляет объектом познания мнимо-реальное и выдвигает единственным средством познания неподдающуюся объективному контролю интуицию.

Так современная буржуазия в лице своих философов решительно отвергает разум и ищет выхода в иррациональном, в мифах.

2. ИЗВРАЩЕНИЕ РЕВИЗИОНИЗМОМ И ДОГМАТИЗМОМ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Ревизионизм — явление не новое, он имеет уже давнюю историю. Еще в 1914 году В. И. Ленин в своей статье «Поспешишь — людей насмешишь» писал: «Ревизионизм или «пересмотр» марксизма является в настоящее время одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазно-го развращения пролетариев»¹.

Ревизионисты всегда извращали и сейчас извращают основные положения марксизма-ленинизма. Выступая под флагом борьбы за творческое развитие марксизма, ревизионисты фактически отказываются от него.

Основные тенденции ревизионизма сводятся к отрицанию неизбежности социализма и необходимости социалистической революции, диктатуры пролетариата и классовой борьбы, отказу от конечной цели революционного движения. Ревизионизм по своей социальной природе является мелкобуржуазным политическим течением, выражением настроений и психологии мелкой буржуазии и омещанившихся слоев трудящихся, идеологическим отражением классового положения мелкой буржуазии, сочетающей в себе интересы труженика и собственника. Но в то же время у ревизионистов есть различия в методах борьбы против марксизма-ленинизма, в приемах извращения всего его учения и, в частности, теории познания диалектического материализма.

Если одни ревизионисты выступали против диалектического материализма, особенно против марксистской диалектики, как философской основы революционной теории, то другие на словах «за» диалектический материализм, даже «за» его «творческое развитие». На деле же они извращают основные принципы марксистской философии, подменяют их эклектической мешаниной из разных течений современной буржуазной идеалистической философии. Они грубо извращают и теорию познания диалектического материализма. Они считают, что материалистическая теория познания есть лишь все-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 298.

го-навсего одна из возможных гипотез, заслуживающая предпочтения.

Так, французский философствующий ревизионист А. Лефевр утверждает, будто материализм — это не научная теория, а бездоказательный постулат, который можем и принять, и отвергнуть. При этом такое понимание материализма он выдает за ленинское. Он пишет, что якобы Ленин определенно рассматривает материализм как один постулат, а идеализм как другой философский постулат.

А. Лефевр стремится разъяснить свое понимание теоретического содержания материализма. Он ставит вопрос: что такое постулат? И отвечает: это утверждение, одновременно необходимое и недоказуемое. Постулат не является ни предметом для спора, ни предметом для морального выбора, ни «вечной» альтернативой. Он определяется как теоретическое положение в области философии, вводящее философские, стало быть, общие понятия. Это чисто агностическое понимание содержания материализма.

Материалистическая теория познания, марксистское решение основного вопроса философии есть не бездоказательный постулат, а принцип, который базируется на результатах многовековой практики человечества.

Не философия навязывает материализм человеку, а, наоборот, практика вырабатывает у человека убеждение в материальности мира, его независимости от сознания, его объективности и первичности. Ревизионисты же игнорируют практику, как средство подтверждения правильности материализма. Например, один из современных ревизионистов в своей работе пишет: «Как бы мы ни были уверены в существовании материального мира, его нельзя доказать, так как доказывание является мыслительной операцией. По самой природе доказывания существование остается недоказуемым, так как оно находится вне мышления. («Вопрос о существовании внешнего мира является не вопросом теории, а вопросом практики»). В соответствии с этим онтологические положения не могут быть «точными» как математические»¹. Как и многие буржуазные философы-идеалисты, этот

¹ Цит. по кн.: «Против современного ревизионизма в философии и социологии». М., 1960, стр. 101

ревизионист существование материального мира считает недоказуемым. В той же работе он дальше пишет: «Критерием точности является внутренняя когерентность мышления, т. е. внутреннее соответствие, пока мы находимся в границах мышления, пока мы из одних положений выводим другие на основании определенных правил. Между тем в онтологических положениях делается скачок от мышления к бытию, и здесь нельзя больше говорить о точности и доказанности, а только о большей или меньшей степени подтвержденности практикой»¹.

Такое понимание критерия истины не имеет ничего общего с марксизмом.

Ревизионистское отрицание роли практики в познании блестяще опровергнуто В. И. Лениным еще в борьбе с махизмом.

В. И. Ленин писал, что «Человеческая практика доказывает правильность материалистической теории познания,— говорили Маркс и Энгельс, объявляя «схластикой» и «философскими вывертами» попытки решить основной гносеологический вопрос помимо практики»².

Именно практика, длительное развитие производства и науки доказывают правильность материализма, подтверждают его истинность.

Наряду с извращением понимания практики ревизионисты фальсифицируют и вопрос о взаимоотношении субъекта и объекта. Они, как правило, практику трактуют субъективистски, а всю окружающую действительность понимают как взаимосвязь субъекта и объекта. Смешав в кучу различные высказывания материалистов и идеалистов о практике, они пытаются дать свое идеалистическое определение практики и выдать его за марксистское. Они проповедуют наличие двух подходов к пониманию взаимоотношения теории и практики. С одной стороны, говорят они, преувеличивание роли теории, то есть линия, исходящая из примата теории над практикой, приводит к тому, что практика является лишь овеществленным образом теории. Такой подход к практике они называют идеалистическим. Тут они правы и с ними можно согласиться.

¹ Цит. по кн.: «Против современного ревизионизма в философии и социологии», стр. 102.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 126.

Но они не согласны и с материалистическим подходом к практике. Признание примата практики над теорией они называют вульгарно-материалистическим, отнимающим у человека возможность активно воздействовать на общественные изменения. По их мнению, материализм практику рассматривает независимо от теории. А ведь теория, говорят они, это та же практика, отраженная в сознании автора теории соответственно его позиции в социальном движении и конфликтах.

Что ревизионисты субъективистски понимают практику, это видно из их высказываний. Вот что пишет один из видных ревизионистов по этому вопросу: «С точки зрения последовательного марксистского диалектического материализма в философии надо исходить из практики, которая является объективным и субъективным, материальным и психическим процессом. К понятию объекта мы приходим только путем анализа практики. Мы предполагаем, что объекты существуют независимо от нашего сознания, однако все, что мы о них знаем, знаем благодаря практике. Поэтому все наши знания в том числе и онтологические суждения, хотя и выражают нечто объективно данное, несут на себе отпечаток нашей субъективности»¹.

В первых двух главах книги мы подробно говорили о марксистско-ленинском понимании практики, ее роли в процессе познания, о единстве теории и практики, приводили конкретные и ясные положения классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу. Все они убеждают нас в несостоятельности ревизионистских рассуждений. Признание примата практики над теорией не является вульгарным материализмом, а есть одно из основных положений диалектического материализма. В. И. Ленин писал: **„Практика выше (теоретического) познания**, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»².

Далее. Признание примата практики над теорией не сковывает инициативу человека, не лишает его возможности активно воздействовать на окружающую действительность, а наоборот, вооружает его необходимыми знаниями для активного воздействия на природу и обще-

¹ Цит. по кн.: «Против современного ревизионизма в философии и социологии», стр. 110—111.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 205.

ственные явления и преобразования их. А вот ревизионистское толкование практики, отождествление ее с теорией и отрицание ее примата над теорией, как раз и мешает научному познанию.

Грубо извращена ревизионистами диалектика отражения. Западно-германский ревизионист Э. Блох считает, что диалектический материализм должен иметь дело не с познанием какой-то «узкой», «механической» объективной действительности, он должен объяснять более широкую область, то есть взаимодействие субъекта и объекта. Проблема «субъект» и «объект» есть центральная проблема в теории познания Э. Блоха, она обнимает собой все явления мира.

«...Субъект и объект, по Блоху, это не две стороны, взаимодействующие в процессе познания, а «две стороны мирового процесса». Материального как такового, отдельно от идеального не существует, ибо объективное — всего лишь другая сторона субъективного, «конечный момент субъекта в неотчужденном объекте»¹.

Э. Блох обвиняет диалектический материализм в «механицизме», в том, что он рассматривает «природу в себе», природу, лишенную субъекта. Для Э. Блоха природа является проблемой субъекта и ее надо рассматривать как опосредствованную человеком.

Признание диалектическим материализмом субъективной и непосредственной человеком, только вещественной природы Э. Блох считает механистическим взглядом. Он предлагает рассматривать мир как «действительность процесса», а не вырванную из него «общественно-абсолютизированную фактичность». «Действительность, — пишет он, — конечно, шире, чем действительность механики, которая представляет только часть ее, оторванную от человека, и даже эту внешнюю сторону мира часто еще рассматривают как искусственно изолированную и овеществленную».

Это — идеализм. Под видом учета роли человеческой практики он выступает в духе Фихте и Авенариуса за неразрывную связь природы (объекта) и субъекта, против «изолированной», то есть независимой от сознания материи.

¹ Цит. по кн.: «Против современного ревизионизма в философии и социологии», стр. 112.

По-своему своеобразно искажает теорию отражений диалектического материализма и А. Лефевр. Настаивая на взаимосвязи объекта и субъекта, он стремится в своих работах провести кантианскую линию разграничения действительности и ее отражения. Прежде всего он пытается опорочить марксистское понимание гносеологии. Он считает, что положение материализма о признании предметов объектами познания есть вульгарный марксизм. Он пишет: «Вульгарный марксизм катастрофически противоречит себе: с одной стороны, он утверждает, что в мире нет изолированных явлений. В то же время утверждается, что этот предмет, эта вещь, это явление может существовать не только вне моего сознания, но и вне любого сознания».

Материалистическое признание существования предметов вне сознания, независимо от любого сознания, подменяется положением об отсутствии связи между предметами и познающим сознанием и затем все это объявляется отступлением от учения диалектики о взаимосвязи всех явлений.

Основное положение материализма о том, что предметы, вещи, природа существуют объективно и отражаются в человеческой голове, Лефевр считает метафизикой. Он пишет, что якобы признание «реальности», с одной стороны, ее «отражение» в головах людей, с другой, противоречит марксистской диалектике.

Все эти и другие философские трюки А. Лефевру нужны для того, чтобы самому именно метафизически отрицать совпадение отражения с реальностью. «К сложной противоречивой реальности, — пишет он, — отражения добавляют свои противоречия, свои бессвязности и иногда свои тщетные попытки связи».

А. Лефевр приходит к ревизионистскому выводу, согласно которому мышление представляется в виде автономного процесса. Именно поэтому он утверждает, будто для Маркса, в отличие от Гегеля, метод мышления не навязывается извне, самим предметом изучения, а представляет лишь удачно выбранное орудие познания. А. Лефевр выражает свое несогласие и с мыслью о соответствии истории идеи общей истории.

А. Лефевр изображает теорию познания диалектического материализма в качестве «теории зеркального отражения» и дает «свое» субъективно-идеалистическое

толкование процесса отражения. Он говорит, что не может отрицать «существования этого дерева вне меня», но может ли оно существовать вне всякого сознания — это уже другой вопрос. Включив практическую деятельность в субъект, А. Лефевр уже совершенно открыто провозглашает центральную догму идеализма: «Нет объекта без субъекта, нет субъекта без объекта».

Взгляды А. Лефевра близки к учению Беркли. Только Беркли отрицал материю именно в философии, а в практической сфере он признавал существование реальных вещей. Лефевр же, наоборот, отрицает существование объективных вещей в практическом мире, а не в философии. Общим для них является разрыв теории и практики, скатывание к солипсизму.

Внимательное изучение положений ревизионистов по вопросу диалектики процесса отражения показывает, что всем им в теории познания характерна одна общая черта, а именно: «...извращенное толкование сущности практики и подсовывание этой практики на место объекта познания. А. Лефевр, например, прямо признается, что для него материализм — это учение, отражающее не объективную действительность, а субъективно-объективную деятельность. Он пишет: «Углубленный материализм отражает деятельность, которая преобразует вещи (создает «вещи», творения или продукты), а не сами «вещи». Так, под предлогом «углубления» материализма, признания «непрерывного взаимодействия субъекта и объекта» осуществляется разрыв с материализмом, переход на идеалистические позиции. В книге «Итог и остаток» А. Лефевр уже сам признает этот разрыв. «Философский материализм, — пишет он, — исчезает... потому что он бесполезен, как философия. Понятие «материя» растворяется в понятии «практики»¹.

Особое место в искажении теории познания диалектического материализма занимает вопрос об истине. При этом надо отметить, что ревизионисты стараются оторвать ленинскую теорию отражения от взглядов Маркса и Энгельса на этот вопрос, противопоставить их друг другу. Этот прием фальсификации всего марксизма воспринят ими от современных буржуазных философов

¹ Цит. по кн.: «Против современного ревизионизма в философии и социологии», стр. 116.

и особенно широко используется теми ревизионистами, которые «заинтересованы» в том, чтобы вновь «открыть» Маркса, так как для их страны, утверждают они, «Маркс не значит того, чем он был для старых интерпретаторов».

Ревизионисты умышленно отрицают существенную разницу во взглядах молодого и зрелого Маркса. И это делается для того, чтобы некоторые идеалистические и революционно-демократические высказывания молодого Маркса противопоставить позднему марксизму, выдать их за истинный марксизм, а себя — за единственно последовательных марксистов. Такая мысль особенно настойчиво проводится Л. Колаковским в статье «Карл Маркс и классическое определение истины», в которой он фальсифицирует ранние произведения Маркса, делает попытку представить всю теорию познания марксизма как идеалистическую. По его мнению, Энгельс и Ленин создали совершенно другую, качественно отличную от марксовой, теорию отражения.

«...Только возникнув, марксизм сформулировал зачаточный проект теории познания, который в ходе развития теоретического течения, связывающего себя с именем Маркса,— пишет Л. Колаковский,— был заменен радикально иной концепцией Энгельса и особенно Ленина (я говорю «особенно», имея в виду крайние формулировки, которыми пользовался Ленин для характеристики своей теории отражения или же теории сознания, копирующего и подражающего действительности). Мы отказываемся от анализа причин, которые способствовали этой своеобразной эволюции. Их наверняка больше, чем одна (в случае Энгельса трудно исключить просто влияние позитивистской наукообразности, распространенной в его эпоху; в случае Ленина влияние традиций русского материализма, что, впрочем, только частично объясняет вопрос)»¹.

Свой ревизионистский вывод о принципиальном «отличии» теории познания Маркса от теории отражения Энгельса и Ленина Колаковский делает при помощи трех основных приемов.

Во-первых, он фальсифицирует гносеологию молодого Маркса, всячески старается сблизить его с Бергсоном,

¹ Цит. по кн.: «Против современного ревизионизма в философии и социологии», стр. 118.

с прагматизмом. Изображает его в качестве принципиального противника «классического определения истины».

Многие века в истории философии борются два основных подхода к вопросу о том, какое познание считается истинным: материалистическое или идеалистическое?

Согласно первому, истинность познания, как известно, заключается в его соответствии с объективной действительностью. Согласно второму подходу, познание считается истинным, если оно соответствует принятым нормам и правилам. В рамках каждого идеалистического течения эти нормы и правила могут быть различными: в одном случае требуется, чтобы ход мышления был непротиворечивым; в другом случае — очевидным; в третьем — чтобы оно приносило пользу; в четвертом — оно должно быть экономным и т. д. и т. п.

Л. Колаковский не хочет называть вещи своими именами, он не употребляет традиционные философские понятия: «материалистический» и «идеалистический» подход, а называет первый подход к определению истины «классическим», а второй — «неклассическим». К последнему относит наряду с Бергсоном и Маркса.

Известно, что в ранних работах Маркса содержались элементы идеализма, но, несмотря на это, он и тогда вполне определенно стоял на диалектико-материалистических позициях в понимании практики и истины (см. знаменитые его «Тезисы о Фейербахе»). Л. Колаковский, грубо искажая воззрения молодого Маркса, приписывает ему субъективистский взгляд, согласно которому «бытие» само в себе не может считаться предметом его познания, так как это бытие не является предметом человеческой деятельности.

Приписывая Марксу прагматическое понимание практики, Л. Колаковский смешивает две стороны вопроса. Одно дело — существует ли предмет, бытие, которое познает человек, объективно, то есть независимо от всякого сознания. И другое дело — связано ли понятие предмета человеком с его практической деятельностью. В этом смысле К. Маркс недвусмысленно стоял на позициях материализма. Но К. Маркс подчеркивал и другую сторону вопроса: решающую роль практики как средства превращения «самого в себе» в «бытие для нас». И смешивать на этом основании философский вывод К. Маркса о пре-

образовании мира в ходе человеческой практики с философией творчества Бергсона есть явная клевета на Маркса.

Второй своей задачей Л. Колаковский считает — выдать гносеологические взгляды молодого Маркса, то есть взгляды Маркса в «Философско-экономических рукописях», за истинную гносеологию Маркса. Он замалчивает работы Маркса, в которых он дальше развивал материалистическую теорию познания. После такой фальсификации взглядов Маркса Колаковский переходит к решению своей третьей задачи — противопоставлению теории познания Маркса, с одной стороны, Энгельса и Ленина — с другой.

Точка зрения Колаковского не выдерживает никакой критики. Взгляды Маркса и Энгельса в принципиальных вопросах были едиными. В. И. Ленин, обогатив теорию познания рядом новых положений, опирался на высказывания Маркса и Энгельса, исходил из всего духа марксизма. Теория познания диалектического материализма, разработанная Марксом и Энгельсом и развитая дальше В. И. Лениным, есть единая теория познания марксизма-ленинизма.

Ревизионисты пересматривают марксистское учение об истине в вопросе о соотношении идеологических и научных моментов в познании. Особенно много говорят они по этому вопросу за последнее время.

Большинство из них рассматривает всякую идеологию как извращенное отражение действительности. Один из них пишет: «Идеология есть форма рационального сознания, вырастающая из парциальной (классовой) общественной позиции человека и стремящаяся к тому, чтобы эту позицию оправдать и навязать в качестве единственной формы человеческого бытия».

По мнению многих ревизионистов, сущность идеологии состоит в конфликте разума и рационального сознания, в их взаимной отчужденности. Они отстаивают тезис, согласно которому марксизм в своей основе, по своему содержанию и методу якобы не является идеологией. Они кричат о «перерождении» марксизма в идеологию администраторов.

Разграничивая науку и идеологию по их содержанию, ревизионисты считают, что якобы для точного определения понятия науки необходимо провести еще одно раз-

личие, а именно: между положениями, которые выражают объективное рациональное познание, и положениями, при помощи которых выражаются интересы, эмоции и идеалы отдельных личностей и общественных групп. Будто бы положения идеологической пропаганды — это не обобщения, к которым пришли логическим путем, а прежде всего выражение эмоций и интересов ограниченных общественных группировок. Они, следовательно, имеют не объективный, рациональный, а субъективный, эффективный, характер. В известных случаях в их подлинную истину не верит даже тот, кто утверждает их: он просто хочет побудить других людей к такой деятельности, которая будет способствовать реализации его целей и, возможно, сделает его позицию в будущем истинной. Иначе говоря, речь идет «об определенной особой форме рационализации бессознательных психологических мотивов».

По мнению ревизионистов, «идеология — это совокупность всех идей и теорий, при помощи которых определенный класс выражает свои интересы, цели и нормы своей деятельности».

Для себя они считают неприемлемым рассматривать марксизм в качестве идеологии, фальсифицирующей действительность, или же в качестве науки, свободной от всяких подобных идеологических моментов. Таким образом, они противопоставляют научные основы марксизма идеологии марксизма.

«Подлинный марксизм,— пишет один из ревизионистов,— представляет собой единство этих различных моментов — научного и идеологического. Разница между ними в том, что наука констатирует и объясняет то, что есть, что было или что будет. Идеология выражает то, что должно быть, чего хотят, чтобы было, что должно быть в интересах рабочего класса». Другими словами, по их мнению, получается, что марксизм включает в себя два момента: научный, соответствующий действительности, и идеологический, не соответствующий действительности.

«Многое из того, что сегодня трактуется как часть социалистической идеологии, говорят ревизионисты, не имеет никакой научной основы. Практическая цель проведения различий между научным и идеологическим моментами в том, что сегодня выступает под названием «марксизм-ленинизм», состоит именно в исследовании то-

го, какие цели и задачи, входящие в программы современных рабочих партий, имеют свою объективную, научную основу, а какие этой основы не имеют, а навязаны произвольно, субъективно, практически».

Из этих и многих других положений ревизионистов видно, что они подходят к вопросу об идеологии далеко не по-марксистски, ибо совершенно ясно, что метафизическое разделение науки от идеологии ведет к отрыву марксизма от революционной политики коммунистических партий, к лишению марксизма практического действительного значения, то есть к ликвидации его революционной сущности. Как в домарксистских теориях, так и в марксизме наука и идеология отнюдь не представляли собой две части, а были лишь двумя сторонами, двумя функциями одного и того же учения. В марксизме идеология и наука совпадают полностью, марксизм — научная идеология.

Ревизионизм имеет свои гносеологические корни. Академик П. Н. Федосеев в введении в книге «Против современного ревизионизма в философии и социологии» пишет: «Гносеологические корни философского ревизионизма те же самые, что и у всякого другого субъективизма, идеализма. Они заключаются в произвольном выхватывании, преувеличении, абсолютизировании отдельных черточек современной действительности, в возведении их в целую «теорию», в конечном счете извращающую и искажающую эту действительность. Например, исходя из единичных частных примеров улучшения жизни рабочих в условиях капитализма, когда капиталисты вынуждены проводить отдельные мероприятия по социальному обеспечению рабочих, ревизионисты делают вывод о возникновении социализма в недрах капитализма. Или, ссылаясь на национализацию некоторых отраслей промышленности в некоторых капиталистических странах, ревизионисты делают вывод о возможности всеобщего планирования и ликвидации анархии производства при капитализме».

Анализ философских и социологических основ, особенно в области теории познания ревизионизма, показывает, что он отрицает единство теории и практики в марксизме-ленинизме, его неразрывную связь с жизнью, с политикой, проповедует отказ от принципа партийности, пытается примирить материализм

и идеализм. Ревизионисты объявляют партийность несовместимой с научной объективностью. Они стремятся превратить марксизм из действенного оружия борьбы рабочего класса и его партии в абстрактное, бесплодное теоретизирование. Все это противоречит духу марксизма и наносит огромный вред революционному движению рабочего класса, вносит разброд в его ряды. Поэтому борьба против современного ревизионизма весьма актуальна и важна. Такая борьба наряду с борьбой против догматизма диктуется самым ходом развития марксизма в классовом обществе.

«В современных условиях,— говорится в новой Программе КПСС,— главную опасность в коммунистическом движении представляет ревизионизм, правый оппортунизм, как отражение буржуазного влияния. Прикрывая свое отступничество от марксизма рассуждениями о необходимости учитывать новейшие условия развития общества и классовой борьбы, ревизионисты выполняют на деле роль разносчиков буржуазно-реформистской идеологии в коммунистическом движении. Они стремятся вытравить из марксизма-ленинизма его революционную душу, подорвать веру рабочего класса, трудового народа в дело социализма, разоружить и демобилизовать рабочих, трудящихся в их борьбе против империализма».

Серьезную опасность для науки и практики представляет и догматическое извращение марксизма.

Догматизм — слепая вера в существующие теории, нежелание подвергнуть их критической проверке, развитие соответственно новым условиям. Критикуя догматизм, Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС говорил, что «...творческий марксизм-ленинизм непримирим к застою мысли, преклонению перед формулами, которые не соответствуют реальному положению вещей, объективной обстановке. Ничто так не противоречит существу и творческому духу революционного учения, как попытка цепляться за положения, несостоятельность которых доказывается жизнью».

Как известно, сознание людей отстает в своем развитии от общественного процесса, от фактического положения людей в обществе. Отставание мысли от развития материальной стороны имеет место и в области научного мышления. Мысль легко устремляется по уже известной дороге, усваивает готовые ответы на вопросы. Отсюда

и стремление человека исходить из уже готовых определений. Вот эта консервативная сторона мышления и служит питательным источником для догматизма, который и рассматривает наши понятия как абсолютные, исчерпывающие и вечные.

Догматизм извращает действительность, превращается на практике в тормоз, в препятствие для прогресса. Задача же подлинной науки состоит в том, чтобы не просто повторять истину, а развивать ее в соответствии с новыми условиями. Отсюда неотъемлемым качеством подлинного деятеля науки и практики является творческий, новаторский дух и смелость, без которых невозможно освободиться от старых предрассудков.

Догматики и сектанты не понимают диалектического, конкретно-исторического подхода к действительности. Они не умеют схватить и понять новые явления, не учитывают изменившуюся обстановку. С этих метафизических позиций они подходят к оценке современной эпохи, многих новых сложных вопросов современной жизни. Поэтому и в Программе КПСС говорится, что другой опасностью является догматизм и сектантство, которые находятся в непримиримом противоречии с творческим развитием революционной теории, ведут к отрыву, изоляции от широких масс, обрекают их на пассивное выжидание или толкают на левацкие авантюристические действия в революционной борьбе, мешают правильно оценивать меняющуюся обстановку и использовать новые возникающие возможности в интересах рабочего класса и всех демократических сил.

Известные программные документы, принятые на совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий, сурово осудили всякого рода отступления от марксистско-ленинской теории, современный оппортунизм, ревизионизм, реформизм и догматизм, которые организовали новый яростный поход против творческого, революционного марксизма-ленинизма.

В заявлении Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 года говорится, что интересы дальнейшего развития коммунистического и рабочего движения требуют и впредь продолжать решительную борьбу на два фронта — против ревизионизма, который остается главной опасностью, и против догматизма и сектантства, что догматизм и сек-

тантство в теории и на практике, если против них не вести последовательной борьбы, также могут стать главной опасностью на том или ином этапе развития отдельных партий. Марксистские партии ведут решительную борьбу против ревизионизма, сектантства и догматизма в международном коммунистическом и рабочем движении, отстаивают чистоту марксистско-ленинской теории, творчески развивают ее дальше в современных условиях.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
Глава I. Критика В. И. Лениным идеалистической теории познания	
1. Разоблачение В. И. Лениным идеалистического понимания материи и ее основных свойств	13
2. Критика В. И. Лениным идеалистического понимания причинности, закономерности, необходимости и свободы	31
3. Критика В. И. Лениным идеалистического понимания опыта и ощущений	40
4. Ленинская критика агностицизма и скептицизма	52
5. Ленинская критика «физического» идеализма	74
6. Критика «физиологического» идеализма и «теории символов» (иероглифов)	83
7. Борьба В. И. Ленина с идеалистическим пониманием истины и критика им релятивизма	90
8. В. И. Ленин о классовых и гносеологических корнях идеализма	95
Глава II. Борьба В. И. Ленина против метафизической теории отражения	
1. Критика механистического, вульгарно-метафизического понимания материи и ее свойств	99
2. В. И. Ленин о диалектическом характере процесса познания, единстве диалектики, логики и теории познания в марксизме	115
3. Диалектика объективной, абсолютной и относительной истины и критика догматизма	125
4. В. И. Ленин о роли практики в процессе познания, единстве теории и общественной практики	130
Глава III. Значение ленинской теории отражения в борьбе против современной буржуазной философии, ревизионизма и догматизма	
1. Характерные черты основных течений современной буржуазной философии и критика их гносеологии	144
2. Извращение ревизионизмом и догматизмом теории познания диалектического материализма	183

*Дзандар Салангиреевич
Кантемиров*

**БОРЬБА В. И. ЛЕНИНА ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА
И МЕТАФИЗИКИ В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ**

Редакторы: *Ф. Жизневский и Э. Швы́дко*
Обл. худож. *В. Григорьева* Худож. редактор *Р. Юлдашев*
Техн. редактор *Т. Поповиченко*. Корректор *Э. Тимошенко*.

Сдано в набор 23/XI 1962 г. Подписано к печати 28/V 1963 г.
Формат $84 \times 180 \frac{1}{32} - 6,25 = 10,25$ п. л. (10,8 уч.-изд. л.)
Тираж 2600 экз. УГ03036. Цена 25 коп.
Казгосиздат, г. Алма-Ата, ул. Кирова, 122.

Заказ № 4508. Типография № 2 Главиздата Министерства культуры КазССР,
г. Алма-Ата, ул. Карла Маркса, 63.

24

